

Г К. Ашин

СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕОРИИ ЭЛИТЫ:
КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

МОСКВА «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» 1985

ББК 66.4(08) А
98

Рецензенты:

доктор философских наук П. С. ГУРЕВИЧ,
доктор философских наук Д. В. ЕРМОЛЕНКО

Ашин Г. К.

А 98 Современные теории элиты: Критический очерк. — М.:
Междунар. отношения, 1985.— 256 с.— (Критика бур-
жуазной идеологии и ревизионизма)

В книге показывается, кто определяет внешнюю и внутреннюю политику капиталистических стран, дается развернутая критика теорий, оправдывающих концентрацию политической власти в руках кучки представителей финансовой олигархии и ее ставленников. Анализируется полемика по вопросу о структуре и характере политической власти в развитых капиталистических странах, ведущаяся в буржуазной политической литературе США, Англии, ФРГ, Франции, Италии. Раскрывается антинаучный и реакционный характер наскоков элитаристов на политическую систему социализма.

Для идеологических работников, обществоведов, лекторов, пропагандистов, читателей, интересующихся современными идейными течениями Запада и современной буржуазной социологией.

0804000000—007 --,
А -----14—85 4 ББК 66.4(08)
003(01)—85

ВВЕДЕНИЕ

Борьба социалистической и буржуазной идеологий составляет стержень идейной жизни современного человечества, его основное измерение. Социалистическая идеология стала ныне существеннейшим фактором, все более определяющим духовный климат нашей планеты, в то время как буржуазная идеология переживает серьезный кризис, являющийся составной частью общего кризиса капитализма. У монополистической буржуазии ныне не оказывается идей, которые вдохновили бы народные массы, ибо ее цели пришли в непримиримое противоречие с потребностями общественного развития, с интересами масс. Однако было бы неверным и опасным недооценивать роль и возможности буржуазной идеологии. Можно утверждать, что наряду с общим подрывом идеологических позиций империализма параллельно развивается и иной процесс — поиски его теоретиками новых возможностей противодействия социализму, идеологической обработки масс, модификации и модернизации идейного арсенала империализма.

Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в своем докладе на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, империалистические круги Запада стремятся «застопорить прогрессивные изменения в жизни человечества, вернуть утраченные позиции. Потерпев в 60—70-е годы ряд крупных поражений на мировой арене, империализм, прежде всего американский, предпринимает все более массивные, беспрецедентные по своему размаху атаки на наш Общественный строй, марксистско-ленинскую идеологию, стремится отравить сознание советских людей, извратить цели нашей внешней политики, блокировать растущее влияние реального социализма — главного оплота дела мира и

свободы народов. Идет напряженная, поистине глобальная борьба двух идеологий»¹.

В борьбе марксистско-ленинской и буржуазной идеологий видное место принадлежит проблеме выявления субъекта исторического действия, проблеме роли народных масс, классов, партий, политических руководителей в общественном процессе, роли и функций того класса или социального слоя, который осуществляет государственное управление. Научное решение этих проблем имеет важное политическое и мировоззренческое значение.

В этой борьбе сталкиваются два противоположных тезиса. Марксизм-ленинизм исходит из того, что народные массы являются подлинными творцами истории, поэтому коммунистические партии видят свою важнейшую задачу в активизации масс, в повышении уровня их организованности, сознательности, в максимальном развитии их инициативы и энергии. В противоположность этому буржуазные идеологи и политики стремятся удержать массы в угнетенном и приниженном положении, строя свои стратегические расчеты на отстранении масс от политики, от управления экономикой, от подлинной культуры, от решения кардинальных проблем общественного развития, с которыми-де лучше справится «компетентная элита». Идеология и политика империалистической буржуазии является глубоко антинародной; для нее характерен страх перед народом, перед его революционной инициативой.

Современная эпоха — эпоха колоссальных, всемирно-исторических социальных изменений. Она характеризуется возрастанием роли народных масс во всех областях общественной жизни. В эту эпоху, небывалую по своему динамизму, по огромному охвату людей, участвующих в исторических событиях, гигантски ускорились темпы общественного развития. Выход на арену исторического творчества широчайших народных масс, которые господствующие классы веками стремились отстранить от государственных дел, активное участие миллионов и десятков миллионов трудящихся в политической жизни, рост их сознательности явились причиной глубочайших социальных перемен.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свершенная трудящимися массами нашей страны во главе с рабочим классом и его революционным авангардом — марксистско-ленинской партией, явилась поворотным пунктом в истории человечества. Она открыла новую эпоху всемирной истории — эпоху социализма. В центре ее стоит рабочий класс — вождь народных масс и его главное дети-

ще — мировая система социализма, которая превратилась ныне в решающий фактор мирового развития. Именно в социалистических странах коренным образом меняются положение и роль народных масс, ставших хозяевами собственной жизни, подлинными суверенами. Другим важнейшим событием современной эпохи явилось крушение колониализма под натиском национально-освободительных движений народов Азии, Африки и Латинской Америки. Возникновение на месте вчерашних колоний и полуколоний независимых, избравших некапиталистический путь развития государств, голос которых сегодня все громче звучит на важнейших международных форумах, является отражением закономерного процесса возрастания роли народных масс в историческом процессе. И в самих капиталистических странах растет активность трудящихся, степень их сопротивления антинародной политике монополий, прежде всего курсу на раскручивание новых витков гонки вооружений. Движущей силой всех этих событий и процессов, определяющих лицо современного мира, являются народные массы.

Ныне даже буржуазные теоретики не могут полностью отрицать возросшее влияние народных масс на ход мировой истории. Коренные разногласия между двумя идеологиями обнаруживаются в вопросе об отношении к этому явлению, при объяснении его причин, определении его значения для судеб мира, для перспектив общественного развития. Буржуазные идеологи не отказались, да и не могут отказаться в силу классовых и теоретико-познавательных причин от идеалистической трактовки роли народных масс в истории, от элитарного видения мира, но они вынуждены значительно модернизировать эти теории, придавать им по возможности псевдодемократическую форму.

В то же время империалистические круги всеми силами стремятся задержать, затормозить развитие творческой активности масс, удержать их в угнетенном положении. В этом им всемерно помогают буржуазные идеологи, пытающиеся мистифицировать проблему социального управления, внушить массам неверие в свои силы,, исказить и дискредитировать марксизм-ленинизм — революционное мировоззрение рабочего класса, становящееся мировоззрением широчайших народных масс. Теоретики современного капитализма твердят о необходимости элиты для управления обществом, стремятся представить монополистическую верхушку в качестве «двигателей прогресса», «естественных руководителей» и «друзей народа». Отсюда и тезис

буржуазных идеологов о том, что во избежание «революционной анархии» для самих масс было бы лучше оставить столь усложнившуюся область политики «компетентной элите», отсюда и неуклонное стремление извратить положение трудящихся масс при социализме.

Прошло время, когда идеологи эксплуататорских классов могли игнорировать роль народных масс в историческом процессе; ныне они идут по иному пути, пытаются извратить эту возросшую роль, представить ее как «разрушительную», «угрожающую цивилизации». В современных элитарных теориях буржуазные социологи стремятся осмыслить со своих классовых позиций перспективы социального управления в капиталистическом обществе именно в связи с процессом возрастания роли народных масс в развитии общества, осмыслить социальные последствия научно-технической революции. Если раньше буржуазная идеология ориентировалась преимущественно на «внутреннее потребление», то теперь социологические концепции все чаще изначально сориентированы на «массовое потребление», на социальную демагогию.

Эту пропагандистскую направленность буржуазной идеологии, ориентацию на массовую аудиторию нельзя, разумеется, рассматривать как ее «демократизацию», как «уступку» массам со стороны интеллектуальной элиты (как это хотели бы представить некоторые западные теоретики). Это не отказ от элитарных установок, а лишь их модификация, попытка повысить их действенность в новых условиях.

Характер этих модификаций связан, однако, не только с усилением социальной демагогии современной буржуазной социологии. Помимо идеологической функции, в условиях огромного усложнения процесса управления социальной жизнью идеалистические концепции роли народных масс и личности в истории, прежде всего элитарные концепции, выполняют и чисто «служебную» функцию ориентации монополистической буржуазии в ее практической деятельности; они дают практические рекомендации, основанные на эмпирических исследованиях, порой ставят реальные проблемы, вытекающие из особенностей развития современного производства, средств массовых коммуникаций и т. д. Их неадекватное решение в рамках буржуазной социологии не лишает смысла и важности сами эти проблемы, а напротив, выдвигает настоятельную задачу решения их средствами иной теоретической системы.

В советской литературе уже отмечалось, что в освеще-

нии буржуазными социологами вопроса о роли народных масс в историческом процессе проявляются две главные тенденции². Первая — это ставшее уже традиционным для 'идеологов эксплуататорских классов отрицание или преуменьшение роли народных масс в истории, провозглашение их «пассивной толпой», способной лишь слепо следовать за элитой из господствующих классов. Вторая тенденция (берущая начало от французского психолога Г. Лебона) связана с признанием возросшей роли народных масс и даже нарочитым преувеличением возможностей политической активности масс в условиях буржуазной демократии и интерпретацией этой роли как «деструктивной». Именно последняя тенденция наиболее характерна для современного периода. Нужно отметить принципиальное сходство обеих тенденций: они объединены отрицанием конструктивной роли народных масс в истории, стремлением доказать неспособность народных масс к эффективному руководству общественной жизнью. Таким образом, обе эти концепции буржуазных социологов в сущности не альтернативны, а, напротив, дополняют друг друга. Если первая делает упор на отрицание творческой роли народных масс в историческом процессе, то вторая — на показе того, сколь разрушительно «незаконное» вмешательство масс в политику, на запугивание обывателя «катастрофическими» последствиями массовых движений. Отстранение масс от политики, от культуры, характерное для классово-антагонистических обществ, буржуазные идеологи возводят в норму, обосновывая это ссылками либо на их биологическую и психологическую «неполноценность», либо на их некомпетентность. Итак, первая концепция описывает «норму» с точки зрения апологетов капитализма, вторая — «патологию». Популярны на Западе теории «массового общества» и претендуют на то, что они отражают «социальную патологию» — функционирование общества в условиях возрастания роли народных масс в истории, которое неминуемо приводит к социальным катаклизмам³.

Таким образом, буржуазные социологи отказывают трудящимся в праве быть субъектом исторического процесса, оставляя за ними лишь право быть объектом (и жертвой) этого процесса. Субъект истории буржуазные социологи видят либо в отдельных лидерах, ставленниках эксплуататорских классов (теории лидерства)⁴, либо в господствующем классе в целом или, чаще, в верхушке этого класса, в его наиболее активной части. Это и составляет существо теорий элиты, наиболее распространенных в сов-

ременной буржуазной социологии, политологии, философии, истории.

Начиная с античности, с Платона в идеологии господствующих эксплуататорских классов наряду с теориями «героя» и «толпы» формируются концепции, идеализирующие не просто отдельных выдающихся личностей, но правящую верхушку общества. В разные периоды истории роль «коллективного героя» играла рабовладельческая аристократия, феодалы, финансовая олигархия. Не вызывает сомнения тот факт, что обе формы идеалистических концепций роли народных масс и личности в истории — теории лидерства и элиты — близки друг к другу. Можно утверждать даже, что ни одна из них не существует в чистом виде, они во многом переплетаются, что, однако, не исключает их относительной самостоятельности. Не случайно элита определяется рядом буржуазных социологов как каста лидеров.

Один из влиятельнейших американских элитаристов Г. Лассуэлл пишет, что термин «элита» употребляется в описательной политической науке, чтобы очертить социальный слой, из которого вербуются лидеры. Аналогичную позицию занимает П. Бахрах, который считает, что «понятие лидер и элита близки по значению, но лидер обычно понимается как выдающаяся личность, тогда как элита — как страта, поставляющая лидеров», причем, как отмечает автор, «термин элита непопулярен в демократических странах»⁵.

Впрочем, получила распространение и другая точка зрения, жестко разводящая обе указанные линии. Ряд элитаристов полагает, что их концепция прямо противоположна теориям лидерства. Так, американские социологи К. Прюит и А. Стоун пишут, что Г. Моска и его последователи бросили вызов ранее общепринятой классификации Аристотеля, считавшего, что правление может быть трех типов: властью «одного» (монархия), «немногих» (аристократия-) и «многих» (демократия), каждая из которых имеет свою крайнюю форму — тиранию, олигархию, мобократию (власть толпы). Элитаристы отрицают, что возможно правление «одного» или «многих»: один никогда не сможет править без активной поддержки со стороны господствующего класса и вовлечения его в процесс управления (с этим положением Прюита и Стоуна можно было бы согласиться, если бы не огромная путаница авторов в интерпретации понятия «класс»), а «многие», то есть народные массы, слишком неорганизованны и некомпетентны, чтобы управ-

лять делами общества. Поэтому любое правление есть власть «немногих», то есть элиты⁶.

Отметим, что Прюит и Стоун явно преувеличивают и абсолютизируют различия между теориями лидерства и элиты. В действительности противоположность этих теорий весьма относительна — и та и другая укладываются в рамки традиционного для буржуазной идеологии отрицания творческой роли народных масс в историческом процессе и апологии эксплуатации человека человеком. Не случайно главные стрелы элитаризма направлены не против культа героев, а против демократии, ибо власть народа — это «неосуществимая», с точки зрения элитаристов, модель политической структуры.

Именно элитаризм является ныне ведущей концепцией идеалистической интерпретации исторического процесса. В последнее десятилетие элитарные теории занимают все более видное место в потоке буржуазной социологической и политологической литературы. Причем если в 50—60-х годах элитарные концепции были оттеснены на второй план преобладавшими в то время теориями плюрализма, то в 70 — начале 80-х годов буржуазные социологи пишут о «ренессансе» элитаризма. Этот поворот к элитаризму они связывают обычно с приходом к власти консерваторов в крупнейших капиталистических странах: администрации Р. Рейгана — в США, М. Тэтчер — в Англии, Г. Коля — в ФРГ. Если раньше элитаризм, являющийся одной из характерных черт буржуазной идеологии, стыдливо прятали, маскировали псевдодемократической фразеологией, порой критиковали, то ныне он все чаще пропагандируется с циничной откровенностью. Засилье элитаризма в современной буржуазной политической науке отражает одну из сторон обострения общего кризиса капитализма на современном этапе, выражающуюся в ослаблении способности господствующего в капиталистических странах класса управлять общественными делами.

Многие западные социологи пишут о формировании самостоятельной социологической дисциплины — социологии элиты или элитологии, которая-де выявляет существенные стороны структуры и функционирования всего социального организма, прежде всего субъект социального действия, раскрывает процесс социально-политического управления в обществе, описывает тот социальный слой, который непосредственно осуществляет это управление, и превратилась в давно искомую теорию, призванную оправдать и обосновать капиталистический общественно-политический

строй и явиться альтернативой марксизму-ленинизму. Ряд буржуазных политологов и политических деятелей сетуют на то, что этих исследований проводится недостаточно, хотя они предназначены ориентировать политических лидеров в выборе оптимальной стратегии и тактики. Именно в элитаризме в наиболее концентрированной форме проявляется антинародный характер современной буржуазной идеологии, ее антидемократизм, волюнтаризм, антикоммунизм.

Не случайно главной мишенью критики элитаристов является марксизм-ленинизм. Острие этой критики направлено против марксистского учения о решающей роли народных масс в истории, об исторической миссии рабочего класса как вождя народа в свержении капитализма и строительстве социалистического и коммунистического общества. По признанию самих элитаристов, их теории сформировались в полемике с марксистской теорией классов и классовой борьбы, которую элитаристы объявили «односторонней», а марксизм неправомерно отождествили с «экономическим материализмом», приписывая ему игнорирование или недооценку политических и культурных факторов исторического развития⁷. В этой критике нет ни грана научности. Именно марксизм-ленинизм подчеркивает относительную самостоятельность сферы политики и возрастающую роль политической надстройки в жизни общества. Но элитаристы абсолютизируют эту, относительную самостоятельность и рисуют искаженную картину социального процесса. Они исходят из того, что политическая власть в любом обществе осуществляется правящей элитой, которая и является «движущей силой» исторического процесса, решает ключевые социальные проблемы; массы же политически «Инертны», «пассивны». Причем элитаристы квалифицируют как «наивные» буржуазные и мелкобуржуазные теории участия масс в управлении, которые появились еще в период, когда буржуазия была восходящим классом и в которых отразились оптимизм нарождавшейся буржуазии и ее иллюзии, что ей удастся привязать массы к своей политике. Чем в большей мере интересы буржуазии расходились с интересами широких народных масс, чем более полную власть узурпировала монополистическая буржуазия, тем активнее распространялись в буржуазных общественных науках элитарные теории.

Разумеется, в условиях острой борьбы буржуазной и социалистической идеологий многие западные социологи опасаются открыто провозглашать тезис о том, что народные массы — «бездумная толпа», повелевать которой при-

звана привилегированная верхушка общества. Такую откровенность могут позволить себе разве только социологи консервативной и ультраконсервативной ориентации. Большинство же буржуазных социологов, считающих себя либералами и «демократами», предпочитают вуалировать свой элитаризм. Отсюда всякого рода теории «демократического элитаризма», усилия по созданию «ослабленных» вариантов элитаризма, попытки соединить элитаризм с буржуазно-демократическими ценностями, с заискиванием перед массами.

Как и буржуазная идеология в целом, элитарные теории выполняют две основные функции: охранительную — по отношению к капиталистическому обществу, направленную на увековечивание общества с эксплуатируемым большинством и эксплуататорским меньшинством, и наступательную — против реального социализма, против марксистско-ленинской идеологии. Современные элитаристы пытаются доказать, во-первых, что элита-де неизбежна в любом обществе, что выделение элиты — имманентный элемент цивилизации; во-вторых, что капиталистическая элита — наиболее предпочтительна, ибо она якобы открыта для наиболее способных выходцев из «нижних классов», компетентна, чутка к настроениям масс, которые будут голосовать на очередных выборах; в-третьих, что, поскольку общество без элиты «невозможно», поскольку любое общество является «стратифицированным» и в нем есть привилегированные и непривилегированные, любая революция бессмысленна и бесперспективна, ибо в результате ее на смену одной элите приходит другая, а массы, которые эта новая элита использовала как инструмент революционных преобразований, по-прежнему остаются угнетенными и эксплуатируемыми; в-четвертых, раз общество без эксплуатации, без социального неравенства невозможно в принципе, то реальный социализм — это отнюдь не социализм, а общество, лишь «изменившее состав и структуру своей элиты». Попытки оклеветать и скомпрометировать реальный социализм: — неременная цель современного элитаризма.

Таким образом, элитарные теории играют видную роль в современной идеологической борьбе, причем не только в борьбе с социалистической идеологией. Они активно участвуют в идейной жизни внутри капиталистических стран, намечая своеобразные водоразделы в самом современном буржуазном сознании. Ибо далеко не все течения буржуазной общественно-политической мысли одинаково относятся к проблеме элиты; напротив, по этому вопросу происходит

столкновение точек зрения представителей таких направлений буржуазного и мелкобуржуазного политического сознания, как ультраконсервативное, консервативное, либеральное, леворадикальное сознание, а также реформизма и ревизионизма. Ожесточенная полемика по этой проблеме происходит порой внутри ультраконсервативного и либерального направлений. А для успешной борьбы с буржуазной идеологией необходимо знать и учитывать различия и противоречия в лагере наших политических и идеологических противников.

Необходимо также иметь в виду эволюцию буржуазной общественно-политической мысли в отношении проблемы элиты. Известно, что на ранней стадии развития буржуазная идеология выступила с концепцией народного суверенитета, полноправия народа. Современная буржуазная идеология отказывается от прогрессивного наследия. Западные социологи называют ныне теории народовластия утопическими, нереалистическими. Такие буржуазные идеологи, как Р. Бейли, З. Бжезинский⁸, вынуждены признать, что за последние полтора столетия буржуазная общественно-политическая мысль претерпела характерную метаморфозу, перейдя от лозунга народовластия к лозунгу полноправия элиты. Подобная метаморфоза характерна для идеологии класса, интересы которого пришли в противоречие с интересами народных масс, с потребностями общественного развития.

Элитарные теории стали характерной чертой современной буржуазной, мелкобуржуазной, реформистской идеологий. Развернутая, систематическая критика этих теорий, направленных на увековечивание строя угнетения и эксплуатации трудящихся масс, является неразрывной частью борьбы социалистической идеологии с буржуазной. Поэтому одной из важных задач марксистских исследователей современной буржуазной социологии и политологии является научный, критический анализ элитарных теорий, всех их многочисленных разновидностей (теорий, которые выдаются за «новое слово» в общественных науках, хотя на деле лишь перепевают традиционные взгляды теоретиков эксплуататорских классов); выявление их места в современной буржуазной идеологии, их социальных и теоретико-познавательных корней, их реакционного, антинародного характера, неадекватности интерпретации ими социально-политических процессов, происходящих в современном мире, прежде всего социальных последствий НТР; показ их теоретической несостоятельности.

Известно, что задача марксистской критики буржуазной идеологии отнюдь не исчерпывается выявлением ненаучности той или иной буржуазной концепции социальной действительности. Ее задача состоит в том, чтобы вскрыть те реальные основания, моменты социальной действительности, на которых она базируется, и показать, что ее авторы порой ставят реальные проблемы, хотя и не дают их решения или чаще предлагают ложные решения. В последнем случае задача марксистских социологов, показав неспособность буржуазной социологии ввиду ее классовой ограниченности решить данную проблему, предложить ее решение средствами иной, более высокой теоретической системы.

Критика идеалистических теорий о роли народных масс, классов, партий, политических руководителей в истории является традицией марксистской социологии. Глубокая, всесторонняя критика этих концепций содержится в трудах основоположников марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли уничтожающему критическому разбору подобные концепции, развивавшиеся младогегельянцами, Карлейлем и другими буржуазными теоретиками. В. И. Ленин идейно разгромил идеалистические взгляды на проблему роли народных масс в истории, проповедовавшиеся народниками, эсерами, кадетами и другими буржуазными и мелкобуржуазными идеологами.

Только опираясь на марксистско-ленинскую теорию классов и классовой борьбы, государства и революции, всемирно-исторической миссии рабочего класса, стоящего в авангарде общественного прогресса, возглавляющего борьбу за социализм и коммунизм, можно дать подлинно научную критику элитаризма. Известно, что, анализируя характер властно-политических отношений в обществе, важно прежде всего вскрыть, в руках какого класса находится политическая власть, важно также выявить структуру правящего класса, наличие в нем отдельных слоев и групп, влияние которых на государственный аппарат различно. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина мы находим глубочайший анализ роли различных классов, в том числе господствующих, в историческом процессе, а также анализ внутренней дифференциации этих классов. В работах К. Маркса «Классовая борьба во Франции», «18 брюмера Луи Бонапарта», В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» необходимым моментом классового анализа политических отношений является выявление распре-

деления власти внутри господствующего класса, конкретных групп правящего эксплуататорского класса, оказавшихся у руля государственной власти.

В работе «18 брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс дает блестящий образец анализа специфики различных слоев и фракций внутри господствующего класса, вскрывает, какая группа или «клика» играла ведущую роль в осуществлении власти данного класса в определенных исторических условиях. Глубокий анализ структуры класса буржуазии и изменения этой структуры в период перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, выявивший особую роль финансовой олигархии в этой структуре, содержится в работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Именно в трудах классиков марксизма-ленинизма заложены методологические принципы научного исследования проблемы роли и места верхушки господствующих эксплуататорских классов в социально-политическом развитии.

Особое значение для научной критики элитарных теорий имеют раскрытые в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» методологические принципы критики буржуазных идеологических течений. В. И. Ленин отмечал, что к оценке буржуазных философских концепций марксист должен подходить с четырех точек зрения. Во-первых и прежде всего, необходимо сравнить теоретические основы этой философии и диалектического материализма. Такое сравнение показывает реакционность и антинаучность элитаристской интерпретации социального процесса. Во-вторых, следует определить место изучаемого направления (в данном случае элитаризма) в буржуазной философии, социологии. В-третьих, необходимо учитывать связь элитаризма с реальными социальными и культурными процессами в современном мире, попытки спекуляций представителей этого направления на определенных достижениях естественных и общественных наук (в частности, генетики и психологии), на односторонних интерпретациях НТР. В-четвертых, за социально-философскими построениями элитаризма «нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества»⁹. Исходя именно из этих методологических принципов, можно дать научный анализ современных элитарных теорий.

Значительная работа в области критики элитаризма проделана марксистскими исследователями. Среди трудов советских авторов назовем работы Ф. М. Бурлацкого и

Л. А. Галкина «Социология. Политика. Международные отношения» (М., 1974); П. С. Гуревича «Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции» в книге «Социально-политические теории современной буржуазной идеологии» (М., 1981); Ю. Н. Давыдова «Искусство и элита» (М., 1966); В. В. Колбановского и Г. В. Осипова «Антинародная сущность теорий «элиты» в книге «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии» (М., 1960); В. Г. Каленского «Политическая паука в США» (М., 1969).

Укажем и на работы автора данной монографии — «Социология человеконенавистничества» (М., 1957) и «Миф об элите и «массовом обществе» (М., 1966). Из трудов исследователей в социалистических странах отметим книгу чехословацкого социолога М. Нарты, посвященную критике главным образом ревизионистского варианта элитаризма, «Теория элит и политика» (М., 1978); книгу польского социолога В. Весоловского «Классы, слои и власть» (М., 1981). Среди марксистских исследований в капиталистических странах следует отметить работы Э. Агости «Возрожденный Тантал» (М., 1969); Г. Аптекера «Лауреаты империализма» (М., 1955) и «О сущности свободы» (М., 1961). Тем не менее дальнейший критический анализ современных элитарных теорий в их целостности и в то же время в их многообразии представляется необходимым.

ГЛАВА I

КОРНИ И ТРАДИЦИИ

Qui prodest? Кому выгодно? Этот вопрос неоднократно задавал В. И. Ленин, анализируя классовую сущность той или иной социальной теории, ее идеологическую направленность. Ответ на него помогает выявить социальные корни социологических концепций, обнаружить, интересам каких классов они служат. Классовый подход к социальным феноменам — важнейшее требование марксизма-ленинизма, один из ведущих принципов анализа явлений общественной жизни, в том числе социальных теорий, являющихся продуктом общества, разделенного на классы. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹. Эти мысли В. И. Ленина полностью применимы к элитарным теориям, авторы которых прикрывают свой классовый интерес фразами о божественном предопределении, о справедливости и общественной пользе.

Третирование народных масс, приписывание решающей роли в историческом процессе правящему меньшинству, выходцам из господствующих классов — характерная черта идеологии эксплуататоров. Теоретики этих классов, стремясь оправдать и обосновать угнетение народных масс, пропагандируют лживые концепции о неспособности трудящихся к управлению социальной жизнью; тем самым оправдывается само существование эксплуататорских классов, более того, оно изображается благодеянием для общества. Разумеется, антагонистические формы развития производства с присущими им эксплуататорскими класса-

ми были необходимыми ступенями развития общества, но идеологи этих классов стремятся увековечить это положение. Подобные взгляды, фетишизирующие роль эксплуататоров, утвердились в результате их настойчивой пропаганды идеологами рабовладельческого, феодального, буржуазного общества. Как указывал В. И. Ленин, теории о том, будто управлять государством могут только так называемые высшие классы, только богатые или прошедшие школу богатых классов, приобрели характер старого, нелепого, гнусного и мерзкого предрассудка. «Поддерживается он гнилой рутинной, заскорузлостью, рабьей привычкой, а еще больше грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя»².

Проистекая из неразвитости общественных наук, незнания законов общественного развития, теории, объявляющие творцом истории верхушку эксплуататоров, были закреплены интересами господствующих классов, превративших гигантское большинство общества в объект эксплуатации. Эксплуаторские классы, монополизировав государственное управление, поработив массы политически, экономически, духовно, нуждались в идеологическом обосновании и закреплении этого положения. Таким теоретическим «обоснованием» и явились элитарные концепции.

В условиях относительно слабого развития производительных сил процесс общественного разделения труда неизбежно принимает антагонистические формы, порождая социальное неравенство. Ф. Энгельс писал в этой связи: «...Пока человеческий труд был еще так мало производителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой»³.

Само по себе отделение умственного труда от физического было в свое время прогрессивным явлением, способствовавшим развитию производительных сил общества, развитию культуры. Вместе с тем в условиях эксплуататорского общества оно породило такие уродливые явления,

как монополизация умственного труда (включая управление государством, развитие науки, искусства) кучкой представителей господствующих классов и подавление творческого начала в труде народных масс; умственный труд становится привилегией господствующих классов, а физический — обязанностью угнетенных масс*.

Этот классовый антагонизм, естественно, находит свое отражение и в области идеологии. Поскольку умственный труд становится достоянием господствующих классов, их идеологи рассматривают его как главную силу истории, а физический труд, совершаемый в вещественной, материальной сфере — как нечто второстепенное, низменное (материальные моменты социального развития оставались в тени отчасти и потому, что на ранних ступенях человеческой истории экономическое развитие совершалось на несколько порядков медленнее, чем политическое и идеологическое). Поэтому всю заслугу в развитии цивилизации они приписывают государственным и военным деятелям, ученым, отрицая творческую роль народа, рассматривая трудящиеся массы как силу, враждебную разуму, культуре. Как указывал Ф. Энгельс, «более скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более что планирующая работу голова уже на очень ранней ступени развития общества... имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять назначенную ею работу»⁴.

Управление все усложняющимся социальным организмом требует возрастающего объема социальных знаний; необходимое для получения этих знаний освобождение части людей (меньшинства) от физического труда было достигнуто ценой самого тяжелого, оупляющего, подавляющего творческую активность труда большинства. Элитарные теории и отражают (а также апологетизируют) социальную структуру, в рамках которой все блага цивилизации достаются меньшинству, тогда как большинство порабощено экономически, политически, духовно. Впрочем, это не означает, что эксплуататорское меньшинство получает максимальный простор для своего развития. Строй эксплуатации и угнетения с неизбежностью выливается в

* Данный процесс еще более деформируется в условиях империализма. Монополистическая буржуазия перекладывает интеллектуальный труд на наемную интеллигенцию; сама деятельность широких (и низкооплачиваемых) кругов интеллигенции также квалифицируется как труд низшего порядка по сравнению с предпринимательской деятельностью.

оковы на пути всестороннего развития личности, чему соответствуют, как отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс, «с одной стороны, ненормальный, «нечеловеческий» способ удовлетворения угнетенным классом своих потребностей, а с другой — узость рамок, внутри которых происходило развитие общения, а с ним и всего господствующего класса; эта ограниченность развития состоит, таким образом, не только в том, что один класс отстраняется от развития, но и в умственной ограниченности того класса, который производит это отстранение; «нечеловеческое» становится уделом также и господствующего класса»⁵.

Разрыв между умственным и физическим трудом, возникший в период рабовладения и усилившийся в последующих антагонистических формациях, будучи исторически обусловленным, имел следствием одностороннее развитие духовных потенций у господствующего класса, осуществлявшееся за счет подавления этих потенций у миллионных народных масс. Обособление умственного труда идеологи эксплуататорских классов пытаются абсолютизировать, объявляют вечным признаком цивилизации, привилегией элиты. Элитаризм — абсолютизация отношений гнета и эксплуатации, оправдание и увековечивание общества с правящими и эксплуатируемыми классами — становится характерной чертой идеологии господствующих классов в антагонистических формациях. Совершенно справедливо пишет американский марксист Г. Аптекер: «Элитизм — неотъемлемая принадлежность общества, построенного на частной собственности на средства производства. Он представляет собой сущность мышления господствующего класса»⁶.

Известно, что эксплуататорское государство является орудием подавления народных масс; чтобы оправдать это положение, элитаристы стремятся доказать необходимость отделения сферы управления от народа, абсолютизировать дихотомию правители — управляемые. Разделение труда, возникновение частной собственности приводят к образованию социальных групп, классов, сословий, закрепляющих за собой определенные сферы деятельности. Принадлежность к ним предопределяет сферу деятельности индивида, к которой он, как правило, прикован пожизненно. Поэтому труд в условиях антагонистических формаций К. Маркс и Ф. Энгельс характеризуют как противоположный самодеятельности — труженики низводятся до положения исполнителей чужой воли. Средства производства отчуждаются от трудящихся масс, которые вместе с тем

отчуждаются от культуры, политики. «Пока... разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс,— собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти»⁷.

В условиях антагонистических формаций, когда образуется узкий круг людей, монополизирующих социальное управление, культуру, идеологи господствующего класса изучают и освящают прежде всего деятельность представителей господствующего класса. Уже в рабовладельческом обществе появились теории о том, что рабы стоят вне истории, что исторический процесс есть продукт деятельности монархов и их советников, военачальников, дипломатов. «Представление, будто громкие политические деяния есть решающее в истории,— замечает Ф. Энгельс,— является столь же древним, как и сама историография. Это представление было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о том развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений и является действительной движущей силой»⁸.

Как видим, элитарные теории имеют глубокие социальные корни, опираются на тысячелетние традиции разделения умственного и физического труда, обособления сферы духовной, монополизированной меньшинством общества. Исторические формы разделения общественного труда с неизбежностью приводят на определенном этапе к положению, когда «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»⁹. Изменение такого положения возможно только путем преодоления антагонистического разделения труда. Только коммунистическая формация, ломающая уродливое социальное разделение труда и, следовательно, не оставляющая место для элиты, является началом подлинного расцвета человечества. «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того,— писал В. И. Ленин,— чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого— просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и ге-

ний не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем,— и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»¹⁰.

Известно, что существо социальной теории можно понять лишь исследуя специфические условия, порождающие ее. Элитарные теории — закономерный продукт определенных социальных отношений. Они включены в определенные социальные структуры и сами выступают в качестве активного звена в функционировании этих структур. Было бы упрощением считать, что элитарные теории являются просто выражением своекорыстных интересов эксплуататорских классов. Дело обстоит сложнее. Элитарные теории — закономерное порождение общественных отношений, при которых творческая деятельность превращена в прерогативу отдельных классов и социальных групп, трудящиеся массы угнетены и бесправны, а всеобщие социальные функции, прежде всего управление обществом, находятся вне их контроля и только через деятельность, по определению элитаристов, «дисфункциональную» по отношению к данной системе, то есть революционную, классовую борьбу, массы получают возможность приобщиться к социальному творчеству. В таком обществе творческий индивид может вообразить себя противостоящим массам как «инертной силе», рассматривать их как своего врага, хотя виновником трагедии личности в этом обществе является система, обрекающая массы на нетворческую роль.

Повседневная практика капиталистического общества соответствующим образом отражается в сознании индивидов, включенных в господствующую систему общественных отношений. Так возникают иллюзорные, мистифицированные, превращенные, по словам Маркса, формы сознания. Элитарные теории выступают как систематизация и идеологизация превращенных форм сознания, стихийно порожденных господствующей социальной практикой. И в таком понимании служебная роль этих теорий скорее не их исходная точка, а итог.

Американский леворадикальный социолог Р. Миллс в одной из своих первых книг подчеркивал, что выход за рамки той или иной системы — первейшее условие научного описания ее. Описание структура власти, характер-

ное для буржуазной социологии, сделано «изнутри», причем авторами, взгляды которых несут на себе печать буржуазной ограниченности. Таким образом, эти исследования не могут не быть субъективистскими, ибо получается, что властвующая элита через нанятых ею (или добровольно вставших на ее позиции) социологов сама себя описывает; анализ социального процесса производится с позиций стабильности системы как цели и идеала, то есть с позиций властвующей элиты. Чтобы дать научное решение социальной проблемы, необходимо выйти за пределы системы (в данном случае буржуазных отношений). Находясь внутри нее, социолог может дать лишь ее описание, причем, как правило, в такой форме, какую она принимает в обыденном сознании. Буржуазная же «теоретическая» социология зачастую не что иное, как систематизированное обыденное сознание.

Буржуазная идеология давно превратилась в ложное сознание, извращающее ход социального процесса, причем извращающее его в тем большей степени, чем больше она приходит в противоречие с объективными потребностями развития. «Чем больше форма общения данного общества, а следовательно и условия господствующего класса развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам,— писал Ф. Энгельс,— чем больше вследствие этого раскол в самом господствующем классе, как и раскол между ним и подчиненным классом, — тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения, то есть оно перестает быть сознанием, соответствующим этой последней; тем больше прежние традиционные представления этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т. д. и т. д. формулированы в виде всеобщих интересов, опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью.., тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества»¹¹.

Итак, социальная функция элитарных теорий заключается, с одной стороны, в том, чтобы «убедить» трудящихся в их «неспособности» к самостоятельной деятельности, обосновать необходимость руководства ими со стороны «избранных», специально подготовленных представителей господствующего класса, защитить систему социальных привилегий. С другой стороны, цель этих теорий — замас-

кировать реальный классовый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, выдать его за «извечное» противоречие между «толпой» и немногими выдающимися личностями. Как видим, социальной основой элитарных теорий являются угнетенное положение трудящихся масс в классово-антагонистическом обществе, экономическое, политическое, духовное господство эксплуататорского меньшинства. Но помимо этих общих причин в каждый исторический период существуют и специфические причины, обуславливающие существование указанных концепций.

Превратившись в составную часть идеологии монополистической буржуазии, элитарные теории не могли не отразить тех социальных процессов, которыми характеризуется развитие современного капитализма, — углубление его общего кризиса, концентрация и централизация капитала, рост государственно-монополистических тенденций, милитаризация, бюрократизация, тенденции к фашизации политической жизни. Без учета этих процессов, в частности важнейшего из них — образования финансовой олигархии, невозможно раскрыть особенности современных элитарных теорий, ибо во многом социальное назначение этих теорий — апология последней. Теории элиты, таким образом, можно рассматривать как идеологизацию тех социальных изменений, которыми сопровождалось перерастание капитализма свободной конкуренции в империализм. Не случайно в своем современном виде элитарные теории сформировались именно в этот период. Немецкий марксист Э. Готтшлинг справедливо отмечает, что «элитарные теории — идеологическое выражение господства крупной монополистической буржуазии.., в них отражается процесс дифференциации внутри самого класса буржуазии»¹².

Свободная конкуренция ушла в прошлое, оставив только за кучкой финансовых магнатов роль действительного субъекта капиталистического предпринимательства. «Конкуренция при *таком* капитализме, — пишет В. И. Ленин, — означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяноста девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, nepoтизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы»¹³. Эта эволюция не могла не получить определенного отражения в буржуазной социологической литературе, констатирующей наличие в капиталистических странах всевластной элиты и бесправной общественности (выражение Р. Миллса).

Идеологи монополистической буржуазии в своем стремлении духовно поработить трудящихся еще более усугубили антинародный характер идеалистических взглядов на роль народных масс в истории. Они утверждают, что народные массы — «неподвижное, косное начало», изображают их врагами культуры, уверяют, что если народ возьмет управление обществом в свои руки, то творческие личности будут подавлены, ибо массы, эта «толпа посредственностей», уничтожают тех, кто стоит выше их по духовному уровню. Если в прошлом творцами истории объявлялись политические деятели, военачальники, монархи, то ныне в качестве таковых обычно предстают магнаты финансового капитала и менеджеры. Элитарные теории выражают реакционную, антинародную сущность современной монополистической буржуазии *.

В. И. Ленин, вскрывший сущность империализма как высшей и последней стадии развития капитализма, показал, что узурпация монополиями власти ущемляет интересы не только народных масс, но и средней, даже крупной немонополистической буржуазии. Не случайно теоретики элитаризма именно монополистическую буржуазию и ее непосредственных ставленников — менеджеров, правительственную верхушку — считают субъектом социального процесса. Концентрация и централизация капитала как одна из важнейших черт развития капитализма на стадии империализма ведет к образованию финансовой олигархии. Огромные производственные мощности в странах капитала, созданные поколениями трудящихся, принадлежат нескольким сотням богатейших семейств, образующих финансовую олигархию. Эта верхушка господствующего эксплуататорского класса вместе с верхушкой менеджеров и провозглашается буржуазными социологами экономической элитой.

Особенно велика концентрация капитала, степень монополизации экономики в США. По подсчетам исследователя американской элиты Т. Дая, 3,5 тыс. богатейших людей Америки контролируют свыше половины промышленных активов страны¹⁴. Из более чем 200 тыс. промышлен-

* Почему буржуазия не удовлетворяется теориями культа героев и требует возведения в ранг героев всего класса или верхушки класса буржуазии? Классовый интерес буржуазии в одном отношении — против пролетариата — один. Но конкуренция ведет к борьбе капиталиста с другими капиталистами, и в этой борьбе он опасается узурпации власти диктатором, предпочитая совокупную власть капиталистов (в период империализма это совокупная власть монополий).

ных компаний США всего 501 имеет активы, превышающие 250 млн. долл., но удельный вес этой группы в общей сумме активов всех компаний составляет 72%, причем доля корпораций-миллиардеров превышает 55%. Активность этих корпораций в разделе прибылей еще выше: они присваивают 56,5% всех прибылей.

100 крупнейших корпораций США контролируют ключевые отрасли экономики, финансы страны. Это — крупнейшие промышленные корпорации «Стандард ойл оф Нью-Джерси» («Эксон»), «Дженерал моторе», «Тексако», «Форд моторе», «Галф ойл». Это — крупнейшие корпорации в области коммуникаций, прежде всего «Амери-кэн телефон энд телеграф» (АТТ) с активами свыше 50 млрд. долл. Это — крупнейшие страховые корпорации — «Прушеншл иншуренс» с активами свыше 30 млрд. долл., «Метрополитэн лайф» с активами, приближающимися к такой же сумме. 50 банков контролируют 65,6% всех банковских активов США. Крупнейшие из них — «Бэнк оф Америка», «Сити корпорейшн», «Чейз Манхэттн бэнк».

Наиболее высокая степень монополизации наблюдается в сфере обращения. Среди финансовых групп выделяются группы Рокфеллеров, Меллонов, Дюпонов, Фордов, группа «Морган гэрэнти траст», калифорнийская группа (Джаннини, Кайзеры, Крокеры), чикагская группа (Маккормики, Смиты, Вуды), кливлендская группа (Матеры, Ханна, Итоны). Наряду с семействами миллиардеров с давними традициями в элиту финансовой олигархии вошли выдвиженцы последних десятилетий. Среди американских миллиардеров журнал «Форбс» называет Д.Людвига, личное состояние которого превышает 2 млрд. долл., Б. Ханта и его семейство, П. Ричардсона с сыном, Г. Гетти, Д. Паккарда, М. Дэвиса, Ф. Аншутца.

Из 500 крупнейших корпораций США, аккумулирующих большую часть богатств страны, 150 являются семейными, то есть принадлежат семействам, входящим в финансовую олигархию, или по крайней мере контролируются ими. Ряд корпораций принадлежит одним и тем же семействам; одни и те же люди являются президентами и членами совета директоров сразу нескольких корпораций, концентрируя в своих руках колоссальную экономическую власть. Особенностью финансовой олигархии в современный период является все большее превращение ее в замкнутую группу, в которую практически невозможно пробиться аутсайдерам. Диверсификация деятельности монополий, распространение конгломератов ведут к универса-

лизации корпораций, к еще большему возрастанию монополизации экономики капиталистических стран. Как указывал В. И. Ленин, в условиях империализма «общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»¹⁵.

А абсолютное большинство населения США, миллионные трудящиеся массы владеют всего лишь 8% национального богатства. Как считает американский социолог Р. Лапмэн, половина населения США фактически не имеет никакой собственности¹⁶. Это те, кто еле сводит концы с концами.

Подобная социальная структура (к этой модели приближаются Япония и ведущие капиталистические страны Западной Европы) классифицируется западными социологами как типично элитарная. Что ж, с этим выводом можно было бы согласиться. Беда лишь в том, что большинство авторов, придерживающихся этой классификации, описывают элитарную структуру как «естественную», соответствующую «индустриальному» и «постиндустриальному» обществу, воспринимают ее как норму.

В рамках этой структуры несколько сот семейств, входящих в финансовую олигархию, являются безраздельными хозяевами экономики капиталистических стран. Но они также являются всесильными распорядителями в политической и культурной жизни этих стран. Тот же Т. Дай пишет: «Огромная власть в США сконцентрирована в руках горстки людей. Из более чем 200 миллионов американцев всего несколько тысяч решают вопросы войны и мира, зарплаты и цен, занятости и производства, законов и юстиции, налогов и привилегий»¹⁷. Общественный строй, при котором судьбами миллионов людей распоряжается кучка магнатов финансового капитала, действующая во имя увеличения своих прибылей, нельзя назвать иначе, чем антинародный. Недаром Р. Миллс сделал вывод о том, что строй современной Америки — олицетворение голой, деспотической силы. «Люди из высших кругов не представляют нацию, их высокое положение не является результатом их моральных достоинств. Носители такой громадной власти, которую еще не знала история человечества, они обрели эту власть только благодаря американской системе организованной безответственности»¹⁸.

В период общего кризиса капитализма, характеризуемого обострением всех его противоречий, происходит пе-

рерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический, означающий соединение господства монополий с аппаратом капиталистического государства при подчинении последнего первым.

Государственно-монополистический капитализм еще более сужает поле капиталистической конкуренции, трансформируя ее в борьбу между монополистическими корпорациями за контроль над государственным аппаратом или отдельными его звеньями. С милитаризацией хозяйства капиталистических стран государство превращается в крупнейшего заказчика, от которого зависят наиболее выгодные контракты. Ставленники самых могущественных финансовых групп занимают важнейшие государственные посты. Личная уния между банковским и промышленным капиталом дополняется личной унией последнего с правительством.

Начав с прямого подкупа государственных чиновников, монополистический капитал все увеличивал свое влияние на буржуазные правительства и, наконец, полностью подчинил их своему контролю. Отмечая эту тенденцию, У. Фостер писал: «Монополисты не довольствуются управлением правительством, так сказать, на расстоянии. Они вторглись в самое его нутро, устроив своих доверенных лиц на многие высокие посты в правительстве и во всех министерствах. Своих людей прямо с Уолл-стрита они пересадили в кабинет при президенте и на другие важные посты»¹⁹.

Однако было бы ошибкой абсолютизировать этот процесс и делать вывод о том, что теперь финансовая олигархия непосредственно управляет капиталистическим государством. Дело обстоит иначе. Финансовая олигархия не берет на себя функции государственного управления, она осуществляет общий контроль над его деятельностью, общее руководство ею. Марксистско-ленинское учение не только не отрицает, а наоборот, подчеркивает относительную самостоятельность буржуазного государства и людей, непосредственно осуществляющих повседневное государственное управление,— тех, кого, собственно, и именуют политической элитой или политократией. Еще Ф. Энгельс отмечал, что в условиях парламентских режимов буржуазия пользуется своим влиянием косвенно, но тем вернее. Непосредственное же управление находится в руках армии государственных чиновников, которые отнюдь не обязательно рекрутируются из среды монополистической буржуазии; тем не менее они неизменно осуществляют управление в ее интересах.

С усилением государственно-монополистических тенденций неразрывно связана милитаризация капиталистических стран, порождающая рост влияния военщины и наступление на буржуазно-демократические свободы. Методы социального управления внутри государственно-монополистической структуры неизбежно принимают бюрократическую форму; это — управление методами команд, манипулирования людьми. Население все более превращается в объект бюрократического контроля. Одним из следствий бюрократизации является обезличивание как служащих внутри бюрократической иерархии, так и объекта управления — населения, ибо бюрократия по своей природе — наиболее бездушное, имперсональное управление. И социология внутри этой обезличенной системы управления массами фиксирует последних в качестве пассивного объекта манипуляций правящей верхушки. Следить за выполнением многочисленных директив, циркуляров призван чиновничий аппарат. Небывало разбухает аппарат политического контроля над населением, пресечения оппозиционных настроений по отношению к существующему режиму; особенно растет шпионско-осведомительный аппарат²⁰.

Углубление противоречий между народными массами и монополиями ведет к тому, что монополистической буржуазии все труднее сохранять свое господство методами буржуазной демократии. Обострение противоречий капитализма в период империализма, особенно в период общего кризиса капиталистической системы, сопровождается наступлением политической реакции. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот *от демократии к политической реакции*, — писал В. И. Ленин. — ...В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии*»²¹.

Одним из теоретических обоснований этого поворота в политической надстройке капиталистического общества и являются элитарные теории. Классовая борьба трудящихся масс за свое освобождение внушает ужас монополистической буржуазии; ее идеологи наряду с попытками извратить роль народных масс в истории ищут способы удержания трудящихся под контролем капиталистической верхушки. Многие буржуазные социологи доказывают, что в наш «нестабильный век» демократические методы управления якобы устарели, становятся «опасными», по-

сколько влияние «некомпетентного» общественного мнения в определенной мере связывает западных политиков. Они вынашивают идею о «сильной элите», «более оперативной» в подавлении трудящихся масс внутри страны и в проведении «твердой политики» вовне; стремятся отыскать новые средства, которые позволили бы монополистическому капиталу эффективно контролировать деятельность масс, любыми средствами удерживать их в состоянии «покоя».

Чем более обостряется общий кризис капитализма, тем труднее монополистической буржуазии управлять методами буржуазной демократии, тем сильнее ее тяга к фашистским методам управления. Вполне естественно, что она нуждается в теоретическом обосновании этих устремлений. Этим целям и служат теории «сильной власти». В настоящее время эти теории все более приобретают специфическое назначение как теоретическое обоснование тенденций к фашизации политической жизни капиталистических стран, их милитаризации. Не случайно элитаризм, как мы увидим ниже, популярен в среде ультраправых и антикоммунистических организаций.

Таким образом, социальные корни элитарных теорий следует искать прежде всего в экономических, социально-политических условиях антагонистических формаций, которые порождают извращенные формы сознания, создают для идеологов господствующих классов побудительные мотивы к созданию подобных теорий. Однако ссылкой на классовые корни нельзя полностью объяснить распространение элитаризма. Более того, сведение всей проблемы лишь к классовым интересам таит в себе опасность вульгарно-социологического подхода, объявления этих теорий сознательной клеветой идеологов эксплуататоров, то есть упрощения причин возникновения теорий элиты. Это не просто результат «недомыслия» определенных теоретиков, но еще в меньшей степени — сознательная ложь эксплуататорских классов. Нельзя сбрасывать со счетов относительную самостоятельность этих теорий, игнорировать ход рассуждений их авторов, логику, факты, на которые они опираются и которые пытаются интерпретировать. Корни этих теорий лежат в определенных моментах человеческого познания социальных явлений, его трудностях и противоречиях. Именно гносеологические доводы питают эти концепции, и именно их анализ позволяет ответить на вопрос о том, почему сторонникам этих теорий удастся облечь их в наукообразную форму, вполне «респектабель-

ную» с точки зрения буржуазных средних слоев, а также почему трудящимся в странах капитала непросто разобраться в существовании этих теорий.

Элитарные теории порождены сочетанием социально-экономических причин, с одной стороны, и имеющих относительную автономию гносеологических корней — с другой. При этом следует учитывать и их преемственную связь с предшествовавшей социологией. Таким образом, марксистско-ленинская интерпретация этих теорий предполагает анализ как социальных условий, породивших эти извращенные представления, так и гносеологических предпосылок, позволяющих их авторам, спекулируя на определенных трудностях познания, создавать классово искаженные идеологические конструкции социального процесса. Итак, при исследовании элитарных теорий мы будем исходить из того, что их появление обусловлено не субъективной «злой волей» идеологов эксплуататоров, но, во-первых, определенными социальными отношениями, с неизбежностью порождающими превращенные формы сознания, и, во-вторых, сложностью, противоречивостью самого процесса познания общественных явлений.

Элитарные теории не могли бы существовать, если бы у них не было определенных корней в самом процессе познания общественных явлений. Как и все идеалистические теории, они есть, по определению В. И. Ленина, «пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»²². Для показа несостоятельности рассматриваемых теорий необходим анализ тех теоретико-познавательных средств, с помощью которых их авторы конструируют свои концепции, выяснение того, как идеалистическая, метафизическая методология, которой оперируют буржуазные социологи, влияет на конечные выводы их исследований.

Процесс познания социальной жизни — наиболее сложной формы движения материи — сталкивается с рядом трудностей и противоречий, создающих возможность извращенного, идеалистического объяснения социальных явлений. Это обусловлено прежде всего самим объектом исследования, а также природой познающего субъекта, сознание которого определяется конкретными историческими условиями — уровнем развития материального производства, социальных и политических отношений. Познание — диалектический процесс взаимоотношения субъекта и

объекта, причем на результаты этого процесса неизбежно влияют социальные формы, посредством которых субъект осуществляет познание.

Буржуазные социологи базируются на определенных объективных сторонах социальной действительности, субъективистски раздувая, преувеличивая и тем самым искажая их. Именно поэтому они получают возможность маскировать свои теории под научные и тем самым оказывать влияние на определенные слои населения капиталистических стран. Теоретико-познавательные корни элитарных теорий — в абсолютизации, преувеличении отдельных сторон исторического процесса (в частности, абсолютизации того момента, что на длительном этапе общественного развития — в классово-антагонистических формациях — управление обществом сосредоточивалось в руках меньшинства); в неисторическом подходе к социальным явлениям; в неумении разглядеть за явлением сущность исторического процесса. Несомненна и связь исследуемых теорий с методологическими установками буржуазной социологии: отказом от классового анализа общественных проблем, переводом их в русло эмпирических исследований, психологическим редукционизмом, эклектической теорией факторов.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» отмечали тесную связь теорий о «творческом меньшинстве»,двигающем историю, с учением о первичности сознания по отношению к материи: «Открытое г-ном Бруно отношение «духа» и «массы» на самом деле есть не что иное, как *критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории*, которое, в свою очередь, есть не что иное, как *спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира*. В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придается то выражение, что *немногие избранные индивидуумы, в качестве активного духа противостоят остальному человечеству как неодухотворенной массе, как материи*»²⁵. Элитарные теории, таким образом, связаны с идеалистической установкой на первичность духовной деятельности людей по отношению к материальной. Исходя из идеалистического решения основного вопроса философии, авторы этих теорий делают вывод о том, что общественное развитие определяется сознанием и волей духовно одаренных личностей или «божественной» волей, также раскрывающейся через немногих «избранных». В соответствии с исходными идеалистическими по-

сылками они игнорируют условия материальной жизни общества, деятельность трудящихся масс.

Идеалисты спекулируют на том, что в общественных науках особенно сложно решается проблема соотношения субъекта и объекта. В отличие от природы, в обществе действуют люди, одаренные сознанием и волей. Они ставят перед собой определенные цели и борются за их осуществление. Это обстоятельство может при определенных условиях породить иллюзию, будто сознание, идеи определяют ход исторического процесса. История при этом предстает как реализация идей, а носителями «разума» истории объявляются избранные личности. Сознательный элемент в истории гипертрофируется до уровня демиурга действительности и противопоставляется «бездумной» деятельности масс; стихийный элемент объективируется в деятельности масс, тогда как сознательный персонифицируется в деятельности элиты. Классики марксизма-ленинизма подвергли уничтожающей критике два главных порока, присущих социологам-идеалистам, которые полностью разделяют элитаристы: «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»²⁴.

Взгляды на историю как на продукт деятельности творческих меньшинств обусловлены не только характером общественных отношений, но также и тем, что факты, лежащие на поверхности, как, например, действия политических лидеров, виднее, чем более глубокие процессы, такие как развитие миллионами тружеников орудий производства. Известно, что в антагонистических общественно-экономических формациях на политической арене подвизаются представители господствующих классов. При поверхностном рассмотрении история выглядит как цепь случайностей, как летопись «героических действий» правящих меньшинств — завоеваний, законодательных актов, расправ с соперниками и т. д. Марксизм, совершив революционный переворот во взглядах на общественное развитие, опроверг подобный поверхностный подход к историческим со-

бытиям, вооружил исследователей методологией, позволяющей раскрыть за действиями отдельных личностей, социальных групп глубокое внутреннее содержание исторического процесса, его необходимость.

Гносеологическими корнями элитарных концепций являются абсолютизация политической деятельности, которая рассматривается вне контекста социально-экономических отношений, гипертрофирование биологических и психологических различий между людьми, абсолютизация роли науки и техники в современном мире, взгляд на НТР как на продукт деятельности научной и менеджерской элиты, преувеличение роли мышления.

Одним из теоретических корней современных теорий элитного плюрализма является широко распространенная в буржуазной социологии теория факторов, объясняющая развитие общества механическим взаимодействием различных сторон общественной жизни — политики, экономики, культуры, религии и множества других, которые объявляются одинаково важными. Буржуазные социологи находят великое множество факторов, влияющих на социальный процесс, и, естественно, в них запутываются. Такова судьба эклектиков, не имеющих критериев для разграничения существенных и несущественных явлений. Совершенно очевидно, что эта позиция открывает широкую дорогу субъективизму. Изображая историю как хаос факторов, буржуазные социологи объявляют этот хаос непознаваемым, а посему признают правомерным существование любых социологических систем, так или иначе трактующих социальный процесс. Исключение, впрочем, делается для исторического материализма, который они совместными усилиями тщатся «опровергнуть».

Еще Г. В. Плеханов указывал на поверхностность теорий, ограничивающихся констатацией факта существования взаимодействия между различными сторонами общественной жизни. Марксизм вовсе не отрицает такого взаимодействия, но он идет дальше, ибо констатировать, что в обществе существует взаимодействие социальных сил, вовсе не значит объяснить их происхождение. Чтобы раскрыть законы общественного развития, нужно не останавливаться на констатации этого взаимодействия, а найти ту основу общественной жизни, на которой это взаимодействие развивается. Основоположники марксизма, открыв определяющую роль способа производства материальных благ, показали эту основу и устранили тем самым хаос, существовавший прежде во взглядах на общественную жизнь.

Обвинения в «односторонности», выдвигаемые против марксизма буржуазными социологами, бьют мимо цели: марксизм учитывает взаимодействие различных сторон общественной жизни, при этом объясняя сам процесс взаимодействия, показывая соотношение взаимодействующих явлений. Признание многосторонней обусловленности социальных процессов нельзя отождествлять с теорией факторов, для которой все причины равнозначны: марксизм как раз и показывает субординацию причинных отношений, доказывая, что материальные, производственные отношения людей, складывающиеся независимо от их сознания и соответствующие определенной степени развития производительных сил, составляют экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются различные надстроечные формы.

Таким образом, проблема роли правящих классов в социальном процессе, составляющая часть проблемы роли народных масс, классов, социальных групп, политических руководителей в истории, является ареной острой борьбы между материалистическим и идеалистическим объяснением общественного развития. Исторический материализм вскрыл решающую роль народных масс в истории, обусловленную прежде всего тем, что народ является главной производительной силой общества. Классовая борьба трудящихся масс против исторически определенных форм угнетения и эксплуатации — движущая сила развития и смены антагонистических формаций; борьба народных масс за свое освобождение составляет основное содержание истории. Политические и социальные завоевания, демократические свободы в условиях капитализма вырваны трудящимися в ожесточенной борьбе с эксплуататорскими классами. Эта борьба активно влияет на идейную жизнь общества, на развитие культуры. Только на основе понимания решающей роли народных масс в историческом процессе, понимания объективных законов социального развития можно объяснить роль правящих классов и тех социальных групп внутри этих классов, которые непосредственно осуществляют государственное управление и которые классифицируются буржуазной социологией как политическая элита.

Таким образом, задача марксистской критики элитарных теорий с необходимостью включает в себя анализ их социальных и гносеологических корней. Причем нужна не просто социальная редукция этих теорий, сведение их к социальным процессам современных капиталистических

стран; более сложной задачей, как отмечал К. Маркс, является выведение «из данных отношений реальной жизни» соответствующих им идеологических форм. Но этот метод «есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»²⁵.

Патриархи элитаризма и современные адепты. Новое — всего лишь основательно забытое старое. Этот афоризм оказывается справедливым по отношению к современным элитарным теориям, которые их адепты поспешили объявить «новым шагом» в развитии — политической науки XX века. Ибо то, что буржуазные теоретики склонны выдавать за крупное завоевание современной социологии и политологии, — не более чем модификация весьма традиционных представлений идеологов эксплуататорских классов: народные массы «неспособны» управлять делами общества; историю творят «избранные», ставленники господствующих классов.

Более двух тысячелетий назад римский сенатор Менений Агриппа говорил, что большая часть человечества играет роль «тяглового скота» и не может обойтись без «погонщиков» — без аристократии. Истоки подобных взглядов уходят в глубь веков, к периоду формирования классового общества. Правители неизменно выступают в них субъектом социального процесса, подданные — его объектом. Известно, что Конфуций провозглашал разные нормы поведения людей: одни — для «благородных», призванных повелевать; другие — для «низких», призванных к смирению. Для древнекитайской культуры характерна проповедь элитарной исключительности, идеализация правителей. По конфуцианскому канону, народ ни в коем случае нельзя предоставлять самому себе, оставлять без морального воздействия правителей.

В античной философии элитарное мировоззрение было, пожалуй, наиболее полно сформулировано Платоном. Идеолог афинской аристократии, он решительно выступал против допущения демоса к участию в политической жизни, в государственном управлении, пренебрежительно именуя его «толпой», враждебной мудрости, руководствующейся не знаниями, а «мнениями», далекими от истины*. Государственные функции, по Платону, могут успешно выполняться лишь аристократами, получившими специальное воспитание; ремесленники и крестьяне должны быть

* Через два с лишним тысячелетия этот тезис воспроизведут теоретики «массового общества».

отстранены от управления обществом и других занятий «благородных людей» и обречены на выполнение «черновой работы»; рабов Платон вообще не считал за членов общества.

Свои реакционные, политические устремления Платон пытался обосновать учением о душе, согласно которому она состоит из трех частей: разумной, волевой (аффективной) и чувственной (нежелательной). Первые две, более высокие, формы душевной деятельности присущи «немногим избранным» — аристократии, что дает ей право управлять государством. В соответствии с этим он делит общество на философов-правителей (в их деятельности воплощена разумная часть души), воинов-стражей, «надзирателей над народом», призванных поддерживать порядок (в их деятельности реализуется волевая часть души). Низшая — вожделеющая сторона души проявляется, по Платону, в деятельности простолудинов; от них требуется соблюдение установленных порядков, трудолюбие, безропотное повиновение правителям и стражам. К. Маркс писал, что эта теория «представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя»²⁶.

Свое «идеальное государство» Платон противопоставлял демократии, в которой осуществляется власть «сильного зверя» — черни, демоса. Он особенно опасался, что демос — те, кто трудится своими руками, «всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее»²⁷. Платон перечисляет четыре отрицательных типа правления — тимократия (господство честолубцев), олигархия (власть богачей), демократия (своеволие толпы), тирания (господство одного над всеми; этот тип Платон считал вырождением демократии). В его «идеальном государстве», как и в олигархии, властвуют немногие; но в отличие от олигархии этими немногими являются «достойнейшие», действительно способные управлять государством в силу природных задатков и многолетней тренировки; поэтому «идеальное государство» — воплощение справедливости (разумеется, это «справедливость» с точки зрения касты правителей). Касты отделены друг от друга жесткими социальными перегородками, правители не смешиваются с управляемыми, даже живут обособленно. Тем не менее Платон допускает как исключение перевод неспособных потомков правителей и стражей в низшие касты и наоборот — детей, обладающих редкими талантами, из низших каст в высшие. «От правителей бог требует..., чтобы они... ничто так усиленно не оберегали, как свое потом-

ство, наблюдая, что за примесь имеется в душе их детей, и, если ребенок родился с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников и земледельцев; если же родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи»²⁸. Ссылаясь на это положение Платона, американские исследователи элитарных теорий К-Прюит и А. Стоун называют Платона предшественником теории циркуляции элит.

Мы остановились на теории Платона не только потому, что она достаточно красноречиво обнажает идеалы элитаризма, но и потому, что она оказала огромное влияние на элитаристов XX века — от В. Парето, многократно ссылавшегося в своих трудах на Платона, до Г. Меджида, воспроизведшего схему социально-политической структуры общества Платона в несколько модернизированном виде (общество у него распадается на три страты — философскую сверхэлику, элику управляющих и массу, призванную повиноваться). Мысль Платона о том, что для стабилизации социальной системы необходимо иметь хороших правителей, воспроизводится в большинстве современных вариантов элитарных теорий.

В средние века учение церкви о небесной и земной иерархии оправдывало сословно-крепостнические порядки; безропотное повиновение масс феодальным правителям утверждалось церковью как высшая добродетель. Иоанн Солсберийский отождествлял государство с человеческим организмом, утверждая, что в этом «теле» духовенство — душа, правители — голова, крестьяне — ноги. Другой средневековый богослов — Фома Аквинский, канонизированный католической церковью, проповедовал, что подданные должны безропотно нести «свой крест», подчиняясь своим «богоизбранным» королям. При этом он добавлял, что подчиняться им следует лишь в телесных действиях. Во внутренних же движениях души следует «повиноваться лишь богу». Все это, разумеется, весьма устраивало эксплуататорские классы. Весь мир Аквинат представлял по образцу феодальной системы в виде иерархической лестницы «люди — ангелы — святые — бог».

Раннебуржуазные взгляды на проблему отношений правителей и подданных отличаются противоречивостью, которую можно, в частности, проследить во взглядах Никколо Макиавелли. С одной стороны, он выступал против

феодалов, тормозивших объединение Италии. С другой стороны, он более всего опасался бунта вышедших из повиновения масс: «Не существует ничего более ужасного, чем разнузданные, лишенные вождя массы, и вместе с тем — нет ничего более беспомощного»²⁹. Он ищет оптимальное соотношение между правителями и народом и видит его в сильной власти. Вместе с тем Макиавелли осуждает тираническую власть, развращающую правителей и массу, которая, привыкнув терпеть тирана, становится «холуйской, лицемерной». Макиавелли готов оправдать аморальные средства, с помощью которых правители достигают власти. При этом власть — не просто ценность в себе, но средство для достижения определенных политических целей. Чтобы властвовать, правители должны знать главные стимулы человеческой деятельности (а это, по Макиавелли, жажда власти и обладание имуществом), изучать и использовать в своих интересах вкусы, склонности, слабости толпы и благодаря этому господствовать над ней. Подданные должны бояться правителей, повиноваться им, платить налоги, поставлять рекрутов *.

В работах идеологов нарождавшейся буржуазии пробивала дорогу идея народного суверенитета, договорная теория государства. Так, английский поэт Дж. Мильтон (XVII в.) доказывал, что народ — единственный суверен, что власть правителей должна находиться под его контролем. По Дж. Локку, государство должно действовать по воле большинства (подразумевается большинство в буржуазном парламенте). Он развивал учение о разделении властей³⁰.

Французские просветители и материалисты XVIII века гневно осуждали тиранию и деспотизм, считали, что интересы народа грубо попраны, что феодальные правители лишили народ его естественных прав. Гельвеций писал, что «аристократия узурпирует все формы власти» по праву рождения, не обладая талантами и заслугами, и закабляет народ. Великие французские материалисты XVIII ве-

* Следует обратить внимание на то, что современные буржуазные социологи неизменно подчеркивают одну сторону творческого наследия Макиавелли — обоснование сильной власти, политического аморализма, оставляя в тени то обстоятельство, что описываемые им методы были для него лишь средствами достижения цели, бывшей, несомненно, прогрессивной, — объединения Италии. В реакционном духе, например, истолковывает наследство Макиавелли профессор Нью-Йоркского университета Дж. Бернхэм — основоположник «макиавеллиевской» школы элитаризма.

ка провозглашали право народа на восстание против тиранических правителей: «Всякий народ, стонущий под игом самовластия, вправе сбросить его»³¹. Однако этот вывод не проводился ими последовательно, в чем сказалась двойственность положения буржуазии. С одной стороны, ее передовые представители вместе с народом штурмовали Бастилию, с другой — в них говорил эксплуататор, опасавшийся трудящихся масс. И французские материалисты XVIII века боялись «крайностей» революции, не верили в способность народных масс самостоятельно руководить общественной жизнью. По их мнению, массы должны следовать за просвещенными лидерами из образованных классов. Хотя французские материалисты беспощадно разоблачали феодальных правителей как тиранов, порабощавших народ, в их понимании народные массы еще не являются субъектом социального процесса. Занимая в целом идеалистическую позицию в интерпретации общественной жизни, они приходили к выводу, что творцы истории — «мудрые законодатели», «просвещенные правители».

Идеи народовластия развивал и выдающийся американский демократ Т. Джефферсон. «Вопрос о том, должна ли принадлежать власть народу или высшему сословию, служил причиной непрерывных смут, раздиравших в древности Грецию и Рим, точно так же, как теперь он вызывает раскол в каждом народе, если только кляп деспотизма не лишает его возможности мыслить и говорить»³², — отмечал Джефферсон. Он писал: «Массы человеческие не рождены с седлами на спинах, чтобы немногие привилегированные, прищипывая, управляли ими с помощью закона и милостью божьей»³³. Противоположные мысли, более близкие современным элитаристам, высказывал идеолог консервативного крыла отцов-основателей США А. Гамильтон: «В обществе есть немногие и многие. Первые богаты, у них хорошее происхождение. Вторые — массы народа. Говорят: глас народа — глас божий. Но это не так. Народ переменчив, подвержен волнениям, он редко судит правильно»³⁴. Обосновывая невозможность и нежелательность правления народа, Гамильтон говорил: «Дайте волю многим, и они будут подавлять немногих»³⁵.

Творчество великих материалистов и просветителей XVIII века протекало в период, когда наиболее острым было противоречие между «третьим сословием» и абсолютизмом. Когда же буржуазия на плечах народных масс поднялась к власти, обнаружилось острейшее противоречие в самом «третьем сословии», противоречие между бур

жуазией и трудящимися, прежде всего пролетариатом.

То, что просветители изображали «царством разума», оказалось на деле царством буржуазии, отмечал Ф. Энгельс. Кстати, в самом мировоззрении просветителей было немало элитаризма, включая установку на то, что немногие просвещенные мыслители раскрывают истину массе, благодетельствовав ее. С приходом буржуазии к власти и обострением ее борьбы с пролетариатом взгляды идеологов буржуазии на роль народных масс в истории приобретают откровенно реакционный характер, они пытаются обосновать «правомерность» эксплуатации трудящихся, заявляют о «пагубности» для общества революционных выступлений масс, объявляют нормой их поведения повиновение правящему меньшинству.

Особо сильное влияние на формирование современных элитарных теорий оказали взгляды Ф. Ницше. Первоосновой мирового процесса Ницше объявлял волю к власти; движущая сила истории — «ненасытное стремление к проявлению власти и применение власти, пользование властью как творческий инстинкт»³⁶. Мораль для него играет разлагающую роль, это «оружие слабых», «инстинкт толпы», который преодолевают «сверхчеловеки». По Ницше, «жизнь, по самой своей сущности, есть присвоение себе чужого, оскорбление другого, завладение тем, что нам не принадлежит и что слабее нас, притеснение, безжалостное отношение, насильственное введение собственных форм... есть стремление к власти»³⁷. Консервативное крыло современных элитаристов восприняло концепции Ницше о «господах земли», о «высшей расе аристократии», попирающей массы, о том, что народ должен быть удерживаем в рабстве всеми средствами — насилием, религией, рабской моралью.

Главная мишень критики Ницше — революционные силы, борющиеся против господства элиты: «Нет ничего страшнее варварского сословия рабов, научившихся смотреть на свое существование как на некоторую несправедливость и принимающих меры к тому, чтобы отомстить за себя и за все предыдущие поколения»³⁸. Ницше страшится организованности масс, их революционной активности, видя задачу в том, чтобы задержать поток «по-видимому неизбежной революции». Ницше — критик буржуазной демократии справа, его политический идеал — сильная власть аристократии над народом. «Сущность настоящей и здоровой аристократии,— пишет он,— должна заключаться в том, чтобы она чувствовала себя... не функци-

ей королевской власти или общества, но их «смыслом», высшим оправданием и чтобы поэтому она со спокойной совестью принимала жертвы от бесчисленного множества людей, которые были подавлены и унижены ради нее и сделались людьми неполноценными, рабами, орудиями». Так цинично формулируется кредо элитаризма — сильная власть аристократии, которая «должна твердо верить, что существует не для общества, но что оно — не более как фундамент и подмости, на которых высоко стоят какие-то избранные существа, стремящиеся... к высшему бытию»³⁹. Эта формулировка элитаристского идеала в XX веке будет модернизироваться, ей будут стараться придать более «пристойный» вид в глазах буржуазно-демократических кругов, но сущность ее не изменится.

В своем современном виде элитарные теории формулируются на рубеже XIX и XX веков. Их родоначальниками считаются итальянские социологи В. Парето и Г. Моска. Кроме них, большой вклад в развитие элитарных теорий в первой трети XX века внесли итальянский социолог Р. Михельс, немецкий философ О. Шпенглер, французский политолог Ж. Сорель, австрийский психолог З. Фрейд, испанский философ и культуролог Х. Ортега-и-Гассет.

В. Парето, один из представителей позитивистской социологии, заявлял, что его цель — создать «исключительно экспериментальную социологию», подобно физике и химии, способствовал широкому проникновению в социологию математических и статистических методов исследования. Но, как и другие социологи-позитивисты, претендовавшие на строгую научность и «беспартийность» своей теоретической системы, он заимствовал догмы и предрассудки класса, к которому принадлежал и интересы которого отстаивал. На творчество Парето оказали влияние, с одной стороны, либеральные установки позитивистов Конта, Милля, с другой стороны — воинствующий индивидуализм Ницше. Общество Парето рассматривал как целостность, а его части — как функциональные элементы целого (отметим, что американский социолог Т. Парсонс считал его одним из предшественников функционализма). Социальная система, по Парето, стремится к равновесию, причем это равновесие не статичное, а динамичное, и эта динамика социальной структуры детерминруется элитой — правящим меньшинством.

Вычленение элиты — исходный пункт социального анализа Парето: «Не упоминая об исключениях, немногих и недолговечных, повсюду мы имеем немногочисленный пра-

вящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного»⁴⁰. Для выявления того, кто может быть отнесен к элите, Парето предлагает статистический метод: «Допустим, что в каждой области человеческой деятельности каждому индивиду дается индекс, являющийся как бы оценкой его способностей, подобно тому, как ставят оценки на экзаменах... Например, человека, который приобрел миллионное состояние (честным или бесчестным путем, все равно), мы оценим баллом 10; человека, состояние которого исчисляется тысячами, — баллом 6; тех, кто едва-едва избежал дома для бедных, — баллом 1, оставив 0 для тех, кто туда попал... Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку, назовем элитой»⁴¹.

Итак, богатые образуют вершину социальной пирамиды, бедные — ее основание. Классифицировать общество можно, по мнению Парето, и по иным параметрам — по способностям в той или иной области деятельности: «Дадим, например, крупнейшему юристу балл 10, тому, кто не заполучил ни одного клиента—1, резервируя 0 для идиота». Графики иерархического деления людей по разным показателям (авторитет, умение, образование) будут частично совпадать, частично не совпадать с графиком распределения богатства, но последний является «осевым». Неизбежность деления общества на элиту и массу Парето выводил из неравенства индивидуальных способностей людей, проявляющегося во всех сферах социальной жизни. Индивиды, обладающие большим влиянием, богатством, образуют «высшую страту общества, элиту». К ней Парето относит прежде всего военную, религиозную, коммерческую верхушку.

Для объяснения социальной динамики Парето формулирует свою известную теорию «циркуляции элит»: социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из равновесия с течением времени возвращается к нему; процесс колебания системы и прихода ее в «нормальное» состояние равновесия образует социальный цикл; течение цикла зависит от характера циркуляции элит. Парето стремится представить исторический процесс в виде вечной циркуляции основных типов элит. Схема этой циркуляции не имеет ничего общего с историческим подходом к общественному развитию, крайне спекулятивна в своих претензиях на универсальность: «Элиты возникают из низших слоев общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие,

там расцветают и в конце концов вырождаются, уничтожаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории»⁴². Качества, обеспечивающие элите господство, меняются в ходе цикла социального развития; отсюда меняются и типы элит, а история оказывается кладбищем аристократии.

По Парето, существуют два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип — «львы» (Парето использует терминологию Макиавелли); для них характерен крайний консерватизм, грубые, «силовые» методы правления. Второй тип — «лисы», мастера обмана, политических комбинаций. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Напротив, неустойчивость состояния политической системы требует элиты прагматически мыслящих энергичных деятелей, новаторов, комбинаторов. Каждой элите свойствен один из двух основных методов управления: манипулятивный (включающий компромиссы, социальную демагогию) — элите «лис» и метод грубого подавления — элите «львов». Постоянная замена одной элиты другой является результатом того, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение равновесия социальной системы требует постоянного процесса замены одной элиты другой по мере того, как перед элитами возникают повторяющиеся социальные ситуации. Общество, где преобладает элита «львов»-ретроградов, неподвижно, застойно. Напротив, элита «лис» динамична. Представители первой любят спокойствие, вкладывают капитал в ренту, второй — извлекают прибыль из любых колебаний рыночной конъюнктуры. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации. Прекращение циркуляции приводит к вырождению властвующей элиты, к революционной ломке системы, к выделению новой элиты с преобладанием в ней элементов «лис», которые с течением времени вырождаются во «львов», сторонников жестокой реакции.

Парето подразделяет элиту на правящую и неправящую. «Правящая элита состоит из индивидуумов, которые прямо или косвенно играют значительную роль в правительстве, неправящая элита состоит из остальных ее членов. Таким образом, мы получаем две страты: низшую (неэлиту) и высшую (элиту), которая, в свою очередь, под-

разделяется на две — правящую элиту и неправящую». Революция, по Парето, всего лишь борьба и смена элит: элиты де-факто и потенциальной элиты, которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, но это — лишь обман непосвященных. Парето отмечает, что «высшая» и «низшая» страты неоднородны. В «низшей» имеются люди, обладающие способностями к управлению обществом. В элите же постоянно накапливаются элементы, не обладающие качествами, необходимыми для управления, и прибегающие к насилию, террору. «Аристократия переживает упадок не только количественный, но и качественный... Правящий класс пополняется семьями, происходящими из низших классов»⁴³. Английский исследователь элитарных теорий Т. Боттомор справедливо ставит в этой связи вопрос: относится ли понятие «циркуляция элит» к процессу динамики неэлит в элиты или же к замене одной элиты другой? Действительно, обе интерпретации присутствуют у Парето, и он часто пишет о том, что наиболее способные индивидуумы рекрутируются из низшей страты в высшую, а отдельные элементы элиты деградируют, опускаясь на дно общества.

Теории Парето оказали значительное влияние как на современных элитаристов, так и на западную социологию в целом. Английский историк А. Тойнби вслед за Парето попытался представить эволюцию общества как результат смены творческих и господствующих меньшинств: первые разрешают общественные проблемы путем размышлений и новаций, вторые удерживаются у власти посредством применения силы. Методика Парето используется в трудах виднейшего американского элитариста Г. Лассуэлла и его учеников. Так, американский социолог П. Блау почти дословно воспроизводит теорию Парето о том, что историческое развитие есть смена циклов, определяемых господством той или иной элиты, что обеспечивает в конечном счете равновесие в обществе⁴⁴.

Однако ряд западных политологов выражает несогласие со схемами Парето и считает «отцом» элитаризма не его, а Г. Моску*, хотя их методологические установки близки. Представляет интерес постановка Моской вопроса о необходимости создания политической науки, используя-

* Разумеется, было бы наивным с нашей стороны вмешиваться в спор буржуазных социологов по поводу того, кто был первым в элитаризме. Однако, на наш взгляд, эта сомнительная честь принадлежит все же Парето.

щей методы точных наук, и политики, основывающейся на научных принципах. Но буржуазная ограниченность Моски преопределила ненаучность решения этой остро поставленной проблемы. Все его надежды на научную политику связывались им с более активным участием в политическом процессе буржуазной интеллигенции во имя укрепления капиталистического государства.

Исходный пункт концепции Моски тот же, что и Парето,— деление общества на господствующее меньшинство и политически зависимое большинство (массу). Такое расчленение полагается всеобщим условием существования цивилизации. В своей книге «Правящий класс» Моска так излагает свое кредо: «Одно очевидно для самого случайного взгляда (обратим внимание на эту фразу, в которой, может быть, больше смысла, чем первоначально вкладывал в нее автор; элитаристы фиксируют то, что обнаруживается уже на уровне обыденного сознания — наличие в обществе правящих и управляемых,— и ограничиваются констатацией этого положения как данного, не идут дальше, к выяснению социально-экономических причин этого деления.— Г.А.). Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым, причем таким способом, который обеспечивает... функционирование политического организма»⁴⁵. Эту цитату проводит большинство исследователей элитаризма как «классическую» формулировку основ теории политической элиты.

Моска утверждал, что фундаментом общественного развития служит не экономика, а политика. Правящий, или политический, класс концентрирует руководство политической жизнью государства в своих руках, так как объединяет индивидов, обладающих «политическим сознанием» и влиянием. С переходом от одной исторической эпохи к другой изменяется состав правящего класса, его структура, требования к его членам, но как таковой этот класс всегда существует, более того, определяет исторический процесс. Моска объясняет неизменность власти меньшинства над большинством рядом причин, и прежде всего его организованностью: «Господство организованного мень-

шинства над неорганизованным большинством неотвратимо»⁴⁶. А раз так, то задача политической науки /состоит в исследовании условий существования политического класса, удержания им власти, взаимоотношений с массами. Моска различает автократический и либеральный принципы организации правящего меньшинства в зависимости от характера политической ситуации и критикует концепции народного суверенитета и представительного правления. На вопрос о том, какой тип политической организации является лучшим, Моска отвечает: «Тот, который дает всем элементам, обладающим какой-либо политической ценностью (т. е. элите.— Г. А.), возможность развиваться, подвергаться взаимному контролю и соблюдать принцип индивидуальной ответственности»⁴⁷. Власть элиты он ставит в зависимость от того, в какой степени качества ее членов соответствуют потребностям эпохи; правящее меньшинство рекрутируется различными способами, но главным критерием являются способности, желательные для политического управления в определенную эпоху. Важнейшей задачей политологии Моска считал анализ состава, организации правящего класса. Изменения в структуре общества, полагал он, можно суммировать изменениями в составе элиты. Итальянский социолог Э. Альбертони отмечает, что для Моски политический класс — не сила, грубо господствующая над массой, но то организованное меньшинство, которое обладает «моральным превосходством перед пассивным большинством»⁴⁸, и поэтому его власть «оправданна».

Наряду со сходством исходных положений Парето и Моски можно отметить и их различия. Если Парето делал упор на замене одного типа элиты другим, то Моска подчеркивал постепенное проникновение в элиту «лучших» элементов массы. Если Моска абсолютизирует действие политического фактора, то Парето объясняет динамику элит во многом психологически: элита господствует над массой, насаждая политическую мифологию, сама же она возвышается над обыденным сознанием. Для Моски элита — политический класс; у Парето понимание элиты шире, оно более антропологично. От Парето берет начало «ценностная» интерпретация элиты, от Моски — «макиавеллиевская» школа элитаристов.

Наконец, из итальянских основоположников элитаризма можно выделить Р. Михельса. Мы находим у него уже знакомые положения о том, что «общество не может существовать без господствующего, или политического, клас-

са, хотящего элементы подвергаются обновлению», и что наличие такого класса — «постоянно действующий фактор социальной эволюции»⁴⁹. Известность Михельса связана главным образом со сформулированным им «железным законом олигархических тенденций». Суть этого «закона» состоит в том, что «демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности», вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты — активного меньшинства, которому массе приходится довериться ввиду невозможности ее прямого контроля над крупной организацией. Поэтому демократия неизбежно превращается в олигархию, и люди, совершая социальный переворот, убегают от Сциллы, чтобы попасть к Харибде. Таким образом, демократия сталкивается с «неразрешимым противоречием»: во-первых, она чужда «человеческой природе» и, во-вторых, неизбежно «содержит олигархическое ядро»⁵⁰.

Эта концепция Михельса получила развитие в его основной работе «Политические партии», посвященной анализу деятельности социал-демократических партий Западной Европы. Михельс доказывал, что власть в этих партиях принадлежит фактически узкому кругу лиц, находящихся на вершине партийной иерархии. Необходимость управления организацией требует создания аппарата, состоящего из профессионалов, и партийная власть неизбежно концентрируется в их руках («причина образования олигархии в демократических партиях лежит в технической невозможности обойтись без лидеров»). Партийная элита обладает преимуществами перед рядовыми членами — имеет больший доступ к информации, возможности оказания давления на массы. Поскольку элита «организуется и консолидируется, управляя массой», Михельс прокламирует элитарную структуру любой общественной организации. Отсюда он выводит «фундаментальный закон политических партий»: «организация порождает господство избранных над теми, кто их избирает». Поэтому кто говорит «организация», говорит «олигархия», так что никакой демократии не существовало и не будет существовать. Массы из-за «некомпетентности и апатии» не могут и не хотят участвовать в политическом процессе; в больших организациях демократическая структура невозможна — нет пути организации системы таким образом, чтобы голос простого ее члена был услышан. Профессиональные функционеры профсоюзов, социалистических партий, особенно ставшие членами парламента, меняют свой социальный

статус, становятся членами правящей элиты. Таким образом, лидеры масс, став частью элиты, начинают защищать ее интересы, свое собственное привилегированное положение. Интересы масс не совпадают с интересами бюрократических лидеров массовых организаций. Поэтому партийная элита склонна проводить консервативную политику, не выражающую интересы масс, хотя она и действует от их имени, конкурируя с другими фракциями политической элиты — с элитой аристократии, менеджеров и т. д. Жизнь лидеров социал-демократических партий и профсоюзов становится буржуазной или мелкобуржуазной, и они защищают свое новое положение.

Нельзя отказать Михельсу в ряде интересных наблюдений. Но главная его ошибка — в том, что он, описывая действительную трансформацию лидеров правой социал-демократии, абсолютизирует ее, делает неправомерные обобщения. Господство олигархии в капиталистических странах, в существующих там буржуазных, мелкобуржуазных партиях Михельс не связывает с капиталистическими производственными, социально-политическими отношениями, а выводит их из «вечных» механизмов управления, «неизбежно» выливающих в бюрократию. Взгляды Михельса, позволяющие прямо или косвенно дискредитировать революцию, которая якобы несет лишь «новых тиранов», весьма импонируют современным элитаристам и во многом сплетаются с концепцией М. Вебера, о которой речь будет идти ниже.

Среди теоретиков элиты первого поколения видное место принадлежит испанскому философу и культурологу Хосе Ортеге-и-Гассету. В своей известной книге «Восстание масс» он утверждал, что «человеческое общество по самой сути своей всегда аристократично, хочет оно того или нет; оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным». «Всякое общество,— пишет он,— есть динамическое единство двух факторов — меньшинства и массы... Меньшинство — личности особой квалификации. Масса — это собрание средних, заурядных людей... Это люди без индивидуальности, представляющие собой обезличенный "общий тип"». Общество, управляемое элитой, и масса, «знающая свое место», — условия «нормального» функционирования общества. Но этой «нормы» общество придерживалось в прошлом, когда «каждый специальный род деятельности (искусство, политика) выполнялся квалифицированным меньшинством». Масса не претендовала

на участие, «она знала, что ей для этого не хватает квалификаций, знала свою роль в нормальной динамике социальных сил». Но вот XX век взорвал эту «норму», массы вышли из повиновения элите, восстали против нее. Наступила эпоха великих катаклизмов, грозящих «гибелью цивилизации». Та консервативная идиллия, которая, по представлению Ортеги, имела место в прошлом, окончилась. Ныне массы решили «двинуться на авансцену социальной жизни» и наслаждаться всем тем, что было достоянием лишь немногих. «Масса захватывает место меньшинства,— пишет он.— Сегодня мы присутствуем при триумфе супердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы при помощи материального давления. Масса, вообразившая себя элитой, несет разрушение»⁵¹. Книга Ортеги — это изложение одного из вариантов доктрины «массового общества»⁵².

Впоследствии буржуазные исследователи напишут, что в «Восстании масс» автор предвосхитил бесчинства фашистской массы. Однако вряд ли вызывает сомнения то, что главный объект нападок Ортеги — не фашизм, а социализм, борьба народных масс за освобождение от гнета и эксплуатации, на которые обрекало их правящее меньшинство.

Многие западные политологи относят к основоположникам элитаризма и французского теоретика анархо-синдикализма Ж.-Сореля, критика буржуазной демократии, которую он называл «раем для финансистов». Сорель с большим темпераментом доказывал, что демократия (буржуазная) — обман, что теории власти народа и капиталистическая практика разительно противоречат друг другу, что подобная демократия есть в действительности олигархия финансовых тузов⁵³. Можно было бы согласиться с этим положением, но весь вопрос в том, с каких позиций критикуется буржуазная демократия: слева — с позиций социалистической демократии, или справа — с позиций элитаризма и фашизма. Сорель же, которого В. И. Ленин называл «известным путаником»⁵⁴, с его политической неуравновешенностью все больше склонялся к последней трактовке (отметим, что Муссолини называл его своим «духовным отцом»). Сорель писал, что в «век масс» углубляется противоречие между утопией (идеологией элиты) и «популярными мифами» (идеологией масс). Первая апеллирует к умам с высокоразвитой способностью к рассуждениям (специфическое качество элиты)⁵⁵. Напротив, воз-

действие «популярных мифов» основано на внушении, на гипнотизировании масс; чем глубже они воздействуют на «массовые инстинкты», чем больше щекочат «нервы толпы», чем активнее провоцируют слепое, стихийное начало, тем они действеннее⁵⁶. «Известный путаник» Сорель совершил ряд сальто-мортале в своей идейно-политической эволюции. С одной стороны, он развивал идеи анархо-синдикализма, с другой — оказался одним из идейных предшественников фашизма.

Вопрос о связи теорий Парето, Моски, Михельса, Сореля с фашистской идеологией вот уже более сорока лет активно обсуждается в западной политологической литературе. При этом выявились не только различные, но и противоположные точки зрения — от утверждений о прямой связи между элитаризмом и фашизмом до полного отрицания какой-либо связи между ними. Однако эта связь настолько явная, что сторонники второй точки зрения лишь выдают свою позицию апологетов элитарного мировоззрения.

Таким образом, нельзя не признать справедливым следующее высказывание итальянского социолога Ф. Ферраротти: «Идеи Моски, подобно идеям Парето и Михельса..., оказались в области политики пригодными для оправдания фашизма..., независимо от личных политических позиций этих авторов»⁵⁷. Американский социолог Цандер писал, что фашизм — «это осуществление идей Парето на практике»⁵⁸.

Отметим, что подобные суждения весьма раздражают элитаристов, ибо компрометируют их теории в глазах масс. И они пытаются защищаться, пользуясь для этого весьма неубедительными аргументами. Так, известный французский социолог Р. Арон решительно возражает против наличия связи между теориями Парето и фашизмом, ссылаясь на то, что Парето «колебался между авторитаризмом и интеллектуальным либерализмом». В том же духе высказывается американский политолог Дж. Сартори, который так пишет о теориях элиты: «Они либо верны, либо неверны, но, с моей точки зрения, бессмысленно спорить, являются ли они фашистскими или антифашистскими»⁵⁹.

В 1977—1978 годах в английском журнале «Политикл стадиз» развернулась дискуссия по вопросу о взаимосвязях элитаризма и фашизма. Ее открыли две статьи Д. Битхэма⁶⁰, в которых автор достаточно обоснованно утверждал, что симпатии Р. Михельса к фашизму в 20-х годах не случайны, что они прямо связаны с его теоретическими кон-

цепциями, развернутыми в знакомой нам книге «Политические партии». Битхэму возражал Р. Беннет, который уверял, что «эволюция Михельса от социализма (имеются в виду его симпатии в раннем возрасте к правым социалистам.— Г. А.) к фашизму» является фактом его индивидуальной биографии, а не следствием логической связи его концепций с фашизмом. По Беннету, «нет необходимой связи» между теориями элиты и фашистской идеологией. «Главный вопрос, поднимаемый элитарными теориями,— делает вывод Беннет,— это вопрос не о том, являются ли они просто тщательным прикрытием для фашистской идеологии, но о том, совместимы ли современные индустриальные общества и политические партии с целями демократии». Беннету очень хочется доказать, что теории элиты политически нейтральны, что они «не указывают определенно на какое-либо политическое направление»⁶¹. Однако попытки спасти репутацию элитаризма рассуждениями о его «политической нейтральности» вряд ли могут ввести кого-то в заблуждение. Можно полностью согласиться с прогрессивным американским социологом Р. Баркли, который писал: «Генеалогия теорий элиты: от Платона и Ницше к Парето и Моске, далее — к фашизму, а в послевоенный период — к неоконсерватизму»⁶².

В писаниях теоретиков фашизма элитаризм принял наиболее уродливые, человеконенавистнические формы. Отметим, что современные адепты элитаризма часто нарочито игнорируют его фашистский вариант, стыдливо замалчивают его. Некоторые современные элитаристы объявляют фашистскую доктрину «вульгарным» вариантом элитаризма, пишут о фашизме как о «плебейском искажении подлинного элитаризма», занимая при этом консервативно-аристократическую позицию⁶³. Большинство современных теоретиков элиты стараются по возможности либерализовать элитаризм, совместить его с буржуазно-демократическими ценностями⁶⁴. А между тем даже объективные буржуазные исследователи теорий элиты (тот же Д. Битхэм) констатируют, что элитаризм составляет сердцевину фашистской идеологии. Доктрина фашизма прямо опирается на принцип элитарной структуры общества, принцип фюрерства, предполагающий неконтролируемую власть правителей и абсолютное бесправие управляемых. Гитлер в «Майн кампф», наиболее циничном выражении элитаризма, провозглашал, что «историю мира творит только меньшинство», обосновывал социальное неравенство расовыми различиями. Яростно нападая на принцип подчинения мень-

шинства большинству, он по существу перефразировал основную установку элитаризма: «Принцип принятия решений большинством, отрицая авторитет личности и ставя на ее место толпу, грешит против основной идеи, заложенной в природе,— идеи аристократии». И далее: «Лучшая государственная конституция и государственная форма — та, которая обеспечивает лучшим головам ведущую роль и руководящее влияние в обществе». Большинство — это «толпа бездарностей», меньшинство — «сверх-человеки», элита вправе попирать волю этого «неисторического» большинства. Фашистские теоретики Розенберг, Кронер, Леман противопоставляли «неполноценную» массу арийской элите, пытались обосновать «аристократический принцип» общественной структуры. А. Розенберг обвинял французскую революцию в том, что она провозгласила право большинства господствовать в обществе, «разлагающее народы этим безответственным парламентаризмом».

Фашизм убедительно продемонстрировал всему миру, во что может вылиться на практике осуществление идей элитаризма. Однако с разгромом фашизма элитаризм не умер, он оказался весьма живучим. И это не удивительно, ведь, как уже отмечалось, элитаризм является составной частью современной буржуазной идеологии; он имеет глубокие корни в природе современного капитализма и, как отметил немецкий марксист Э. Готтшлинг, «приобрел характер универсальной религии империализма»⁶⁵. Вместо расистского варианта элитаризма преобладающими стали либеральный и консервативный варианты. В 60—80-е годы элитаризм вырос в социологию элиты, которая заняла свое место среди целого конгломерата социологии, на которые распалось современное буржуазное обществоведение.

Если до второй мировой войны центр пропаганды элитаризма находился в Европе, а США были ее «периферией» (труды Моски, Парето, Михельса начали переводить там в 30-е годы), то после войны положение изменилось: этот центр прочно переместился в США. Там образовалось несколько элитарных школ: «макиавеллиевская», возглавляемая профессором Нью-йоркского университета Дж. Берн-хэмом; так называемая либеральная, возглавляемая Г. Лассуэллом и группировавшимися вокруг него профессорами Стэнфордского университета; к 60-м годам сложился структурно-функциональный вариант элитаризма (С. Келлер и др.). Если сравнить американскую и западноевропейскую социологию элиты, то можно обнаружить, что первая более эмпирична, в ней преобладает интерпретация

элиты с точки зрения структур власти и социально-политических влияний, тогда как для второй более характерна «ценностная» интерпретация элиты.

Элитарные теории активно пропагандируются в ФРГ. Слегка либерализовав фасад, они возродились как составная часть идеологии германского империализма. Утверждается, что с разгромом фашизма потерпел крах не элитаризм как таковой, а лишь его тоталитарный вариант. Э. Ракк объявляет проблему элиты «наиболее насущной германской и европейской проблемой», Г. Драйцель — «центральной проблемой индустриального общества»⁶⁶. Ярким сторонником элитаризма выступил бывший министр ФРГ, один из лидеров ХДС Г. Шредер. В 1955 году он писал: «Ни общие социальные рассуждения, ни страшные деяния национал-социалистской элиты не могут увести нас на ложный путь и заставить придать понятию «элита» только негативное значение». Для Шредера элита — это «меньшинство, которое чувствует себя объединенным общей социальной ответственностью и способно на действия высшего порядка»⁶⁷.

Среди элитаристов мы находим практически все оттенки буржуазного и мелкобуржуазного политического спектра — и ультраправых, и консерваторов, и либералов, и порой даже леворадикалов, а также реформистов и ревизионистов. Поэтому термин «элитарист» порой искусственно объединяет довольно разнородных авторов.

Весьма откровенен воинствующий элитаризм ультраправых. Их политическая программа — твердая власть, сильная элита, способная расправиться с «красными», «розовыми» и прочими «смутьянами»; «поставить на место» негров, цветных, а также «ленивую чернь». Они бичуют «либеральную элиту», которая, как они утверждают, узурпировала политическую власть в странах Запада после второй мировой войны, контролирует государство и перераспределяет национальные богатства в свою пользу, в то же время бросая подачки низам, как в Древнем Риме патриции подкармливали «клиентов»; которая совершает «необдуманные и неоправданные уступки» расовым, национальным и социальным меньшинствам в ущерб «великому среднему классу». Лидеры ультраправых демагогически осуждают элиту большого бизнеса, разоряющую монополистическую буржуазию, элиту владельцев массовых коммуникаций — «медиакратию» (тут проявляется антиинтеллектуальная традиция ультраправых). Они выступают за «подлинную элиту», чистую в расовом отношении⁶⁸, за «честную кон-

курению» для вхождения в нее, за то, чтобы «достойная элита» сломала «санитарный кордон» демократии⁶⁹, которая не более чем «один из мифов XX века»⁷⁰.

Гораздо более влиятелен консервативный элитаризм (особенно в 80-е годы, когда консерваторы пришли к власти в таких крупнейших капиталистических странах, как США, Англия, ФРГ). Неприкрытый элитаризм демонстрирует администрация Р. Рейгана, это «правительство богатых и для богатых», как его часто называют в США. Причем элита не прячет свое богатство, но, напротив, демонстрирует его, кичится им, глумясь над миллионами неимущих. В кабинете Рейгана 8 из 13 его членов обладают состояниями, превышающими миллион долларов, остальные близки к тому, чтобы стать миллионерами⁷¹. «Рейганомика» зиждется на сокращении налогов для крупнейших корпораций, урезывании социальных программ для малоимущих, отсутствии государственного контроля над элитой крупного бизнеса, на огромных ассигнованиях военно-промышленному комплексу. Аналогичную политику проводит кабинет М. Тэтчер, которая неоднократно предупреждала против «противоестественного равенства», выступая за «здоровый элитаризм»⁷². Среди консерваторов преобладают настроения защиты элиты от напора массовых движений, от требований перемен. Для них твердость и неизменность элиты является лучшей гарантией незыблемости социально-политической системы.

Идеологи американского консерватизма П. Вирек, Ф. Уилсон утверждают, это основа «социальной справедливости» — неравное вознаграждение за неравные социальные функции. Элита, таким образом, должна быть вознаграждена в достаточной мере как меритократия — элита заслуг. Очень близки к этим рассуждения американских неоконсерваторов Д. Белла, Н. Глязера, выступающих против того, что они называют «чрезмерным эгалитаризмом» современного общества, то есть «необоснованных», с их точки зрения, притязаний масс на равенство с элитой⁷³. «Эгалитаризм», утверждают они, не дает элите возможность эффективно функционировать, от этого страдает все общество. Опасность массовых, «эгалитарных» движений они видят в том, что их участники требуют реального равенства, равенства результатов, а не удовлетворяются формальным «равенством возможностей», провозглашаемым буржуазной демократией. Власть элиты заслуг представляется им воплощением идеи «справедливого равенства». Консервативный западногерманский социолог Г. Шельский откровенно вы-

ступают за «традиционную элиту как хранителя порядка и вечных ценностей», против либеральных «новых элит»⁷⁴. Аналогичные идеи развивают французские консервативные идеологи. Так, М. Алле утверждает: «Элита — группа людей выдающихся способностей, обеспечивающая прогресс»⁷⁵. Неравенство, утверждает он, вечно; но «несчастье» — в том, что «массы, ослепленные демагогами, увлекаются стремлением добиться тех же прав, что и элиты»⁷⁶.

Один из лидеров французских «новых правых» Л. Повель выступает в защиту сильной элиты и строгой социальной иерархии, которые, по его мнению, обеспечивают «устойчивый порядок». В своей консервативной утопии «Блюмрок великолепный, или Завтрак сверхчеловека» он пишет о том, что судьбы человечества «направляются высшими существами, одаренными космической мудростью и напрямую связанными с бесконечным вселенским разумом»; они-то и образуют элиту. По Повелю, неравенство предопределено природой: элитарность и гениальность передаются по наследству и никакая революция не может изменить элитарную структуру общества; равенство — это несправедливость по отношению к способным, к элите. В другой работе Повель утверждает: «...Именно меритократия, основанная на отборе лучших... была бы наиболее совершенной социальной формой... Никакое человеческое общество не жило без элиты».

Американский социолог И. Горовиц справедливо связал неоконсерватизм с элитаризмом, поскольку тот «стремится утвердить элитаризм как основной социальный закон». «Элитаризм, отстаиваемый неоконсерватизмом,— пишет Горовиц,— лишь количественно отличается от биологической стратификации, пропагандируемой европейским фашизмом... Большая часть населения удобно исключается из политики, право управления естественно выпадает на долю уже правящих классов. Схема элитаризма становится тщательно разработанным оправданием существующего положения вещей»⁷⁷.

В послевоенный период, во всяком случае в 50—70-х годах, пожалуй, в наибольшей степени интересы правящих классов капиталистических стран выражал либеральный элитаризм. Его идеал — государственно-монополистический капитализм, но спасенный от кризисов квалифицированной элитой менеджеров и политиков, элитой, способной стабилизировать капиталистические отношения и институты, сдерживать силы социального протеста путем разумных компромиссов, по возможности не обращаясь к репрессивным

методам*. Представители либерального технократически-менеджерского направления считают государственное регулирование экономической, социальной и культурной жизни основой стабильности буржуазного общества, подчеркивают рост влияния новой, управленческой элиты, «нового класса профессионалов и менеджеров»⁷⁸, который преодолевает конкуренцию со стороны традиционной, «предпринимательской буржуазии», причем не подавляет ее, но достигает с ней разумного компромисса. Итак, компетентность и научность элиты поможет преодолеть социальные конфликты. Для этого необходим приток в элиту лучших умов общества, то есть она должна быть открытой, иначе неминуемо начнется ее разложение и упадок, возобладает аристократический принцип формирования элиты, возрастет коррупция и, как следствие, недовольство масс, могущее вызвать революцию⁷⁹.

В отличие от консервативного элитаризма, либеральный не третирует массу, а стремится заигрывать с ней, говорит о необходимости привлечения ее к участию в политике (понимая это привлечение ограничено — главным образом как участие в выборах; не беря в политике «самое существенное: устройство государственной власти»⁸⁰). Главные концепции этого направления — «демократический элитаризм» (П. Бахрах и др.) и плюрализм элит (С. Келлер и др.) — будут рассмотрены нами специально. Для либералов характерно отрицание непосредственных политических действий масс, оправдание управления обществом «просвещенной элитой» или «интеллектуальным истеблишментом».

Несомненным своеобразием отличается леворадикальный вариант элитаризма. Прежде всего это, как правило, замаскированный элитаризм, ибо пафосом его является протест против капиталистического истеблишмента. Западные социологи стали писать даже об «антиэлитарном элитаризме», «скрытой элитарности», имея в виду прежде всего ряд «новых левых». Известно, что критический заряд «новых левых» направлен против потребительских идеалов, мещанского «довольного сознания», таких черт современного капитализма, как бюрократизация, антигуманность, бездуховность. Они критикуют правящую элиту капитали-

* Отметим, что ряду консерваторов, в частности американских, не чужды популистские мотивы; они не прочь изобразить себя борцами против элиты либералов. Так, один из руководителей кампании за переизбрание Р. Никсона в президенты в 1972 году обличал его соперника Макговерна в приверженности элитаризму (см. Bernstein C., Woodward B. All the President's Men. N. Y., 1976, p. 171).

стических стран и социально-политическую систему, обрекающую массы на пассивность. Но закономерен вопрос: с каких позиций ведется эта критика? И социологическая расшифровка оппозиционности «новых левых» дает любопытный результат: это критика с позиций буржуазной интеллигенции, разочарованной утерей своего бывшего привилегированного положения.

Идеология «новых левых» возникла под воздействием таких социальных процессов, вызванных НТР, как огромный количественный рост, «массовизация» интеллигенции, все большее ее расслоение, причем верхушечный слой интеллигенции становится частью правящей элиты, а подавляющее большинство ее все более сближается с рабочим классом. Функции, которые ранее были окружены ореолом исключительности, стали массовидными со всеми вытекающими отсюда последствиями — утратой их носителями былых привилегий (достаточно указать, что заработная плата некоторых крупных групп интеллигенции, например учителей, значительно уступает заработной плате квалифицированных рабочих), определенным разочарованием их своим новым положением. Интеллигенция пролетаризируется, превращаясь в эксплуатируемую капиталом массовидную силу, к тому же лишенную былой автономии и подчиненную иерархической организации монополистического капитализма. В писаниях многих представителей интеллигенции отчетливо звучат мотивы ностальгии по утере былой эзотеричности, исключительности интеллектуала, протесты против его «омассовления». И левый радикализм в значительной мере проявляет себя в качестве идеологии «технократии без власти», элиты аутсайдеров, элиты оппозиции. Ее представители рассматривают народные массы, включая рабочий класс, как отсталые, косные, инертные; порой отзываются о них с элитарным презрением, считают, что борьбу с системой, с «истэблишментом» ведет лишь «критически мыслящий авангард». Не случайно в леворадикальной идеологии двигателем социального прогресса оказывается «активное меньшинство», противостоящее «интегрированной массе» (эта точка зрения характерна для Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, Д. Кон-Бендита, Р. Дебре⁸¹).

До эпохи НТР интеллигенция в целом не была включена непосредственно в процесс производства прибавочной стоимости, в процесс индустриального производства и в значительной мере состояла из лиц «свободных профессий»; с этим было связано осознание ею себя как полити-

чески «неангажированного» слоя (отсюда и ПСИХОЛОГИЯ элитарной исключительности). В условиях НТР буржуазная интеллигенция претерпевает серьезнейшую трансформацию: бывший свободный художник, гордившийся своей исключительностью, превращается в винтик поточного производства. Омассовление интеллектуального труда, ведущее к утере былых материальных привилегий (в сравнении с рабочим классом, в первую очередь), вызывает недовольство широких слоев интеллигенции, особенно будущей интеллигенции — студенчества, перспективы которого в условиях экономического спада и перепроизводства лиц интеллектуальных профессий особенно неясны.

Леворадикальные мыслители фиксируют процесс концентрации экономической, политической, военной власти в руках властвующей элиты, превращающей народ в объект манипуляций, и протестуют против него. Мелкая буржуазия, интересы которой они выражают, недовольна государственно-монополистическим капитализмом, разоряющим ее и ведущим наступление на демократию (центр принятия политических решений переходит от парламента, где вес мелкой буржуазии значителен, к исполнительным органам, где правит финансовая олигархия и обслуживающая ее технократия⁸²). Противоречивость этого идеологического течения заключается в следующем: с одной стороны, оно борется с истэблишментом, допускающим лишь «прирученную оппозицию», функциональную по отношению к системе, и душащим реальную угрозу системе; с другой стороны, ему присущ и элитаризм, презрение к «отсталой массе», вера в то, что лишь бунтарский авангард осуществит ломку системы, не останавливаясь перед насилием и по отношению к массам.

Отметим, что левый радикализм порой тесно смыкается с правоконсервативным элитаризмом. Не случайно некоторые леворадикальные теоретики эволюционируют подчас в сторону консерватизма, как это произошло с так называемыми «новыми философами» во Франции. Один из них, Б.-А. Леви в традициях классического элитаризма утверждает, что политическая власть — не надстройка, а основа общества и что поэтому власть элиты вечна. Другой «новый философ» — А. Глюксман также демонстрирует свой идеализм, уверяя, что власть элиты опирается прежде всего на идеологию, которую она выработала и в которую слепо уверовала масса.

Для ультралевацкой идеологии характерны лозунги, провозглашающие «абсолютную антиэлитарность», кото-

рые, однако, на деле выливаются в анархистские призывы к борьбе против любых форм организации масс, якобы всегда порождающих элиту (при этом игнорируется классовое содержание, классовая направленность организаций). Массовое движение, лишенное организационных форм, заранее обрекается на неуспех. Часто сторонники этого мировоззрения направляют свои критические стрелы не против капитализма, а сползают в болото антикоммунизма, считая реальный социализм «сверхцентрализованной формой организации» и именно поэтому видя в нем источник «главной опасности»⁸³. Ультралевому сознанию свойствен «бюрократический фетишизм», в искаженном виде отражающий основное противоречие капитализма как противоречие между бюрократической элитой и массой. Оно по существу оказывает услугу монополистической буржуазии, которой выгодно канализировать недовольство масс в русло абстрактного антиавторитаризма, когда мишенью критики становятся любые формы организации — как капиталистической, так и социалистической.

Хотя элитарные теории — это преимущественно идеология эксплуататорских классов, социальная база их образования несколько шире: питательной почвой для них может явиться и мелкая буржуазия (что отражает двойственность ее социального положения — одновременно труженики и собственники), и определенные слои буржуазной интеллигенции, и «рабочая аристократия». Так, многие мелкобуржуазные слои рассматривают свое положение как привилегированное по сравнению с положением рабочего класса и вырабатывают мировоззрение, которое можно охарактеризовать не столько как элитарное, сколько полуэлитарное или субэлитарное⁸⁴. Ряд представителей этих социальных слоев с завистью смотрит на элитарное положение крупной буржуазии и с презрением — на бесправное положение рабочего класса; из такого рода социальных слоев монополистическая буржуазия и вербует свою массовую опору.

Элементы элитарного мировоззрения мы можем заметить во взглядах представителей «рабочей аристократии». Отнюдь не случайно, что элитаризм пропагандируется и рядом праворевизионистских теоретиков. Так, Р. Гароди, Э. Фишер во многом перпевают технологический вариант элитаризма, а также пытаются ассистировать антикоммунистам в их поисках доказательств элитарности политической системы реального социализма. Они утверждают, что в социалистическом обществе родилась «новая элита», «новая аристократия», «новая бюрократия», перпевают бур-

жуазные концепции элитного плюрализма как альтернативы социалистической политической системе.

Показательно, что элитарные теории взяли на вооружение идеологи чехословацкой контрреволюции 1968 года — И. Свитака, К. Косик, М. Иодль, польской контрреволюции начала 80-х годов — Я. Куронь, А. Михник и др. И у тех и у других общим является стремление скомпрометировать руководящие партийные кадры и предложить «альтернативную элиту», главным образом из среды той части интеллигенции, которая была в плену буржуазной идеологии. Отличие польских контрреволюционеров в том, что они, учтя печальный опыт чехословацких ревизионистов, откровенно ориентировавшихся на мелкобуржуазную интеллигенцию, пытались опереться на определенную часть рабочих, которые попали под их влияние. Поэтому элитаризм чехословацких ревизионистов был более открытым и явным.

Свои идеи плюралистических элит ревизионисты, как правило, заимствуют из буржуазных источников. Отражая настроения определенных кругов мелкобуржуазной интеллигенции, тяготившихся руководящим положением рабочего класса и его партии, они надеялись разрушить социалистическую политическую систему, «приблизить» ее к буржуазно-демократическим образцам и самим встать во главе ее. Так, М. Иодль в книге «Теория элиты и проблема элиты», вышедшей в разгар контрреволюционных событий 1968 года, утверждал, что управленческий аппарат в капиталистических странах формируется на внеклассовой основе, и ставил рекрутирование элиты в капиталистическом обществе образцом для социалистических стран⁸⁵. К. Косик требовал установления власти «просвещенной элиты», М. Крал — власти научной элиты, или сциенократии. Ревизионисты охотно рассуждают об «ограниченном кругозоре» большинства трудящихся, в том числе рабочего класса, утверждают, что «адекватные представления о человеческом развитии» рождаются в головах ученых, которые и являются «подлинной элитой». «Естественный отбор, свобода общения, беспристрастность и неангажированность», уверял Крал, обеспечивают этим специалистам исключительное положение, ставящее их выше «каких угодно дилетантов» и какого угодно «большинства»⁸⁶. Подобное противопоставление «элиты ученых» массам без каких-либо попыток классового анализа социальной роли и тех и других является типичной чертой буржуазных технократических теорий.

Как видим, элитаризм — мировоззрение, далеко выходящее за рамки идеологии одного господствующего класса; оно является элементом обыденного сознания в обществе, расколотом на антагонистические классы, в обществе, где разделение труда выливается в противостояние привилегированных и непривилегированных классов и слоев, в социальное неравенство. Пережитки этого мировоззрения могут существовать и в условиях социализма. Но живуче элитарное мировоззрение там, где существует социальное, политическое неравенство, эксплуатация человека человеком. В основе такого положения лежат, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, ограниченные производительные силы. «Обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство,— пишут они,— делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимых потребностей были временно (т. е. до порождения новых революционизирующих производительных сил) лишены возможности какого бы то ни было развития»⁸⁷.

Таким образом, социальные корни элитарных теорий оказываются весьма разветвленными. Не удивительно поэтому, что эти теории являют собой столь пеструю и широкую картину, отражают, по существу, все оттенки буржуазного политического спектра. И это должны учитывать марксистские критики элитарных теорий — теорий, зачастую внутренне разнородных, порой остро полемизирующих друг с другом.

ГЛАВА II

ЭЛИТА И ГОСПОДСТВУЮЩИЙ ЭКСПЛУАТАТОРСКИЙ КЛАСС

В XX веке понятие «элита» прочно вошло в социологические и политологические словари. Вошло, несмотря на энергичные возражения многих социологов — как марксистов¹, так и немарксистов. Возражения социологов-марксистов против употребления этого термина столь весомы, что это зачастую вынуждены признать и сами элитаристы. Они заключаются в следующем: если понятие «элита» обозначает господствующий эксплуататорский класс, то оно не несет никакого нового содержания; если же с его помощью классовая дифференциация общества подменяется поверхностным дихотомическим делением элита — масса, то он ненаучен. В рамках буржуазной социологии против этого термина выступает ряд приверженцев теории политического плюрализма, которые, допуская употребление понятия «элита» в отношении низкоорганизованных обществ, считают его неприемлемым при анализе политических систем «индустриального» и «постиндустриального» общества.

Тем не менее указанный термин не только прочно утвердился в западной социологической и политологической литературе, но и вышел далеко за ее пределы, став общеупотребительным. Вряд ли можно сомневаться в том, что это говорит о существовании потребности в понятии, отражающем определенный социальный феномен — особую роль верхушки господствующего эксплуататорского класса, прежде всего той ее части, которая непосредственно осуществляет руководство обществом, стоит у руля государственного управления. Но потребность в таком понятии получила в современной буржуазной социологии одностороннее, апологетическое по отношению к эксплуататорскому

обществу и его господствующим классам выражение. Поэтому представляется необходимым, во-первых, показать неадекватность употребления понятия «элита» представителями основных современных буржуазных социологических и политологических течений и, во-вторых, ввести нужный термин с корректным содержанием в сопоставлении его с марксистскими понятиями «господствующий класс», «эксплуататорский класс».

При этом необходимо иметь в виду, что, как справедливо отмечают советские исследователи Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин, было бы совершенно неправомерно сводить острейшую идейную борьбу между марксистской и буржуазной идеологией по проблеме верхушечных групп, через деятельность которых реализуется господство монополистической буржуазии в современном капиталистическом обществе, к терминологическому спору о том, какой термин предпочтительнее — «правящая элита», «господствующие слои», «правящая верхушка» и т. д.² И хотя поиск адекватной научной терминологии сам по себе важен, преувеличенное внимание к этому вопросу чревато забвением того, что расхождение между буржуазной и марксистской социологией носит не терминологический, а принципиальный характер. Основное содержание этого расхождения — вопрос о месте и роли элиты в социальной структуре общества, о том, является ли элита «внеклассовой» социальной группой, выражающей интересы общества в целом, как это пытаются доказать буржуазные социологи, или же это верхушка господствующего эксплуататорского класса, осуществляющая государственное руководство во имя поддержания социальной системы, которая ставит этот класс в привилегированное положение, позволяет ему эксплуатировать трудящиеся массы.

Выше уже отмечалось, что сама по себе постановка проблемы особой роли верхушки господствующего класса не есть заслуга современной буржуазной социологии. Она имеет давнюю традицию, восходящую к Платону и Макиавелли. Заслуга Парето, Моски, Михельса — в лучшем случае в том, что они попытались вычленить и систематизировать вопросы, касающиеся роли правящей верхушки в политическом процессе, сделать их объектом специального исследования. Однако они предложили заведомо ограниченное одностороннее решение поднятых проблем, что обусловлено социальными и теоретико-познавательными установками этих мыслителей, их идеализмом, метафизикой, классово-вой позицией.

Подлинно научную постановку этой проблемы мы находим в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Нет ничего более ошибочного, далекого от истины, чем утверждения антикоммунистов, что марксизм всю проблематику властно-политических отношений сводит к вопросу о том, какой класс господствует в данном обществе, игнорируя роль внутриклассовых социальных слоев, промежуточных и межклассовых групп. Основовопложники марксизма-ленинизма отнюдь не ограничивались лишь констатацией того, какой класс является господствующим в определенной общественно-экономической формации, в определенной стране. Объектом марксистского классового анализа политической структуры общества является и распределение власти внутри господствующего класса. Важнейшим элементом этого анализа служит конкретно-историческое исследование процесса осуществления властных отношений в классово-антагонистическом обществе, роли правящей верхушки в реализации этих отношений.

К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» показал роль бюрократического слоя, создаваемого буржуазией для управления обществом,— того слоя, который в современной буржуазной социологической литературе именуется «бюрократической элитой», который считает самое себя конечной целью государства³ и выражает совокупный интерес господствующего эксплуататорского класса. Причем этот эгоистический интерес буржуазии стремятся представить как «всеобщий интерес», защищая таким образом «*мнимую* всеобщность особого интереса»⁴. Приведенные слова К. Маркса метко бьют по современной буржуазной элитологии, для которой как раз и характерны попытки представить элиту как бесклассовый социальный слой, носителя общественного интереса.

* *
*

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *elīgere* и французского *élite* — лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века он употреблялся для обозначения товаров наивысшего качества, а затем и для именованя «избранных людей», прежде всего высшей знати, а также привилегированных военнослужащих⁵. В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 года, этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. Понятие это стали использовать также в генетике, семеноводстве для обозначения

лучших сортов и семян. Отметим, однако, что термин «элита» не применялся широко в общественных науках до конца XIX — начала XX века (т. е. до появления работ В. Парето), а в США — даже до 30-х годов нашего столетия. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что этимология может иметь лишь сугубо вспомогательное значение при определении содержания понятия, которое выступает как момент, узловой пункт определенной социальной концепции.

Что же такое элита? Пытаясь найти ответ на этот вопрос в построениях элитаристов, мы не только не обнаружим единодушия, но, напротив, натолкнемся на целый ряд суждений, порой опровергающих одно другое. Похоже на то, что элитаристы сходятся только в одном — в постулировании необходимости элиты для общества. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем согласия.

Если суммировать основные значения, в которых этот термин употребляется буржуазными социологами и политологами, то получается следующая картина. Элитой именуются: лица, получившие наивысший индекс в области их деятельности (В. Парето); наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, — организованное меньшинство общества (Г. Моска); люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре); лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Воден), наивысшим чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); «боговдохновенные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали в себе способность к лидерству (Л. Фройнд), харизматические личности (М. Вебер); творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элита — В. Гэттсмен и другие теоретики

элитного плюрализма); наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интеллигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма); руководящий слой в любых социальных группах — профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города), лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы (элита летчиков, шахматистов или даже воров — Л. Боден)⁶. В любом случае дихотомия элита — масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры. Широкое хождение приобрел и термин «субэлита», сторонники которого отстаивают пирамидальную модель общества⁷. Наконец, активно используется термин «контрэлита» для обозначения лидеров «социальных низов» — руководителей левых партий, профсоюзов и т. д.⁸

Отмечая существование в современной буржуазной социологии разных точек зрения на содержание термина «элита», нельзя пройти мимо позиции американского социолога Р. Миллса, одного из лидеров «новых левых». Западные элитологи обычно относят его к сторонникам институционального подхода к элите (и определенные основания для этого имеются). Однако они склонны игнорировать специфику позиции Миллса, который стоит несколько особняком в буржуазной социологии (недаром его часто называют «enfant terrible» — «трудный ребенок» западной социальной мысли). Миллс признает деление современного американского общества на элиту и массу, но это признание оборачивается у него страстным обличением государственно-монополистической системы. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько правомерно употребление буржуазными социологами термина «элитарист» в отношении всех исследователей, принимающих схему элита—масса. Следует различать аналитический и нормативный подходы к делению общества на элиту и массу и применять термин «элитарист» лишь к тем, кто (подобно Х. Ортега-и-Гассету) видит свой идеал и норму в элитарной общественной структуре. Миллс же, признавая элитарность капиталистического общества, обличает фальшь буржуазной демократии. Нетрудно понять, что его идеал далек от элитаризма.

Как видим, подходы буржуазных социологов к определению понятия «элита» весьма различны. Недаром один из сторонников элитаризма заметил, что все пишущие об элите

интуитивно понимают, о чем идет речь, но как только предпринимается попытка выработать дефиницию, начинаются труднопреодолимые разногласия и разночтения. Если все же попытаться сгруппировать все эти пестрые определения, то выявятся два подхода к данной проблеме: ценностный и структурно-функциональный. Сторонники первого подхода объясняют существование элиты неким «превосходством» (прежде всего интеллектуальным, моральным и т. д.) одних людей над другими, второго — исключительной важностью функций управления, которые детерминируют исключительность роли людей, выполняющих эти функции (причем выполнение данных функций с необходимостью осуществляется меньшинством). При этом ценностный, «морализаторский» подход вырождается в мистицизм и самую примитивную апологетику, а функциональный — в тавтологию. Этого не могут не замечать и многие буржуазные исследователи, такие, например, как Т. Боттомор, С. Келлер, У. Рансимен. Последний довольно метко пишет по поводу подобных дефиниций: «Если правящая элита определяется как совокупность лучших правителей, подобно тому, как элита шахматистов — это лучшие игроки, то сказать, что элита должна состоять из лучших правителей,— не более чем тавтология. Если, с другой стороны, элита включает тех, кому удалось занять правящие позиции, то тогда говорить, что они управляют потому, что обладают соответствующими качествами,— почти полностью неправда»⁹.

В самом деле, на вопрос, кто обладает властью в том или ином обществе, элитарист обычно отвечает: тот, кто имеет власть, главным образом потому, что возглавляет определенные институты власти. А ведь подлинная проблема — в том, чтобы выявить, как экономически господствующий класс, владеющий средствами производства, оказывается и политически господствующим классом, то есть классом, осуществляющим политическую власть. Но как скуден анализ властных отношений с позиций дихотомии элита — масса в сравнении с марксистским классовым анализом! Констатируя определенное социальное явление — власть меньшинства в классово-антагонистическом обществе, элитарист неспособен проникнуть в его сущность. Так, тесно связанный со структурно-функциональным институциональный подход, широко распространенный в современной буржуазной социологии и трактующий элиту как группу лиц, которые занимают руководящие позиции в важнейших социальных институтах — правительственных,

экономических, военных, культурных,¹⁰ — грешит абсолютизацией формального механизма власти, непониманием его социально-классовой природы.

На вопрос, кто правит обществом, элитарист может дать другой ответ — ценностного характера: смелые, мудрые, дальновидные. Однако любое эмпирическое исследование правящих групп в капиталистических странах с легкостью опровергнет такое утверждение, ибо покажет, что это, как правило, циничные, корыстолюбивые, коррумпированные, не брезгающие никакими средствами лица. Если требования мудрости, добродетельности для элиты — норматив, который начисто опровергается действительностью, тогда — пусть нас простят за каламбур — какова ценность ценностного подхода? Элитарист консервативной ориентации прокламирует в качестве своего идеала совмещение этого норматива с действительностью и, как следствие этого, соединение формального и неформального авторитетов. На деле же этот идеал есть с самого начала фикция, ибо добродетельных, мудрых он почти всегда ищет в представителях господствующего класса. К тому же стабильность социальной системы — действительный идеал консерваторов — требует преемственности элиты, главным образом перехода элитарных позиций от отцов к детям с минимальными возможностями доступа к ним «аутсайдеров».

Стремление элитаристов представить элиту в социально-психологическом плане как людей, превосходящих других по уму, наделенных определенными способностями или моральными качествами, обращается в открытую апологетику. Если подобные суждения можно простить античным мыслителям, то со времен Макиавелли они не могут не звучать наивно*. Это особенно относится к современным исследователям, которые могут достаточно ясно видеть, сколь аморально большинство представителей капиталистической элиты. Логично задать подобного рода социологам вопрос: почему среди правящей верхушки капиталистического мира процент выходцев из имущих классов во много раз превосходит выходцев из неимущих? Неужели

* Напомним, что прусский король Фридрих II написал сочинение «Антимакиавелли», в котором он, ратуя за высокие моральные качества правителей, прочитал нотацию Макиавелли. Однако жизненный путь самого Фридриха II как нельзя лучше подтвердил правоту наблюдений Макиавелли о циничных, беспринципных, аморальных государях (см. подробнее Проблемы культуры итальянского возрождения. Л., 1979, с. 106—111).

именно среди меньшинства общества — богатейших людей, владельцев средств производства — и следует искать самых достойных, мудрых, способных? Права С. Келлер, которая пишет, что подобные взгляды «близки к мистицизму». Для того чтобы считать, что именно представители эксплуататорского меньшинства являются наиболее достойными представителями общества, нужно либо впасть в мистицизм, либо допустить, что классовая ограниченность порой перерастает в полное классовое ослепление.

Сторонники «морализаторского» подхода к определению элиты — Билен-Миллерон и др. различают «хорошую» и «плохую» элиту. «Морализаторы» испытывают определенные неудобства от того, что правящая верхушка капиталистических стран разительно отличается от рисуемого ими идеализированного портрета «благородной элиты». Буржуазные социологи П. Сорокин и У. Ланден, сами не вполне свободные от подобного «морализаторского» подхода, исследуя элиты «индустриального общества», не случайно сделали вывод об «аморальности верхов»¹¹.

Таким образом, аксиологический подход к проблеме (элита — совокупность индивидов, обладающих преимуществами по определенной ценностной шкале) оказывается уязвимым; сами элитаристы вынуждены признать, что часто это ценности с отрицательным знаком. Поэтому ныне большая часть элитаристов рассматривает элиту как группу лиц, стоящих у власти, безотносительно к моральным качествам самих этих лиц. Таков, в частности, подход «макиавеллиевской» школы элитаристов, отождествляющих вслед за Москвой элиту с правящим классом. Но вместо того, чтобы проанализировать, как экономически господствующий класс становится политически господствующим, они рассматривают политические отношения в качестве первичных, определяющих все другие отношения. В результате причина и следствие меняются у них местами. Отметим также, что ряд элитаристов (Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев, Т. Адорно) в противоположность трактовке элиты как группы, находящейся у власти (это в их представлении обычно «псевдоэлита» или «вульгарная элита» — несамостоятельная, нуждающаяся в массе и поэтому подверженная массовым влияниям), считает элиту ценностью в себе безотносительно к ее позициям власти. Более того, по их мнению, подлинная духовная элита стремится отгородиться от масс, обособиться, уйти в своего рода «башню из слоновой кости», чтобы сохранить свои ценности от «омассовления».

Итак, и ценностные, и функциональные интерпретации элитаризма оказываются неадекватными. Признавая это, С. Келлер видит, однако, выход в том, чтобы примирить обе эти концепции, делает достаточно наивное допущение, что соединение двух неистинных концепций может дать одну истинную. Келлер предлагает «анализировать властные функции элиты независимо от того, успешно или безуспешно выполняются эти функции»¹², отвлекаясь от качеств их носителей, то есть по существу воспроизводит в несколько модернизированном виде функциональную трактовку элиты.

Элитаристы функциональной школы, определяя понятие «элита», обычно прежде всего предупреждают против отождествления ее с правящим классом. Хотя теории Парето и Моски были явно направлены против марксизма, функционалисты часто пишут о «следах марксистского влияния» в трудах патриархов элитаризма и призывают «до конца» освободиться от этого «груза». Они не забывают, что Моска, подразумевая элиту, употреблял термин «правлящий класс», а Парето одобрительно отзывался о теории классовой борьбы, разработанной классиками марксизма. Западногерманский социолог К. Клоцбах пишет, что необходимое «очищение» элитаризма предпринял немецкий социолог К. Маннгейм, который «создал более правильную теорию о том, что понятие «элита» не тождественно понятию «правлящий класс»¹³. Отказ от классового подхода, отмечает английский социолог Т. Боттомор, требует отказа от видения социальной структуры «сквозь марксистскую классовую призму» и рассмотрения схемы элита — масса как идеального типа в духе Макса Вебера¹⁴.

По Маннгейму, элита — меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе (он различал политический, интеллектуальный, религиозный и другие типы элит). Он стремился доказать, что система элит стоит как бы над системой классов. Маннгейм утверждал, что развитие «индустриального общества» представляет собой движение от классовой системы к системе элит, от социальной иерархии, базировавшейся на наследственной собственности (что, по его мнению, есть главный признак класса), к иерархии, основанной на собственных достижениях и заслугах (в 70—80-х гг. этими положениями Маннгейма воспользовались теоретики «меритократии»). Таким образом, Маннгейм, превознося верхушку «индустриального общества» как «элику способностей» в противо-

вес «элите крови» и «элите богатства», видел свою задачу в элиминировании классового содержания, которое в скрытой форме еще просматривалось в ряде элитаристских построений, стремился представить элиту чисто функциональной группой, выполняющей необходимые для любого общества обязанности. Однако сам Маннгейм, чувствуя уязвимость своей концепции, делал при этом многочисленные оговорки. Действительно, в условиях антагонистических формаций, когда управление носит явно выраженный классовый характер, попытка выдать элиту за смиренных слуг общества, самоотверженно трудящихся на его благо, выглядит малоубедительной.

Несколько отличается подход к данной проблеме французского элитариста М. Алле. Прежде всего он отмечает, что деление общества на элиту и массу условно, что это — схема, несколько упрощающая действительность. На деле между ними нет резких границ. Эти категории соотносительны: группа людей может быть отнесена к элите только в сравнении с другими, менее способными. Причем элита, как и масса, неоднородна. Алле различает правящую, потенциальную и мнимую элиту. Примыкая в основном к ценностной интерпретации понятия «элита», он рисует следующий механизм «становления элит». Общество делится на максимально достойных в умственном, нравственном и иных отношениях лиц (группа А) и людей со средними качествами и ниже (группа В), А — элита, В — масса. В силу законов генетики происходит дальнейшая дифференциация общества на более и менее способных людей. Подгруппу наиболее способных Алле обозначает соответственно A^1 и B^1 , менее способных — A^2 и B^2 . В группе А складывается ситуация борьбы A^1 — потенциальной элиты с A^2 — элитой де-факто, чье «среднее качество» ниже не только «среднего качества» группы A^1 , но и группы B^1 . Собственно массу представляет здесь лишь группа B^2 , которую Алле вслед за А. Тойнби называет «внешним пролетариатом». Главная опасность для социальной системы исходит от группы B^1 (являющейся элитой в группе В — «мнимой элитой», по Алле), поскольку она — конкурент группы A^1 в борьбе за власть в обществе. Приход к власти «мнимой элиты» сулит «социальные бедствия» и упадок элит. Поэтому для «оптимального развития» социального процесса, делает вывод французский элитарист, исключительно важно обеспечить условия для «прогрессивного выдвижения элит» и периодического превращения потенциальных элит в реальные¹⁵.

Небезынтересно рассмотреть продолжающийся не одно десятилетие спор элитаристов относительно содержания центрального звена их концепций — термина «элита». Poleмика вокруг него велась на ряде международных социологических конгрессов, а также на конгрессах Международной ассоциации политических наук, где неоднократно отмечалась произвольность иррационалистической трактовки элиты (в том числе харизматической), попыток трактовать элиту как группу индивидуумов, обладающих определенными (превосходящими) психологическими характеристиками (Дж. Шумпетер), «комплексом превосходств по уму, характеру, способностям» (Ля Валет). Дихотомическое деление элита — масса настолько поверхностно отражает структуру социально-политических систем, что это были вынуждены признать сами элитаристы, в частности на IV Всемирном социологическом конгрессе. В докладе Ж. Ляво на этом конгрессе содержалось весьма примечательное признание: «Приходится удивляться тому, что социологическое исследование отталкивается от такого неточного, малообъективного и двусмысленного термина, каким является термин «элита». Добавление прилагательного «политическая» не облегчает задачу. Вызывая в представлении гипотетичную общность людей, отличных от масс, термин «элита» имплицитно отсылает нас к многочисленным социальным философиям, стремящимся оправдать и распространить весьма неточную и «морализирующую» авторитарную концепцию социальных различий». Тем не менее после столь уничтожающей критики докладчик призвал не отказываться все же от понятия «правлящая элита», полезного, по его мнению, в качестве исследовательской гипотезы.

«Какова ценность этого мнимо научного понятия,— задал вопрос другой докладчик, Дж. Мейсел.— Следует ли отнести теории элиты к области донаучных? Или же их следует рассматривать исключительно в терминах сорелевского мифа?» Признавая консервативную ориентацию большинства элитаристов, он заметил, что «понятие элита поистине ниспослано самим богом всем тем, кто жаждет вступить в бой против демократии и социализма, этих утопий-близнецов». Дж. Кетлин в своем выступлении заметил, что «термин носит оценочный, а не научный характер».

Собственно, подавляющее большинство выступавших указывало на неопределенность термина «элита», но опять-таки не для того, чтобы от него отказаться, а чтобы

его «уточнить». Дж. Сартори попытался уточнить дефиницию следующим образом: «В широком смысле «элита» — высшее начальство, то есть все занимающие высокое положение и призванные к лидерству. Элита — синоним политической элиты. Ни одно понятие лучше, чем это, не подходит для определения правящего класса». Ю. Пеннати выразил согласие сразу с двумя дефинициями: Монзела (элита—«малая группа, которая в большей социальной группе признается способной к управлению и лидерству, которая обладает средствами внешней власти и утверждается в результате определенного выбора или общественной оценки») и Стеммера (элита —«квалифицированное меньшинство, правящий класс в иерархически организованном обществе»). Упомянувшийся уже Ж. Ляво заявил: «Строго говоря, слово «элита» может пониматься не абсолютно, а лишь относительно; это понятие означает совокупность избранных или выдающихся индивидов определенной социальной группы (например, элита дворянства). Хотя критерии этого отбора продолжают оставаться неопределенными, по-видимому, это высокие качества человека»¹⁶.

Итак, критика термина «элита» выливается всего-навсего в его «уточнения», которые делаются опять-таки либо в ценностном, либо в функциональном плане. Вместе с тем ряд элитаристов решительно отстаивает правомерность употребления термина «элита». Так, французский социолог Л. Воден считает, что «слово элита сохранило весь свой престиж... Элита представляет собой группу, совершенно отличную от других. Ее даже едва ли можно назвать группой. Она ничего общего не имеет с классом. Элита — это качество, воля, мораль. Она выдвигает проблему, которая должна решаться в условиях любых социально-экономических режимов, и будущее человечества зависит от этого решения».

Нетрудно заметить, что проблема соотношения понятий «элита» и «класс» стоит в центре полемики. Это признает и большинство современных западных политологов. Так, англичанин Р. Мартин пишет: «Исторически теории элиты развивались как реакция на марксистскую теорию классов». Хотя при этом он оговаривается, что впоследствии некоторые элитаристы «стали относиться к понятию, класс с большей терпимостью»¹⁷. Еще более откровенны высказывания американских социологов К. Прюита и А. Стоуна. «Элитарные теории находятся в конфликте с марксистской идеей классовой борьбы,— заявляют они.— Если «Мани-

фест Коммунистической партии» провозглашает, что история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитаристов заключается в том, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы элит. Не элиты являются пассивными наблюдателями этой борьбы»¹⁸. Элитаристы, отмечают американские социологи Дж. Корветарис и Б. Добратц, «всеми силами стремятся опровергнуть марксистский тезис о том, что правящий класс — это владельцы средств производства, утверждая, что элита — продукт чисто политических отношений»¹⁹. Новозеландский социолог С. Х. Нг полагает, что элиту следует определять «исключительно в терминах власти»²⁰, отвлекаясь от экономических отношений.

Возникает естественный вопрос: если понятие «элита», даже по признанию буржуазных социологов, малообъективно (Ляво), донаучно (Мейсел), если термин «элита» отягощен своей этимологией, заставляющей имплицитно предполагать наличие «лучших», «избранных» людей, которыми обычно и объявляются власть имущие, то не лучше ли совсем отказаться от этого термина? Ведь если элита трактуется как бесклассовое понятие, как альтернатива классовой дифференциации, то этот термин ненаучен и направлен на апологию эксплуататорского меньшинства, на подмену деления общества на большие группы людей в зависимости от отношения к средствам производства дихотомией элита — масса, основанной на различном доступе людей к власти — признаке явно производном, вытекающем из социально-классовой дифференциации, а отнюдь не порождающем ее. Но не будем спешить с выводами. Попробуем подойти к проблеме с другой стороны, а именно выяснить, нельзя ли использовать понятие «элита» не как альтернативу классовой дифференциации, а, напротив, для обозначения ее стороны и момента.

Вполне допустимо, что в определенных целях исследования социолог использует понятие «элита». При этом мы сталкиваемся с двумя случаями: 1) с уровнем исследования, в котором еще не раскрыта классовая структура общества, но уже зафиксировано деление его на «высших» и «низших», власть имущих и угнетенных, правителей и исполнителей (ограничение этими представлениями, свойственными обыденному сознанию, может увести от понимания причин классовой дифференциации); 2) с использованием этого термина в отношении части класса, его верхушки, занимающей господствующие позиции в полити-

ческом управлении. В последнем случае необходимо уточнить это понятие, которое, по собственным признаниям буржуазных социологов, является неопределенным. Эти уточнения необходимы потому, что, во-первых, элитаристы, ссылаясь на этимологию термина, относят к элите «лучших», «избранных»; во-вторых, термин этот используется буржуазной социологией для затушевывания подлинной основы социальной дифференциации (с ним связаны представления о том, что дихотомия элита — масса имманентно присуща социальным структурам); в-третьих, элитаристы, приписывая элите все достижения цивилизации, отрицают или принижают роль народных масс в историческом процессе.

Руководящим принципом исследования понятия «элита» должен быть принцип классового анализа — важнейший методологический принцип марксизма, который требует соотнесения определенного общественного явления с фактом социально-классовой дифференциации. Итак, попытаемся ввести нужный термин с качественно иным, чем у элитаристов, содержанием: вместо того чтобы противопоставлять его феномену классовой дифференциации или подменять последнюю, попытаемся определить его как существенный элемент этой дифференциации. Господствующий эксплуататорский класс не есть нечто недифференцированное, не-расчлененное внутри себя, не есть некая абстрактная целостность; он включает в себя ряд слоев, роль которых в обеспечении власти этого класса различна. Господствующий класс не может осуществлять свое господство *in extenso* — в своей целостности, в своей совокупности. Его интерес как правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию — государственный аппарат, политическую партию. Ту часть господствующего эксплуататорского класса, которая непосредственно осуществляет руководство обществом, держит руку на руле управления, и можно именовать элитой или политической элитой.

В структуре господствующего эксплуататорского класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к частному с учетом уровня активности и степени воздействия его на целое): господствующий класс — политически активная часть класса, его авангард — организация класса — лидеры. К политической элите и можно отнести наиболее влиятельных и политически активных членов эксплуататорского класса, включая слой функционеров политических организаций этого класса, интеллектуалов,

вырабатывающих политическую идеологию класса, лидеров этих организаций, то есть людей, которые непосредственно принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса.

Вряд ли можно сомневаться в том, что при исследовании политического процесса нужен термин, обозначающий эту наиболее активную, организованную часть господствующего класса. Но очевидно и другое: если таким термином будет «элита», то необходим ряд оговорок, чтобы освободить его от того содержания, которое вкладывают в него буржуазные социологи. Ибо содержание это, как уже отмечалось, отягощено многочисленными буржуазными предрассудками, стремлением фетишизировать слой лидеров, окружить их божественным ореолом, объявить самыми умными, достойными, компетентными, наиболее пригодными для руководства обществом людьми, представить этот слой подлинным субъектом исторического процесса в противоположность «нетворческой», «бесплодной» массе.

Выше уже говорилось о неадекватности ценностной интерпретации элиты — в ценностном отношении ее качества могут быть и со знаком минус. Однако и функциональный подход буржуазных социологов, трактующих элиту как бесклассовый слой, оказывается принципиально порочным. Как отмечает чешский социолог М. Нарта, «наиболее оправданным будет понимать под элитой специфические властно-политические группы, которые в условиях классово-антагонистического общества представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса»²¹.

Как видим, понятие «элита» не совпадает по объему с понятием «правлящий класс»: первое оказывается функционально как бы управленческим «исполнительным комитетом» второго²². Эти понятия не совпадают полностью и по содержанию. Отметим при этом, что к управленческой деятельности правящий класс обычно привлекает и наиболее способных представителей других классов и слоев населения, прежде всего слоев, близких правящему классу. Таким образом, в составе элиты могут быть отдельные выходцы из неправящих классов (что отнюдь не означает «внеклассовости» рекрутирования элиты, на чем настаивают многие элитаристы). Подобное положение вдвойне выгодно монополистической буржуазии: во-первых, это обеспечивает ей приток «свежих умов», во-вторых, создает иллюзию большей социальной представительности элиты. В действительности же вошедшие в состав элиты редкие

выходцы из «социальных низов» по существу интегрируются с господствующим классом. Вспомним в этой связи, что о сенате США говорят: там заседают миллионеры — одни из них стали сенаторами, поскольку были миллионерами, другие стали миллионерами, сделавшись сенаторами. Можно сослаться и на то, что в составе американских высших менеджеров имеется небольшой процент выходцев из «низов» (различные авторы называют цифры от 7 до 9%).

Наконец, вопрос о том, следует ли употреблять термин «элита», зависит и от предмета исследования. Если вскрывается сущность антагонистического способа производства, выявляется существо классового господства, то можно обойтись и без этого понятия. Потребность в нем возникает тогда, когда мы переходим к анализу механизма классового господства, внутренней структурализации и дифференциации самого правящего класса. Господствующий класс порожден определенным способом производства материальных благ; правящая же элита — это порождение и элемент политической системы классово-антагонистического общества, то есть системы, обеспечивающей это классовое господство. Известно, что господствующий класс создает механизм реализации своей политической власти. Только в этом случае его господство актуализируется. Важнейшим элементом создания этого механизма и является выделение правящей элиты, которая обладает навыками политического управления, интегрирует господствующий класс, выявляет и реализует его классовый интерес.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Разделение труда... проявляется теперь также и в среде господствующего класса..., так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу...»²³.

Действительно, одно дело — признать, что элита выражает интересы господствующего класса, и совсем другое — отождествить эти категории. Это было бы отождествлением сущности процесса политического господства класса с механизмом его осуществления. Эксплуататорский класс не может обеспечить, хотя бы чисто технически, свое господство путем равномерного распределения функции политического руководства обществом среди всех своих членов; он может осуществить его через деятельность своего политического авангарда, наиболее политически активных его членов, которые непосредственно управляют организацией господствующего класса, прежде всего государственной машиной. Элита выступает представителем господствующего класса при выполнении этим классом функций руководства обществом; она выявляет и актуализирует интересы класса — как глубинные, так и непосредственные — субординирует их; она «формирует» волю класса и непосредственно руководит ее претворением в жизнь.

Таким образом, на вопрос, кто осуществляет власть в классово-антагонистическом обществе, мы можем ответить: господствующий эксплуататорский класс. Когда же нас интересует, как осуществляется эта власть, необходимо выявить механизм политического господства этого класса, одним из важнейших звеньев которого является выделение правящей элиты. Господствующий эксплуататорский класс и элита различаются прежде всего по объему: элита — часть класса. Далее, если класс определяется по своему месту в исторически определенной системе материального производства, по своему отношению к средствам производства, то элита — по отношению к своей роли в политическом руководстве обществом; она объединяет ту часть господствующего класса, которая обладает навыками профессиональной политической деятельности и непосредственно осуществляет государственное управление.

Анализируя пути осуществления правящим эксплуататорским классом различных функций в обществе, можно выделить разные типы элит: политическую, экономическую, культурно-идеологическую. Если господствующим классом капиталистического общества является буржуазия, то экономической элитой современного капиталистического общества выступает монополистическая буржуазия, финансовая олигархия. Идеологи класса, деятели культуры, создающие духовные ценности данного класса, владельцы средств массовых коммуникаций составляют культурную элиту господствующего класса. О содержании понятия «по-

литическая элита» говорилось выше. Заметим только, что политическая элита — это и есть элита в узком смысле слова (когда речь идет об элите как таковой, без определений «культурная», «экономическая» и т. д., как правило, имеется в виду именно политическая элита).

Итак, в антагонистическом обществе класс, обладающий собственностью на основные средства производства, является господствующим классом. В условиях капиталистического способа производства это — класс буржуазии. Каждый член этого класса живет за счет присвоения прибавочной стоимости, создаваемой рабочим классом. Но далеко не каждый член правящего класса непосредственно занимается политическим управлением: не каждый хочет этим заниматься и не каждый из тех, кто хочет, может это делать. В правящем классе можно различить политически активную и политически пассивную части, роли которых в жизни общества различны. Правящий класс реализует свое господство в обществе, создавая организации. Для политического управления обществом, /для подавления эксплуатируемого большинства господствующий класс формирует государственную машину; он создает также политические партии и другие организации своего класса, формирует слой функционеров, лидеров, осуществляющих политическое руководство. Политическая власть гарантирует привилегированное положение господствующего эксплуататорского меньшинства, его контроль над средствами производства. Наконец, для укрепления и стабилизации своей власти господствующему классу нужна идеология, оправдывающая его господство. И опять-таки не весь класс участвует в выработке этой идеологии, как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, а только его часть, которая и получает наименование идеологической и культурной элиты.

Таким образом, отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Как отмечалось выше, элита выражает волю господствующего класса, причем эту волю нужно, во-первых, выявить и, во-вторых, реализовать. Осуществляя эти функции, элита не только играет особую роль в политической жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу. Для удержания своей власти правящий класс должен представить свой классовый интерес как интерес всего общества. Выдвигаемая им элита обретает определенную автономию по отношению к этому классу и обычно воспринимается как проводник не узкоклассового, а «всеобщего» интереса. Это, разумеется, не отменяет клас-

совой природы элиты, но в известной мере маскирует ее, что используется буржуазными социологами как основание для утверждений о «бесклассовости» элиты.

Чтобы понять подлинную роль элиты в осуществлении господства в обществе правящего класса, важно соотнести и субординировать интересы этого класса в целом с интересами отдельных его членов, интересами отдельных слоев и групп этого класса, в частности специфическими интересами элиты. Важно, наконец, субординировать глубинные интересы правящего класса (связанные с поддержанием системы, которая обеспечивает его господство) и непосредственные, связанные с увеличением его доли в распределении общественного богатства, с повышением степени эксплуатации трудящихся. Непосредственный интерес отдельного члена господствующего класса может противоречить интересам других его членов — его конкурентов. Это относится в первую очередь к интересам различных, особенно конкурирующих друг с другом, группировок господствующего класса, например военно-промышленного комплекса и слоев, связанных преимущественно с выпуском мирной продукции. Кто же реально осуществляет интеграцию и субординацию всех этих различных интересов и целей? В этом и состоят функции правящей элиты. Выделение политической элиты как бы актуализирует господство определенного эксплуататорского класса.

Как отмечает польский социолог В. Весоловский, элита капиталистического общества интегрирует многообразные интересы господствующего класса — экономические, политические, культурные, — обеспечивает необходимые связи между бизнесом, политиками, военной верхушкой, владельцами средств массовых коммуникаций²⁴. В иерархии этих интересов примат принадлежит отношениям собственности на средства производства, которые фактически и делают данный класс господствующим и кровно заинтересованным в сохранении социальной стабильности.

Существование этой элиты способствует обеспечению стабильности господства монополистической буржуазии на определенном историческом этапе, независимо от того, какая из буржуазных политических партий находится у власти. Как пишут Т. Дай и другие американские социологи, власть в США «структурна», то есть не зависит от персональных изменений; она прочно удерживается в руках элиты, которая в этом «демократическом» обществе оказывается фактически несменяемой. Известно, что внутривнутриполитическая и внешнеполитическая стратегия Соединенных

Штатов формируется не тем или иным президентом, но той анонимной силой, которая представлена подлинной элитой, выражающей интересы монополистической буржуазии, прежде всего той ее части, каковой является военно-промышленный комплекс, интересы которого могут вступать в противоречие с интересами других составных частей класса буржуазии.

Выше уже отмечалось, что властвующая элита, конечно, не только не противостоит своему классу, но, напротив, обеспечивает его господство. Однако это не исключает относительной самостоятельности элиты по отношению к классу в целом. Известно, что в статье «18 брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс показал большую степень самостоятельности государственной власти, особенно в условиях определенного равновесия классовых сил. Значительная доля этой самостоятельности существует и при отсутствии такого равновесия. В. И. Ленин подчеркивал вместе с тем, что относительная самостоятельность государственной власти может создавать иллюзию того, что она стоит как бы над обществом (отсюда и иллюзия надклассовости элиты, хотя она выражает совокупный интерес правящего класса, в частности класса буржуазии, куда лучше, чем это делал бы непосредственно тот или иной капиталист).

Относительная самостоятельность элиты по отношению к господствующему классу связана со сложностью, а порой и противоречивостью интересов элементов этого класса. У элиты есть возможность не только лавировать между интересами отдельных групп и слоев правящего класса, но порой даже принимать решения, против которых выступает большинство представителей этого класса (так, «новый курс» Ф. Д. Рузвельта встретил сопротивление большинства капиталистов, не сразу осознавших свой собственный глубинный интерес, защите которого и служит государственное регулирование экономики. История показала, что рузвельтовская администрация лучше поняла насущные потребности господствующего класса, чем подавляющее большинство его членов).

Капиталист заботится прежде всего о своей собственной, причем непосредственной выгоде; ему близки слова бывшего президента «Дженерал моторс» и бывшего министра обороны США Ч. Вильсона: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для страны» (сам Вильсон, впрочем, упорно отказывался от этих слов). Для капиталиста, например, важно понизить или хотя бы не увеличивать зарплату рабочим, а уже дело государства — обеспечить

спокойствие в стране и условия для беспрепятственной эксплуатации трудящихся масс. Но правящая элита понимает, что последнее часто оказывается невозможным без определенных уступок рабочему классу, мелкобуржуазным и иным слоям населения, и осуществляет частичные реформы с целью ослабить социальную напряженность в стране. И это в конечном счете служит интересам господствующего класса. Причем элита стремится создать впечатление, будто она, принимая «компромиссные» решения, «равно заботится» обо всем обществе, обо всех классах и слоях. Буржуазная же социология выполняет определенную идеологическую функцию, помогая правящей элите замаскировать ее связь с господствующим эксплуататорским классом.

Вопрос, являющийся в значительной мере дискуссионным, заключается в том, можно ли элиминировать проблему элитологии, свести ее к проблематике классов и классовой борьбы или же в ней имеется специфическое содержание, несводимое к последней. Второй подход представляется более справедливым, хотя вопрос о роли элиты в общественно-политическом процессе следует рассматривать только как часть проблемы классов и классовой борьбы.

Подведем некоторые итоги. За исключением Г. Моски и его последователей из «макиавеллиевской» школы, отождествляющих элиту и правящий класс и апологетизирующих его, подходом, наиболее типичным для буржуазной социологии, является рассмотрение правящей элиты в отрыве от классовой структуры общества и, более того, противопоставление дихотомии элита — масса марксистскому учению о классах и классовой борьбе. При этом нарочито затемняется связь элиты с отношениями собственности на средства производства: элитой объявляются либо «лучшие», «наиболее способные» члены общества, либо лица, обладающие формальными или реальными позициями власти («ценностная» и «структурно-функциональная» концепции элиты). В целом в современной буржуазной социологии преобладает понимание элиты как группы людей в определенном обществе, принимающих политические решения. Но при этом не устанавливается (или сознательно замалчивается) связь этих решений с классовой структурой общества, с интересами господствующих классов, с сущностью социально-политической системы, то есть игнорируется как раз главное, что определяет сущность и направленность принимаемых решений.

Коренное отличие марксистского и буржуазного подходов к указанной проблеме состоит в том, что буржуазная

социология стремится выхолостить из нее классовое содержание, представить ее как «вечную» проблему социального управления, не связанную с классами, а элиту — как имманентный элемент социальной жизни, как представителя всего общества. Такой подход является внеклассовым, неисторическим, ибо в нем классовая дифференциация общества подменяется дихотомической схемой элита — масса. Напротив, марксизм выявляет классовую сущность элиты как представителя господствующего эксплуататорского класса, выразителя его воли.

Отсюда и принципиально различные подходы к вопросу о сущности политики как общественного явления: с точки зрения элитаристов политика — продукт элиты, ее функция, причем функция социально необходимая, выражающая интересы всего общества; с марксистской точки зрения политика есть прежде всего отношение между классами (а также государствами, нациями). Государственное управление осуществляется всегда правящим классом; непосредственным исполнителем воли этого класса в эксплуататорском обществе и выступает правящая элита, которая, выражая его интересы, решает и свои специфические проблемы как слоя внутри этого класса.

Однако, справедливо критикуя неисторический, неклассовый подход к интерпретации роли элиты в обществе, ряд марксистских социологов, включая автора данной книги, на этом основании в прошлом вообще отрицали необходимость понятия «элита» для анализа социально-политической структуры общества. Вскрывая фундаментальную ошибку элитаристов — отрицание классовой дифференциации общества и классовой борьбы или, во всяком случае, непонимание ими связи элиты с экономически господствующим классом, некоторые социологи на этом основании говорили о ложности и надуманности всей проблематики элитологии. Однако в последнем случае по существу был воспринят тезис элитаристов о том, что понятие «элита» альтернативно теории классов и классовой борьбы. В действительности же, как мы видели, возможно совмещение понятия «элита» с марксистской теорией классов. Поскольку анализ антагонистических политических систем не исчерпывается выявлением того, какой класс, оказывается господствующим в данном обществе, а требует дальнейшей конкретизации властных отношений, понятие «элита» может служить делу уточнения и углубления такого анализа.

ГЛАВА III

ЭЛИТАРИЗМ: ПОСТУЛАТЫ, АРГУМЕНТЫ И ПСЕВДОАРГУМЕНТЫ

Всем элитаристам, несмотря на различия в способах аргументации, присущи определенные общие черты — явно выраженная антимарксистская направленность их теорий, стремление трактовать социальную дифференциацию с позиций не классов и классовой борьбы, но «континуума власть — подчинение», отрицание исторического прогресса (история рассматривается как совокупность социальных циклов, характеризующихся господством определенных типов элит), отрицание концепции народного суверенитета как «утопического мифа романтиков». Фундаментом социальной жизни открыто признается неравенство, служащее основой для выделения элиты.

Обычная схема рассуждений элитаристов выглядит следующим образом. Люди не могут жить в изоляции друг от друга, они кооперируются; всякая же кооперация нуждается в управлении, следовательно, в людях, осуществляющих это управление; они и именуются элитой. Последняя всегда — меньшинство общества, поскольку управляющая система должна быть на порядок или на несколько порядков меньше управляемой, ибо иначе эта система теряет смысл. Как и в любых других буржуазных социальных теориях, тут определенные реальные основания смешаны с фальсификациями, в целом же концепция носит характер апологии социального неравенства. Верно, что люди вступают в кооперацию, верно и то, что подобная кооперированная деятельность нуждается в управлении. Но отделим эти бесспорные положения от подтасовок. А для этого зададим элитаристам несколько вопросов. Почему социальное управление должно быть прерогативой меньшинства общества? Почему управляющее меньшинство должно быть при-

вилегированным меньшинством? Наконец, почему управление должно принимать с необходимостью политический характер?

Поскольку политика — это отношения между классами, государствами, можно сделать вывод о том, что управление носит классовый, политический характер лишь на определенном этапе человеческой истории, связанном с расколом общества на классы; следовательно, политическое управление — не всеобщая характеристика социальных отношений, а особенная характеристика, относящаяся к определенному историческому периоду. Однако элитаристские построения не дают адекватной интерпретации и этого периода человеческой истории, ибо они не раскрывают, а, напротив, нарочито маскируют основные вопросы, относящиеся к управлению в классово-дифференцированных структурах: в интересах какого класса осуществляется управление? Интересы какого класса представляет правящая элита?

Как правило, элитаристы исходят из того, что политические отношения, политическая власть являются основой и предпосылкой всех социальных отношений. Необходимая для общества функция управления не может осуществляться всем обществом, она «неизбежно, хотя бы по соображениям чисто техническим» (Р. Михельс), выполняется квалифицированным меньшинством, то есть элитой. Выполняя свои руководящие функции, элита не может не заботиться прежде всего о том, чтобы утвердить себя как господствующее меньшинство, обеспечить постоянство своей власти. Ибо принадлежность к «избранному меньшинству» дает возможность обладания рядом привилегий — имущественных, престижных и т. д. Вполне естественно, что для обладания этими привилегиями она консолидируется в более или менее компактную группу. Как замечает западногерманский элитарист Л. Фройнд, общая боязнь потери власти, престижа приковывает членов привилегированной группы друг к другу. Элита закрепляет за собой определенный статус, вырабатывает нормы поведения для своих членов и противостоит попыткам непривилегированных проникнуть в ее ряды.

Главным орудием, при помощи которого элита достигает своих целей, является государство. Все ключевые посты в государственных органах занимают ее представители. Не случайно Моска именовал элиту «государственным классом». Исходный пункт элитаризма, таким образом, — абсолютизация политических отношений. Он базируется на том, отмечает американский марксист Р. Баркли, что политическая власть — «основной ингредиент социальных отноше-

ний, и поэтому классы определяются с точки зрения их власти относительно друг друга»¹. Как утверждает канадский элитарист Дж. Портер, политическая власть является предварительным условием любой социальной организации. Общественная система требует индивидов, которые берут на себя ответственность за координацию и управление активностью группы. Поэтому деление общества на элиту — носительницу функции управления и массу исполнителей объявляется первым и основным условием цивилизованного общества, а его отсутствие означает «анархию», «общую неустойчивость» и «болезнь социальной системы». Дифференциация общества, считают элитаристы, углубляется по мере его развития, достигая своего апогея в «индустриальной» цивилизации.

Все общественные отношения, включая отношения собственности, элитаристы рассматривают в качестве производных от политических. Как отмечает Р. Баркли, они «игнорируют социальную и экономическую основу классового деления... Они смешивают понятие власти как способности отдельного человека или группы координировать деятельность более широкой группы в направлении общепризнанных целей и власти как способности путем принуждения навязывать более широкой группе цели, соответствующие системе, ценностей правящих... Поэтому элитаризм сваливает все социально-политические системы и все типы социальных организаций в одну кучу»². Для элитаристов та или иная группа обладает политической властью не потому, что владеет средствами производства или выражает интересы собственников; для них имущественные привилегии есть следствие обладания политической властью. Таким образом, элитаристы коренным образом извращают соотношение экономики и политики. Они разделяют взгляд, характерный для домарксистских социологов, которые за политической борьбой партий, лидеров не могли разглядеть борьбу классов и лежащие в ее основе экономические интересы. Т. Боттомор вскрывает фундаментальный порок элитаризма: «Концепция правящей элиты... избегает трудности показа того, как определенный класс, занимающий определенное экономическое положение, на деле господствует во всех сферах социальной жизни; но достигается это только ценой отказа от всяких попыток объяснения явлений, на которые она ссылается»³.

Порой тезис о примате политических отношений в жизни общества оспаривается, правда, довольно робко и ограниченно, в буржуазной политической науке. При этом «об-

стрелу» подвергается и предварительно фальсифицированное учение марксизма. Так, Л. Филд и Дж. Хайли пишут о двух главных парадигмах, по которым строится большинство современных политологических теорий. Это «элитистская парадигма», абсолютизирующая политику и выводящая из нее все другие социальные отношения, и «марксистская парадигма», якобы абсолютизирующая экономику и отказывающая политике в относительной автономии. Совершенно верно подмечая слабость и односторонность элитаристской позиции, авторы превратно изображают марксистский подход, делая вывод о том, что «обе парадигмы» в силу категоричности их суждений «не могут превратиться в эффективные теории». Они предлагают «компромиссный вариант», в котором якобы «учтены все стороны», и отмечают, что, поскольку политика, проводимая элитой, нуждается в поддержке неэлиты, она корреспондируется с требованиями последней и детерминирована уровнем социально-экономического развития общества. В целом эта концепция представляет собой новейшую модификацию знакомой нам «теории факторов»⁴.

Без политической власти нет общества, уверяют элитаристы; связывая власть с насилием, они утверждают, что элита не может не опираться на насилие по отношению к массе. Э. Ледерер называет общество без политической власти «марксистским мифом». С. Х. Нг требует признать, что «политика — основа социальной дифференциации» и что в политическом отношении существенна только одна страта — властвующая элита⁵. По Р. Далю, политика — «неизбежный» факт человеческого существования. Идеализация политических отношений — отправная точка всех теоретических построений элитаризма. При этом они опираются на определенный момент действительности, но затем раздувают, извращают его. История всех антагонистических формаций свидетельствует о том, что им присущи отношения господства и подчинения, угнетение меньшинством большинства. Однако эту посылку элитаристы искажают, делая вывод, что господство меньшинства над большинством «вечно», «естественно», вытекает из самой «природы человека». В действительности политика и политическая власть — это исторические категории, содержание которых выражает отношения между классами, прежде всего по поводу руководства обществом. Они существуют тогда и постольку, когда и поскольку существуют классы, то есть на определенном историческом этапе. Конечно, управление, координация усилий, планирование необходимы для нор-

мального функционирования общественного механизма, для обеспечения целостности общества. Но эти функции не всегда имеют политический характер.

Только в антагонистическом обществе власть выступает как отношение господства — подчинения. Для Т. Дая необходимость элиты вытекает из «общей нужды в общественном порядке»⁶. Но это порядок в интересах определенного класса. Класс всегда является субъектом политической власти. Обеспечивая управление классовым обществом, политическая власть приобретает специфическую функцию сохранения господства класса — собственника средств производства, подчинения интересов других классов интересам господствующего класса. Политическая власть в антагонистических формациях требует создания системы органов, отдаленных от населения и противостоящих ему, причем главным методом реализации властных отношений является принуждение.

Элитаристы любят ссылаться на то, что история цивилизации свидетельствует об извечном отстранении народных масс от управления обществом, которое неизменно монополизировалось господствующей верхушкой. Таким образом, отождествляя цивилизацию с антагонистическими формациями, элитаристы утверждают «вечность» социального неравенства, «естественность» господства элиты⁷. Элита свойственна любому обществу — вот лейтмотив писаний элитаристов, обнаруживающий их общую черту — антиисторизм. Так, американский социолог А. Грин пишет: «Киплинг, не будучи социологом, признавал социологический принцип, по которому народные массы — он называл их сынами Марти — во все времена служили высшим классам — сынам Мери. Система различных привилегий установлена везде, независимо от социальной структуры и политической идеологии»⁸. Как видим, элитаристы стремятся представить процесс выделения элиты как нечто имманентно присущее социальной, политической и культурной жизни общества, как атрибут цивилизации. Это — одна из форм демагогии господствующих классов, средство идеологического оправдания эксплуатации большинства меньшинством. Р. Баркли справедливо пишет, что теории элиты * «основы-

* В письме к автору данной книги Р. Реймонд (Баркли — его псевдоним) пишет: «Я полагаю, что эта теория имеет определенную функцию — подменить классовый анализ общества предпосылкой неизбежного деления человечества на элиту и массу. Поэтому ее действительный контекст — антидемократический и антисоциалистический» (Университет Невады, 4 апреля 1967 г.).

ваются на прошлом, чтобы доказать невозможность изменений в будущем», доказать, что «человечество всегда должно быть разделено на управляющий и управляемый классы, что лишь немногие должны управлять, тогда как многие — подчиняться, что подавляющее большинство населения — пассивная толпа, что будущее не может принести ничего, кроме выбора между теми, кто будет нами править»⁹.

Опираясь на то, что история рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций — это история эксплуатации угнетения меньшинством большинства, элитаристы прогнозируют, что так будет и в будущем *. Их аргументация напоминает точку зрения царского министра Маклакова, который после расстрела бастовавших рабочих заявил: «Так было, так будет». Известно, каким горе-пророком оказался этот министр; такая же судьба ждет пророчества элитаристов. Классово-антагонистические формации возникли на определенном этапе развития человечества. Если человечество существует сотни тысячелетий, то антагонистические формации — лишь несколько тысячелетий. Более того, история до сих пор существовавших формаций — лишь предыстория человечества; его подлинная история начинается с преодоления классовых различий, ликвидации эксплуатации человека человеком. Исчезнет и сам элитаризм — порождение эксплуататорского общества, продукт насилия и отчуждения.

Элитаристы искажают историю, механически отождествляя вождей первобытных племен с эксплуататорским меньшинством антагонистических формаций. При первобытнообщинном строе существовало полное равенство всех членов племени по отношению к средствам производства; это обуславливало и отсутствие эксплуатации человека человеком. Общественная власть принадлежала всему населению; дела племени решались при равном участии всех его членов, достигших совершеннолетия. Во главе родов стояли старейшины, вожди, которые избирались непосредственно всеми членами племени из числа наиболее авторитетных, опытных людей и осуществляли свои функции, руководствуясь общими интересами и с согласия всех членов племени; они могли быть смещены в любое время. Их власть была властью самого общества, поэтому они пользовались его ува-

* Американский футуролог Хэйдон прогнозирует, что в XXI веке человечество будет разделено на две части: одна пятая будет занята творческим трудом, остальные четыре пятых будут исполнителями воли первых (см. *Progressive*, 1980, June, p. 34).

жением и поддержкой. Противопоставляя первобытную демократию публичной власти эксплуататорского общества, Ф. Энгельс писал: «Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним»¹⁰.

Первобытное общество наиболее статично; отношения в нем регулируются, главным образом, обычаем; творческие силы первобытного человека неразвиты, личность находится в процессе пробуждения, становления. С возникновением частной собственности, имущественного неравенства возникает социальное разделение труда; определенные стороны жизнедеятельности общества превращаются в исключительные, пожизненно закрепленные за определенными людьми функции. Управленческая деятельность профессионализируется, занятие ею становится привилегией. В условиях антагонистического разделения труда творческая сущность человека реализуется односторонне, противоречиво. Эксплуататорские классы, рассматривая историческое творчество как привилегию, используя аппарат насилия и принуждения, отстраняют подавляющее большинство общества от управления социальными делами, политики, культуры, оставляя на их долю репродуцирующую деятельность, воспроизводящую чуждые их интересам социальные формы, через которые осуществляется их эксплуатация. Большинство обрекается на нетворческое, «массовое» существование, отключается от творческой деятельности, монополизированной элитой эксплуататоров. Определенные виды деятельности, прежде всего социальное управление, закрепляются за отдельными социальными группами, становятся их прерогативой.

Элитаристы извращенно описывают этот процесс: социальное разделение труда, отделение умственного труда от физического, превращение творчества в привилегию элиты, то есть определенный этап исторического развития, связанный с недостаточным развитием производительных сил и представляющий собой предысторию человечества, они рассматривают как общесоциологическую закономерность. С точки зрения элитаристов, это следствие того, что лишь немногие

люди одарены способностью к творческой деятельности, что большинство «бездарно от природы», лишено творческих потенций, тогда как именно социальные условия жизни масс обрекают их на нетворческое, нечеловеческое существование.

Итак, элитарные, теории отталкиваются от двух постулатов: 1) независимо от характера социальной системы каждое общество делится на правящее меньшинство и управляемое большинство; 2) любая социальная система может быть интерпретирована с точки зрения формирования, структуры и конфликтов правящих групп¹¹. Оба эти постулата, базирующиеся на неисторическом подходе к обществу и на отрицании творческой роли народных масс в историческом процессе, не выдерживают критики. Борясь с марксистско-ленинской теорией классов и классовой борьбы, элитаристы игнорируют социально-экономическую основу классового деления общества. В их концепциях стираются различия между общественно-экономическими формациями, между различными эксплуататорскими классами, маскируются действительные причины эксплуатации человека человеком, отвлекается внимание от отношений собственности. Сложную и противоречивую классовую структуру элитаристы подменяют дихотомией элита — масса. Ставя реальные общественные отношения с ног на голову, они доказывают, что «избранные» приобретают лидирующие позиции в силу своих природных качеств, «врожденных способностей занимать привилегированное положение» (Г. Лассуэлл), «стремления к власти» (М. Гинсберг), в силу «божественного озарения», мистических качеств (Л. Фройнд), только не потому, что представляют класс, владеющий средствами производства. Замаскировать подлинную суть эксплуататорских отношений, доказать, что господство элиты законно, необходимо, — вот цель элитаризма. Их назначение — освятить деление общества на правящий и управляемый классы, отношения господства и подчинения.

Не потребность в политической власти ведет к делению общества на классы, а, напротив, классовое деление, обусловленное экономическим строем общества, вызывает к жизни политические отношения, государственную власть. Государство возникает как политическая организация экономически господствующего класса. Оно, как указывал В. И. Ленин, «есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены»¹². В первобытнооб-

щинном строе, как мы видели, отсутствовала политическая власть и насилие одной части общества над другой, не было отношений господства и подчинения. Таким образом, ссылки элитаристов на историю для доказательства «вечности» социального неравенства и «необходимости» для общества элиты оказываются несостоятельными. Тем более лживы теории о неизбежности социального неравенства и элиты в будущем. В коммунистическом обществе — обществе полного социального равенства — не может быть и речи о привилегированной элите.

Таким образом, первый постулат элитаризма оказывается ненаучным. Столь же ложен и второй его постулат — о том, что при анализе политики можно ограничиться описанием формирования, структуры правящих групп и изменений в них. Поскольку элитаристы объявляют политику монополией элиты, сама политическая наука рассматривается ими как обобщение практики элиты, как выработка основных положений, руководствуясь которыми элита может утвердить и обеспечить свое господство. Г. Меджид считает, что политическая философия призвана помочь элите осознать ее исторические задачи. По Бернхэму, смысл политической науки заключается в изучении элиты, ее состава, ее отношения к «толпе»; она рассматривается как наука об условиях прихода элиты к власти, консолидации ее в правящую группу, защиты ее привилегий от посягательств масс.

Нельзя не признать, что в досоциалистических формациях общественной жизнью руководило эксплуататорское меньшинство. Поскольку государство в этих условиях представляло собой организацию эксплуататорского меньшинства для угнетения большинства, поскольку прерогативы управления находились в руках этого меньшинства, последнее оказывало огромное, непропорциональное своей доле в составе населения воздействие на весь ход социального процесса. Управленческие решения принимались правящей элитой без консультации с народом и, как правило, против народа. Марксизму, обосновывающему решающую роль народных масс в социальном процессе, в том числе и в политике, чуждо игнорирование исторической роли эксплуататорских классов; марксизм отличает глубокий научный анализ исторического процесса во всей совокупности его связей и отношений, противоречивых тенденций. В. И. Ленин отмечал, что марксизм смотрит на различные группы людей, участвующих в производстве, как на творцов общественной жизни, раскрывает всю совокупность общественных

отношений, являющихся результатом взаимоотношений между классами, социальными группами, имеющими различные интересы и играющими различные исторические роли¹³.

Что касается воздействия эксплуатируемых классов на историю, то оно осуществлялось, как правило, не непосредственно и не изнутри управленческого органа, а извне, в форме давления на политическую машину господствующего класса. Причем это опосредованное воздействие оказывалось в конечном счете решающим, определяло всю политику господствующего класса, который вынужден приспособлять свою политическую машину к определенному уровню сопротивления народных масс политике эксплуататоров. Уровень этого сопротивления, уровень классовой борьбы народных масс и определяет развитие политических учреждений.

На протяжении истории антагонистических обществ политика, в узком смысле этого слова — как государственное управление, оставалась прерогативой эксплуататорского меньшинства, осуществлялась без народа и против него. В рабовладельческой, феодальной формациях непосредственные производители материальных благ, трудами которых жило все общество, были лишены политических прав. В условиях капиталистической формации господствующий класс тысячами приемов и уловок отстраняет массы от участия в государственных делах и даже от пользования теми ограниченными правами, которые декларируются конституциями капиталистических стран. Все государственные деятели, крупные чиновники принадлежат к господствующему классу или являются его ставленниками.

Однако несмотря на отстранение народных масс от непосредственного участия в управлении государством именно народ творит политическую историю в широком смысле, определяя ее основные этапы, оказывая влияние на ее формы и институты. Ни одно важное событие, имеющее кардинальное значение для судеб истории, не проходит без решающего участия народных масс. Классовая борьба трудящихся против угнетателей и эксплуататоров — движущая сила развития и смены антагонистических формаций; борьба народных масс за свое освобождение составляет основное содержание политической истории. И в так называемые «мирные» периоды развития антагонистических формаций эволюция форм собственности, распределения и обмена, реформы государственных учреждений, правовых установлений совершаются под непосредственным или косвенным влиянием классовой борьбы трудящихся, добивающихся улуч-

шения своего положения, расширения своих прав и свобод. Формы правления, государственного устройства — не результат произвола элиты, но результат ожесточенной борьбы классов. Господствующие классы изменяли государственную структуру в ответ на давление масс; классовая борьба вынуждает эксплуататорские классы идти на уступки. Все политические и социальные завоевания, демократические свободы вырваны у господствующих классов борьбой народных масс.

Даже те из элитаристов, кто признает существование классовых противоречий, обычно интерпретируют их таким образом, что ведущей, активной стороной общественного процесса оказывается эксплуататорский класс и его элита, трудящиеся массы рисуются как «пассивная», обычно «консервативная» сила, скорее как тормоз, чем двигатель общественного прогресса. Марксизм подверг убедительной критике идеалистические представления о массах как «неисторическом» элементе, а о господствующих классах и их верхушке как «активном элементе», от которого исходят импульсы к историческому действию. Так, в условиях капиталистического способа производства именно пролетариат выступает как движущая, *«отрицательная»* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого.., в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»¹¹. Таким образом, классовая борьба трудящихся является движущей силой развития антагонистических формаций.

Вряд ли можно сомневаться в том, что класс, монополизирующий функцию управления обществом, играет в его жизни огромную роль. Будучи в свое время исторически прогрессивным, определенный эксплуататорский класс выполнял важную функцию в историческом процессе, способствуя утверждению нового экономического и политического строя, но затем закономерно превращался в реакционную силу, тормозившую историческое развитие. Борьба народных масс против гнета и эксплуатации обуславливает изменения политической надстройки и, выливаясь в революцию, приводит к ниспровержению этих классов. Нельзя согласиться с утверждением, что в антагонистических формациях народные массы выполняют лишь разрушительную работу, тогда как созидательную роль играет эксплуататорское меньшинство, являющееся «единственным носителем»

новых производственных отношений. Не следует думать, что производственные отношения складываются вне и независимо от классовой борьбы. Производственное отношение не есть нечто непротиворечивое: оба основных класса складывающегося социального строя вносят вклад в формирование производственных отношений, отстаивая свои интересы в рамках этих отношений. Известно, что капиталистические отношения основаны не только на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда, но и на отсутствии собственности владельца средств производства на личность трудящегося. Последняя сторона — отмена собственности на личность трудящегося — исторически отстаивалась именно трудящимися (капиталист заинтересован только в праве увольнять рабочего). Вне борьбы пролетариата невозможно осуществление таких его социальных прав, как признание профсоюзов, сокращение рабочего дня и т. д. Совершенно ненаучна точка зрения, что капиталисты сами даровали рабочим эти права. Закон стоимости рабочей силы реализуется лишь в классовой борьбе рабочих против капиталистов, пытающихся оплачивать рабочую силу дешевле ее стоимости. Итак, становление и развитие социальных отношений можно понять только в единстве с классовой борьбой внутри определенной формации, и в этой борьбе активную, ведущую роль играют народные массы.

Борьба народных масс оказывает решающее влияние на ход исторических событий, определяя тем самым на длительный период направление общественного развития. Революционная борьба масс разрешает коренные противоречия общественно-развития, осуществляет переход к новому социальному строю; в исторически короткие сроки разрешаются противоречия, которые накапливались в течение столетий. Таким образом, теории, редуцирующие политику лишь к действиям «сверху», сводящие ее лишь к изменениям в структуре «верхов» и их внутренним конфликтам, являются глубоко антинаучными и реакционными. Не случайно об их научной ценности порой скептически высказываются даже их сторонники. Один из них, Р. Росс, откровенно признает, что эти теории не могут прогнозировать будущее и вообще «не имеют статуса научной гипотезы».

Способы обоснования элитаризма. Хотя элитаризм присущ буржуазной социологии и, более широко, буржуазной идеологии в целом, представители разных социологических школ и направлений прибегают к различной аргументации. Одни апеллируют к божественным установлениям, другие

ищут аргументы в биологии, третьи — в психологии, четвертые — в технологии современного производства. При этом можно констатировать, что наиболее распространенными являются две интерпретации элитаризма — психологическая, концентрирующая внимание на психической структуре личности и законах массовой психологии, и политико-организаторская, базирующаяся на «искусстве управления», которым якобы в наибольшей степени владеет элита, на «функциональной необходимости» политического, экономического, культурного управления, осуществляемого ею. Многочисленные школы буржуазной социологии и политологии, как правило, сходятся в исходной установке о необходимости деления общества на элиту и массу, но расходятся в понимании причин этого явления, в оценке его следствий для социальной структуры.

Наиболее древние «аргументы», взятые на вооружение элитаристами, — это ссылки на божественные предначертания: элита выполняет «божественную волю», через избранных «бог творит историю». К этим аргументам прибегает прежде всего религиозная социология — томистская, отчасти персоналистская, а также ряд социологов, считающих себя «светскими», которые секуляризировали ряд религиозных установок, попытавшись изложить их языком современной науки, точнее, псевдонауки. Последнее относится прежде всего к «рационализации» термина «харизма» и харизматического управления.

Католическая церковь в лице ее высших иерархов и теоретиков (за исключением левых католиков) неоднократно высказывалась в пользу элитаризма. Так, в энциклике папы Пия X от 18 декабря 1903 г. говорилось: «Человеческое общество, каким его создал Бог, состоит из неодинаковых элементов. Следовательно, то, что существуют государи и подданные, хозяева и пролетарии, соответствует порядку, установленному Богом». Так что элитарная структура выглядит богоугодным и даже боговдохновенным институтом. Однако следует заметить, что в последние годы католическая церковь в своей пропаганде на массы все чаще отказывается от откровенного элитаризма, пытается козырять эгалитарной фразеологией, все шире прибегая к социальной демагогии.

Проповедь элитаризма характерна для неотомистской философии. Один из ее виднейших теоретиков Ж. Маритен утверждал, что, поскольку социальное неравенство имеет «божественное происхождение», необходима элита — «духовный пастырь» для народа. Через нее осуществляется «во-

ля бога», ибо народ «некомпетентен» в «высших тайнах божественного откровения». Ряд неотомистов воспроизводят учение Фомы Аквинского об управлении «посредством принципов» как противоположности «власти толпы». Только подлинная элита управляет, опираясь на «божественный разум», а не на «греховные страсти», которые обуревают массу. Ссылками на «священное писание» неотомисты обосновывают весьма реакционные политические установки.

Одним из центров томистской мысли в США является Вашингтонский католический университет *. Некоторые докторские диссертации, защищенные в этом университете, прямо затрагивают проблему элиты. Сестра М. Хейс пишет о «естественной необходимости власти немногих, которым должны подчиняться многие». Это основано на «естественном превосходстве первых». Дж. Кокс пишет, что только сильная элита может обуздать «революционный иррациональный пролетариат» и обеспечить порядок в обществе. Т. Корбет утверждает, что осуществлять социальное управление призвана элита, «избранные люди большого ума и сильного характера», обладающие образованием, досугом, которых лишены люди массы.

Элитаризм свойствен и персоналистской социологии, связанной с теологией протестантизма. Философ-персоналист Р. Флюэллинг считает элиту «величайшим благом для общества». Вопрос для него заключается только в том, готово ли человечество заплатить элите достаточную цену. Леворадикальный персоналист Э. Мунье не может отказаться от принципа элитаризма, он лишь против элиты «денежного мешка», но за элиту, которая «в основном была бы не буржуазной, а народной»¹⁵.

Религиозная трактовка элиты тесно смыкается с иррационалистической. Западногерманский социолог Л. Фройнд пишет об элите как об «отмеченной особыми свойствами группе», обладающей «своего рода магнетической силой». Эту иррациональную силу он называет «случаем, благословением, чудом». «Человеческое неравенство, — пишет Фройнд, — факт, который едва ли может быть нами объяснен»¹⁶. Как видим, для обоснования элитаризма его сторонники не колеблясь вступают на путь мистики. Они популя-

* В 1978 году автор данной книги провел в этом университете семинар, на котором выяснилось, что ряду его студентов и преподавателей не чужды и более прогрессивные взгляды.

ризируют древнюю мысль идеологов господствующих классов о «таинственности» управления и необходимости для элиты поддержания этой таинственности в глазах управляемых¹⁷. Западногерманский неонацистский теоретик Э. Юнгер утверждает, что «возвышенный мир» элиты — это «высшая метафизическая сфера», доступ к которой открыт лишь избранным. Элита, по Юнгеру, отличается способностью обретать знание «особым образом: молниеносно». Этим «возвышенным натурам» открывается «магическая перспектива».

К иррационалистической трактовке элиты примыкает ее харизматическое обоснование (правда, многие современные сторонники такой интерпретации элиты пытаются рационализировать феномен харизмы, а точнее, сама харизма рассматривается ими как иррациональный феномен, поддающийся рациональной интерпретации). Понятие «харизма» выработано в христианской богословской литературе, это — «благодать божья»; ею наделяются люди, на которых «пал выбор бога» и через действия которых реализуется его воля. В начале XX века немецкий социолог М. Вебер впервые использовал это понятие для интерпретации явления культа личности. «Термин «харизма», — писал он, — будет применяться к определенному качеству индивида, благодаря которому он выделяется из среды обыкновенных людей и считается наделенным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, исключительными способностями и качествами. Они недоступны обыкновенному человеку, рассматриваются как исходящие от божества или образцовые». Не столь важно, полагает Вебер, в чем состоит харизма сама по себе, решающее значение имеет то, как к ней относятся последователи, признают ли они ее. Лидеры и последователи, как правило, «не отдают себе отчета в условности харизмы». Напротив, «харизматики» верят в свое призвание, последователи — в «харизматиков», причем всякое сомнение рассматривается как святотатство.

Харизматический авторитет Вебер противопоставлял авторитетам традиционному и рационально-легальному: последние опираются на традиции или закон; харизматический авторитет носит сугубо личностный характер. Харизматический авторитет, по Веберу, первоначально чуждается какой-либо организации и в чистом виде существует лишь в момент возникновения. Но «чтобы не остаться чисто преходящим явлением, а принять характер постоянного отношения, образующего стабильную группу учеников и после-

дователей», харизматический авторитет должен приспособиться к повседневной жизни, «рутинизироваться», преобразоваться в традиционный или, чаще, в бюрократический. Харизматическая элита со временем преобразуется в рутинную. В предисловии к американскому изданию М. Вебера Т. Парсонс писал: «В процессе рутинизации харизматический элемент отделяется от личности индивидуального лидера и воплощается в объективной институциональной структуре»¹⁸.

Веберовская концепция харизматического авторитета во многом противоречива. Она носит откровенно идеалистический характер. Вебер исходит из психологической трактовки типов авторитета (в их основе лежит вера в законность данной власти), но в дальнейшем рассматривает их как объективные социальные структуры; первичным оказывается не сам тип общественных отношений, а его осознание участниками этих отношений. Историзм в общем чужд теории Вебера: все типы авторитета рассматриваются как принципиально возможные в любых исторических условиях. Правда, Вебер подчеркивает «современность» рационально-легального и архаичность традиционного авторитетов, но это свидетельствует лишь о том, что сама противоположность этих типов попросту воспроизводит обычную для буржуазного сознания дихотомию «традиционного» и «современного» (т. е. капиталистического) общества.

Концепция Вебера пользуется широкой популярностью в современной буржуазной социологии, хотя и модифицируется. Так, Э. Шилз считает, что власть элиты претендует всегда на трансцендентное обоснование и в этом смысле является харизматической. Шилз использует понятие «харизма» для построения идеалистической теории социального конфликта, в которой вместо реальных классовых сил сталкиваются мнения и представления людей. В обществе, утверждает он, идет борьба за реальные блага, но это не борьба классов, а борьба элит за престиж и связанные с ним выгоды¹⁹.

Аргументы «от биологии». С начала XX века распространенным способом обоснования элитаризма являлись ссылки на биологию. В 30—40-е годы биологический подход, оказался скомпрометированным фашистскими проповедниками²⁰ и к середине века утратил свою популярность. Однако в последние годы «биологический элитаризм» в несколько модифицированном виде стремится обрести «второе дыхание» и вновь усиленно рекламируется в капиталистических странах.

Сторонники биологического обоснования элитаризма выдвигают наиболее грубые, циничные «аргументы». Общество якобы всегда было и будет разделенным на элиту и массу вследствие вечных биологических законов, в частности законов генетики. Биология привлекается для придания видимости научности теориям о том, что угнетение трудящихся эксплуататорским меньшинством отвечает «законам природы». Английский социолог С. Дарлингтон считает, что различие между элитой и массой носит генетический характер и определяется в конечном счете «прочным материалом наследственности», причем ход истории определяется «объединенным генофондом» людей с лучшей наследственностью, то есть элитой. Американский социолог Р. Уильямс также полагает, что различия между «творческим меньшинством» и «нетворческим большинством» обусловлены генетически; от рождения предопределено, в элиту или массу попадает человек.

Биологический элитаризм тесно связан с расизмом, который используется в качестве идеологического обоснования угнетения и ограбления империализмом народов Африки, Азии и Латинской Америки. Но это — лишь одна сторона расизма. Зачастую расисты изображают представителей господствующего класса как наиболее ценные в расовом отношении элементы. Двигателем истории они объявляют «цвет расы» — элиту, третируя народные массы как «бесцветных личностей». Смешивая естественноисторические и социальные различия людей, расисты наделяют расу, эту биологическую категорию, несвойственными ей социальными чертами и, напротив, биологизируют такие социальные категории, как класс.

Расистский вариант элитаризма пропагандируют ультраправые организации в США и западноевропейских странах. В одной из американских ультраправых газет «Эттэк!» помещен доклад ее главного редактора У. Пирса под названием «Элитаризм или расизм?», сделанный на митинге членов «Национального альянса» — откровенно расистской организации. Пирс заявляет, что в американских университетах, на страницах научных изданий идет дискуссия по расовым проблемам. Вот какова, по Пирсу, расстановка сил: на одной стороне — «подлинные биологи, антропологи, обосновывающие расовое неравенство»; на другой — «псевдоученые», приверженцы «либеральной догмы» о равенстве людей. «Либеральная ложь» проникла в среду студентов и преподавателей вузов, телевизионных обозревателей и журналистов, а через них — отравляет сознание масс, под

тачивая «расовую чистоту». Пирс оговаривается, что ничего не имеет против негров, чиканос (иммигрантов из стран Латинской Америки) и прочих представителей «низших рас», если те «знают свое место». Но беда в том, что представители этих рас пытаются проникнуть в элиту при пособничестве тех, кто забыл о «чистоте расы».

Пирс критикует сторонников «космополитического элитаризма», всех тех, для кого важен прежде всего социальный статус человека, уровень его интеллекта, его достижений, а не то, какой он расы. Подобные люди — о ужас! — выбрали бы в качестве соседа скорее негра-банкира, чем белого мусорщика. «Космополитический элитаризм» относит к элите выдающихся людей, отвлекаясь от их расовой принадлежности, для него «элита — открытый клуб». Но ведь так, опасается Пирс, в элиту могут попасть евреи или негры. Пирс отнюдь не против элитаризма, это — «естественная и здоровая идея», разумная альтернатива эгалитаризму (недаром, замечает Пирс, коммунисты против элитаризма). Но «подлинная» элита — это элита лилейно-белая, а не «космополитическая».

Корни и пороки «космополитического элитаризма» Пирс видит, во-первых, в индивидуализме, принимающем в расчет только достижения индивидуума, а не его социальную и этническую принадлежность (весьма вольная интерпретация индивидуализма). Во-вторых, в принципе меритократии, который должен применяться только в «расово гомогенном обществе». Для расово гетерогенного общества это — «кратчайшая дорога в ад», ибо ведет к утрате «чистоты расы». Наконец, третий корень «космополитического элитаризма» — рационализм. Утверждение, что главное — уровень интеллекта, независимо от того, имеется ли в виду белый или негр, полагает Пирс, обычная ошибка рационалистов, полагающих, что «ум выше расы» или что «физик не имеет расы». Он заключает: «Мы должны предпочесть белого мусорщика черному нейрохирургу или еврею — профессору психологии. Мы должны, иными словами, быть расистами в большей мере, чем элитаристами»²¹. Элитаризм желателен «после того, как мы разрешим наши расовые проблемы». «Подлинной» элитой оказывается элита расово сегрегированного общества, подобного ЮАР. Таково последнее слово современных расистов.

Справедливости ради заметим, что наряду с белым расизмом существует «черный расизм», или «расизм наоборот», — «теории» негритянской исключительности, восхваляющие негритянскую элиту, доказывающие, что по типу пси-

хической организации негр выше представителей других рас. Существует также сионистский элитаризм, утверждающий «богоизбранность» еврейства. Называя элитой «тех, кто обладает превосходящим талантом к лидерству»²², американский социолог Н. Вейл в книге «Творческие элиты в Америке» пишет о «сильных различиях» в этом таланте у лиц разных национальностей и рас. Он пытается доказать, что состав творческой элиты США не соответствует национальной и расовой структуре страны: одни группы вносят непропорционально большой вклад, другие — малый или нулевой. Исследуя научную, художественную, политическую элиту США, Вейл утверждает, что «выдающимся элементом» интеллектуальной элиты США являются евреи. Как видим, расизм многолик. И любая разновидность его прямо или косвенно связана с элитаризмом.

Еще в конце XIX — начале XX века Ц. Ламброзо, М. Нордау и др. выступили с теориями о биологической природе господствующего класса. В. Ляпуж утверждал генетическую детерминированность элиты, которая формируется из долицефалов (длинноголовых), прежде всего представителей арийской расы, тогда как брахицефалы (короткоголовые) образуют низшие слои общества. Двигателем истории он объявлял «евгенические элементы» нации. А ныне близкие теории развивает профессор Гарвардского университета Р. Хернстайн, утверждающий, что гены представителей элиты более «полноценны», чем гены простого народа. Другой профессор этого же университета, Э. Вильсон, пишет, что «новая наука — социобиология» установила, что все «социобиологические слои» — от насекомого до человека — иерархичны, в них существуют касты, расы, господство немногих. На последних международных генетических конгрессах говорилось о «буме» евгенического движения на Западе, тесно связанного с биологическим обоснованием элитаризма. Евгеника ставит своей задачей «улучшение человеческой породы» путем искусственного отбора, который, по замыслу евгенистов, должен привести к плановому производству элиты. Так, Э. Майр выступает за создание условий для того, чтобы люди с «ценными» генами оставляли как можно больше потомства.

Итак, общим для биологического элитаризма является абсолютизация деления общества на высшие и низшие классы на том основании, что различия между ними носят «генетический характер», что элита — люди, обладающие «более ценным генным капиталом», что «благо человечества» требует селективно-элитарного подхода к воспитанию

людей (разного для элиты и масс). «Социальная биология*» подменяет общественные законы биологическими и поэтому неспособна раскрыть сущность первых. «Биологическая редукция» не выдерживает научной критики. Академик Н. П. Дубинин справедливо отмечает, что «социобиология», механически перенося на человека законы генетики животных, неспособна объяснить феномен человека.

Нет сомнения в том, что генетическая наследственность играет важную роль в жизни человека, но она проявляется как бы в «снятом виде», как подсистема в системе более высокого порядка. Становление индивида осуществляется под определяющим воздействием социальной, а не генетической программы. Человек обретает свою сущность, впитывая в себя социальные отношения, пропуская их через себя, активно участвуя в них; именно в процессе социализации личности развиваются ее человеческие свойства и качества; социальная позиция и поведение личности определяются не генетической программой, но социальными условиями его жизни. Н. П. Дубинин пишет: «Социальное содержание... не записано в генетической программе человека. Мозг обладает безграничными возможностями для восприятия разносторонней социальной программы, обеспечивающей универсальную готовность новорожденного подключаться к общественной форме движения материи». В условиях изменчивой социальной среды мозг обнаруживает пластичность, лабильность. Попытки доказать, что различия нормальных людей по интеллекту зависят от «генов интеллектуальности», ничего не дали. Поэтому закономерен вывод Н. П. Дубинина о том, что «элитизм есть не что иное, как дискриминация путем намеренного развития одних людей за счет других»²³, это классовая позиция идеологов эксплуататорского меньшинства.

Ссылки на биологические законы стали обычными на Западе, ими пользуются не только социологи, но и политики²⁴. Биологический элитаризм прочно перекочевал в научно-фантастическую литературу. Прежде всего следует назвать знаменитую антиутопию английского писателя Э. Хаксли «Бравый новый мир». Люди в ней разделены на касты; низшие касты, исполняющие примитивную работу, даже не нуждаются в принуждении — им на генетическом уровне запрограммировали любовь к рабству. Массы манипулируются элитой при помощи «гипнопедии» (гипнотическое внушение людям мысли о том, что они счастливы, удовлетворены своим положением) и «сомы» — напитка счастья. Хаксли обнаруживает тенденцию движения к «бравому ми-

ру» уже в современном мире. Это — усовершенствованная техника внушения, наука о социальных различиях, которая дает возможность правительственным чиновникам находить для определенного индивида соответствующее ему место в системе социальной и экономической иерархии, наконец, евгеника, направленная на стандартизацию человеческих существ, чтобы облегчить правительственным чиновникам их задачи.

Любопытно описание Хаксли процесса искусственного выведения различных каст людей («процесс Бокановского»). Для этого производится облучение эмбриона рентгеновскими лучами и регулирование продолжительности воздействия кислородом на эмбрион. Чем ниже каста, тем короче воздействие кислорода. В эпсилонах — низшей касте — человеческий интеллект вообще не нужен. Так осуществляется промышленное получение миллионов идентичных близнецов. Это принцип массового производства, примененный в биологии. Важно внушить людям мысль о неизбежности их социальной судьбы, более того, сделать так, чтобы их предназначение им нравилось. Для этого используется «гипнопедия». Представителям каждой касты внушается, что они довольны своим положением и счастливы. Вот образец внушения детям касты бета: «Дети гамма носят одежду цвета хаки. О нет, я не хочу играть с детьми гамма. А эпсилонеры еще хуже, они слишком глупы, не умеют ни читать, ни писать. Я так рада, что я — бета. А дети альфа носят серую одежду. Их работа тяжелее моей, потому что они так пугающе умны. Я искренне рада, что я — бета, потому что я не хочу так тяжело работать. И к тому же мы значительно лучше, чем гамма и дельта, а эпсилонеры еще хуже...» Элитной кастой является альфа. Впрочем, даже не все альфа знают правду о мире и, если знают больше, чем коллеги, не могут делиться с ними — это опасно для системы. «Правда—велика, но еще более великим, с практической точки зрения, является молчание о правде»²⁵. Таков «бравый новый мир», тенденции к которому Хаксли видит в настоящем. Недаром летоисчисление в этом мире ведется со времени пуска Фордом конвейера.

Есть и «ослабленные» варианты антиутопий об элитарном обществе. В романе Ф. Корсака «Бегство Земли» человечество делится на два класса: текнов и триллов. Текны, составлявшие ничтожное меньшинство населения — это ученые, инженеры, исследователи. Это не наследственная каста. Каждый ребенок, в зависимости от его способностей и наклонностей, к 16 годам получал звание текна или

трилла. Считалось, что «тайны науки ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности. Каждые юноша и девушка, отнесенные к текнам, должны были торжественно поклясться, что они никогда никому не откроют научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Зато внутри класса текнов никаких ограничений не существовало...»²⁶. Вариацией на близкую тему является антиутопия Курта Воннегута «Механическое пианино». Город Илиум распадался на две части — грязный поселок для рабочих и роскошные кварталы менеджеров и инженеров. Преодолеть барьер между ними можно было только при условии успешной сдачи экзамена, на котором проверялись умственные способности людей. Удачливые переходили в элиту. Внешне все выглядело демократично: экзамен проводился по шкале «безошибочных показателей», не было никаких социальных перегородок, но экзамены почему-то выдерживали исключительно выходцы из элиты, лишь у них обнаруживались способности стать менеджерами и инженерами... Антиутопии эти интересны тем, что дают наглядное представление о будущем, которое хотели бы подготовить человечеству сторонники биологического и технократического элитаризма.

Аргументы «от психологии». Еще более распространена психологическая интерпретация элитаризма. Ее сторонники подменяют социальные законы психологическими; утверждают, что причины деления людей на элиту и массу лежат в их психологических особенностях; пишут об «извечном» конфликте между «толпой бездарностей» и «творческим меньшинством». Воспроизведя теорию подражания Г. Тарда, американский социолог Л. Бернард и его последователи утверждают, что «масса подражает немногим, добившимся успеха», и что подражание элите — «сердцевина социальной жизни». Дж. Джиттлер пишет о «врожденных психических качествах», определяющих принадлежность индивида к элите или массе. Элиту он определяет как «категорию людей, обладающих определенными привилегиями, обязанностями и властью, которыми они располагают в связи с тем, что им присущи качества, которые рассматриваются как ценности в данную эпоху развития культуры»²⁷. Положение личности в обществе оказывается функцией от ее врожденных свойств, отсюда — психологическая пропасть между элитой (обладающей психическим превосходством) и массой.

Таким путем элитаристы стремятся замаскировать действительные основы экономического и политического нера-

венства в капиталистическом обществе, привить трудящимся психологию неполноценности. Один из тривиальных приемов защиты господства финансовой олигархии состоит в утверждении, что элита образуется из наиболее одаренных, способных людей, пригодных для выполнения функций руководства обществом. М. Гинсберг и длинный ряд других буржуазных социологов обосновывают элитаризм ссылкой на различия индивидуальных способностей людей, на жажду большинства людей иметь лидеров. У этого большинства существует якобы инстинктивная потребность в подчинении, тогда как у меньшинства — врожденная жажда господства. Эти импульсы и определяют принадлежность людей к элите или массе. Итак, деление на элиту и массу соответствует, по Гинсбергу, самой природе человека. Такие аргументы затушевывают сущность эксплуататорских отношений, игнорируют отношения частной собственности как причины социального неравенства. Ибо отнюдь не врожденные психические характеристики, а социально-экономические условия эксплуататорского общества определяют угнетенное положение народных масс и господство меньшинства, владельцев средств производства.

Элитаристы консервативной ориентации обычно объявляют приобретательство основой «человеческой природы». Богатство — доказательство выдающихся способностей человека и одновременно награда за них. Только таким людям можно доверить управление обществом. Бедные же бедны потому, что у них нет способностей, да и условия жизни не способствуют их развитию. Так что следовать за элитой, великодушно согласившейся указывать им путь, — лучше для них самих. Итак, правящий класс, по мнению элитаристов, выделяется в процессе конкурентной борьбы, в которой побеждают наиболее способные, мобильные люди, обладающие наивысшим интеллектом и волей к власти. Такой вывод часто обосновывается математическими выкладками. А. Фриш уверяет, например, что в соответствии со статистическими данными из тысячи индивидов не более десяти способны к творческой деятельности. А. Коулмен построил даже математическую модель распределения богатств, чтобы доказать, что это распределение «склоняется к индивидуумам с высокими способностями» (а точнее, этот автор «склоняется» к апологии капитализма).

Таким образом, способности людей «пропорциональны обладанию собственностью». Поэтому капитализм с присущим ему элитаризмом — «вечный и естественный строй». Элита победила «в честном соперничестве», она наиболее

пригодна для управления обществом. Чтобы оправдать столь вольную конструкцию, буржуазные психологи широко применяют, специально разрабатывают тесты для определения умственных способностей. В результате их произвольного применения легко «доказываются» высокие интеллектуальные качества элиты и «неразвитость» трудящихся.

Во всех этих упражнениях нет ни грана научности. Они лишь раз обнажают социальные функции официальной буржуазной психологии. Бесспорно, люди одарены неодинаково, но отсюда не следует, что одни должны эксплуатировать других, что более способные составляют привилегированный класс. Отмеченное обстоятельство не может играть решающую роль в классовой дифференциации, в определении места класса в исторически определенной системе общественного производства, его отношения к средствам производства. Принадлежность к привилегированной верхушке капиталистического общества определяется отнюдь не умственными способностями, а размерами капитала, социальными связями, происхождением. Глубоко лживо утверждение о том, что буржуазная демократия открывает «равные возможности» для всех. Монополистическая элита в своем подавляющем большинстве — наследственная элита.

Распространенным психологическим «обоснованием» элитаризма является вульгаризаторская интерпретация тестов умственных способностей, определяющих так называемый «коэффициент интеллектуальности» (IQ). Считается, что элита обладает (или должна обладать) наивысшим коэффициентом. Спекуляции на «тестах интеллектуальности» обычно направлены на то, чтобы обосновать право элиты на привилегии на том основании, что ее IQ выше среднего. Однако при этом игнорируется тот факт, что вне элиты оказываются люди с коэффициентом выше, чем средний IQ элиты. Кроме того, в качестве исходного служит произвольный, ненаучный тезис о том, что IQ представляет собой постоянную, генетически обусловленную величину. В действительности это — величина, изменяющаяся на протяжении всей жизни человека; на нее влияют социальные условия, уровень культуры, образования. IQ элиты, если этот показатель действительно выше среднего, есть не нечто данное природой, но результат того, что представители элиты находятся в условиях, более благоприятных для развития интеллектуальных способностей. Утверждение об абсолютной генетической детерминации умственных способностей человека ненаучно; речь может идти лишь о сложном диалектическом взаимодействии природных и социальных фак-

горов в процессе формирования и развития умственных способностей человека при определяющем влиянии социальных факторов. Далее, психологические интерпретаторы элитаризма исходят из неверного тезиса о том, что IQ — единый показатель умственных способностей человека, который включает в себя способность к такой важной стороне умственной деятельности, как управление социальной жизнью. В действительности структура умственных способностей весьма сложна и дифференцирована, особенности личности, способствующие ее успехам, скажем, в области естественных наук, отнюдь не гарантируют ей успехов на поприще управления большими группами людей.

Широко известна американская практика тестирования детей для выявления их IQ, в частности при приеме в школу. Внешне процедура выглядит вполне демократичной, по существу же она отрицательно сказывается на воспитании ребенка, у которого первоначально нашли низкий IQ: на протяжении многих лет учебы к нему относятся как к умственно отсталому, формируя у него определенную Я-концепцию, основанную на представлениях о нем окружающих. Но IQ шестилетнего ребенка зависит от условий его воспитания, прежде всего в семье: если это малокультурная или малообеспеченная семья, его IQ будет заведомо ниже, чем у ребенка из семьи интеллектуалов или богатой семьи, нанимающей гувернеров; однако при предоставлении лучших условий его IQ почти наверняка повысится. Таким образом, применение к детям подобных тестов оборачивается фактическим программированием интеллектуальной отсталости тех, кто находится в неблагоприятных условиях.

Буржуазные психологи в полном соответствии со стереотипами буржуазного обыденного сознания изображают дело таким образом, что люди с высоким IQ добились успехов, стали элитой общества и это естественно и справедливо. Но даже более объективные западные психологи, такие как Дж. Кронбач, американский специалист в области тестирования, заявляют, что это — «иллюзия, результат игнорирования социальных условий»²⁸. Опираясь на подобное тестирование, буржуазные идеологи без особого труда доказывают высокие интеллектуальные способности элиты. Но эти упражнения демонстрируют лишь апологетический характер буржуазной психологической науки.

В сущности, рассматриваемые концепции — всего лишь попытка выразить в биопсихологической терминологии догматы элитаризма. Социальное неравенство объясняется не общественно-экономическими, а «естественными» — биологи-

ческими, психологическими и т. п. — причинами. А если народные массы выступают за изменение строя привилегий и иерархии, то консервативные социологи обвиняют их, как это делает аргентинский академик В. Альзаге, в нежелании знать о «естественном различии способностей». Нетрудно видеть, что спекуляции на IQ — не более чем варианты старого, давно скомпрометировавшего себя мифа теоретиков эксплуататорских классов об «извечности» неравенства людей.

Среди психологических трактовок элитаризма наибольшее распространение получило толкование этой проблемы фрейдизмом. З. Фрейд полагал, что дифференциация общества на элиту и массу выросла из родовых форм авторитета. Он особенно подчеркивал усвоенную с детства потребность человека в защите его отцом, вытекающую из «инфантильной беспомощности» человека. Потребность в авторитете, по Фрейду, живет в «массовом человеке» как выражение «тоски по отцу»; элита и старается использовать эту потребность массы, чтобы вести ее за собой. Авторитарный лидер и авторитарная элита трактуются Фрейдом как «заместитель отца». Механизм принятия массой авторитета описывается Фрейдом следующим образом: ребенок, живший под гнетом отца-тирана, защищает себя, развив механизмы повиновения, становящиеся источником мазохистского удовлетворения. Жизнь взрослого человека продолжает определяться защитными механизмами, сформировавшимися в детстве в результате реакций на отца, выступавшего по отношению к ребенку как социальный агент, часто враждебный. Став взрослым, человек получает удовлетворение, подчиняясь лидеру, элите, становясь конформистом, винтиком бюрократической машины.

Масса и ее психология рассматриваются Фрейдом как «регрессия человека к первобытной орде», а также к детской психологии, «регрессия к более ранней ступени, которую мы привыкли видеть у дикарей и детей». К элите человек массы испытывает амбивалентные чувства — уважения и ненависти, любви и страха, которые ранее пробуждал в нем отец. Власть элиты представляется Фрейду неотвратимой: «Как нельзя отказаться от принуждения, так нельзя отказаться от власти меньшинства над большинством, ибо масса ленива и несознательна, она не любит отказа от инстинктов... Только влияние образцовых индивидов, признанных вождями, заставит ее работать». Фрейд понимал, что угнетение масс элитой чревато опасностью социальных потрясений, которые он трактует как угрозу

человеческой культуре: «Следует ожидать, что угнетенные классы будут испытывать зависть к преимуществам привилегированных... Вполне понятно, что у этих угнетенных развивается интенсивная враждебность против культуры, которую они укрепляют своей работой, но от плодов которой имеют лишь ничтожную долю»²⁹. По Фрейду, в человеке борются два начала — стремление к жизни, выступающее как половой инстинкт (эрос), и стремление к смерти (танатос). Противоречия элиты и массы рассматриваются Фрейдом — и в этом основная слабость его концепции — не как выражение объективного социального конфликта, но как прежде всего конфликт во внутреннем мире человека, его психическая драма.

Проблема элиты занимает важное место в неофрейдизме. Его виднейший представитель Э. Фромм претендует на преодоление слабости Фрейда, прежде всего его пансексуализма. Фромм критикует Фрейда за биологизм, игнорирование социальных факторов, но стремится спасти концепцию Фрейда в целом. По Фромму характеристики человека «не есть неподвижная, биологически данная природа человека, но результат социального процесса». Однако эта верная мысль не проводится Фроммом до конца, и попытки спасти фрейдизм в целом не могут не иметь своим следствием пережитков биологизма в более утонченной, социально-психологической интерпретации общественного развития.

С точки зрения неофрейдистов основными психологическими механизмами, порождающими элитарную социальную структуру, являются психологические механизмы, прежде всего садистско-мазохистские. Фрейд пытался объяснить их как сексуальные явления. Фромм (а еще ранее А. Адлер) попытался дать несексуальную интерпретацию этих механизмов. По Фромму, садистские и мазохистские тенденции обнаруживаются всегда вместе, это — единство противоположностей. Садистские ориентации преобладают в элите, мазохистские — в массе; они и объясняют бегство миллионов людей от свободы к авторитарным диктатурам, готовность их подчиниться властвующей элите и даже получить мазохистское удовлетворение от этого подчинения, которое оказывается тем большим, чем более полным является это подчинение.

Фромм описывает три садистских тенденции, которые и являются основой для элитарных ориентаций личности.

1. Стремление человека сделать других людей зависимыми от себя и господствовать над ними. (Отметим, что,

описывая определенные психологические механизмы, Фромм отвлекается от самого главного, от вопроса о том, откуда у человека подобные стремления, являются ли они природными, генетически закодированными или же они — следствие социальных условий антагонистических обществ, которые и порождают подобные ориентации личности).

2. Стремление, не господствуя абсолютно над другими людьми, использовать и эксплуатировать их. (Вот прекрасная иллюстрация того, что данные ориентации не являются извечными, антропологическими характеристиками человека, как полагает Фромм, но историческими, порожденными особенностями классово-антагонистических формаций).

3. Стремление заставить других людей страдать физически или нравственно. Нетрудно видеть, что ориентации эти глубоко безнравственны и патологичны. Поэтому их носители пытаются оправдаться в собственных глазах и глазах других людей. Вот типичный образчик их объяснений и оправданий, «рационализации» своих стремлений: «Я руковожу, поскольку я знаю, что лучше для интересов руководимых, и поэтому они должны следовать за мной». Или: «Я такой выдающийся и уникальный, что вправе ожидать, что другие люди будут зависеть от меня».

Фромму не откажешь в тонких психологических наблюдениях. Он замечает, что садист — это не просто человек, который сознательно наносит ущерб, мучает, убивает свою жертву. Иной садист по-своему любит жертву, он зависит от нее в известной мере. Жертва нужна ему, чтобы ее эксплуатировать, тиранить, поэтому он заинтересован в том, чтобы она жила и боялась его,— так феодал заинтересован в том, чтобы крепостной имел определенный достаток и чтобы он трепетал перед ним, почитал его. Он часто демонстрирует свою «любовь» к тем, кого угнетает. Он по-своему в самом деле «любит» их. Элита нуждается в массе и «любит» ее, стремится «облагодетельствовать» массу, она «лучше знает», что нужно для ее блага.

Более сложным явлением Фромм называет мазохизм (характерный для масс, подчиняющихся элите). Известно, что у Фрейда мазохизм — проявление «инстинкта смерти». Фромм, объясняя мазохизм, считает, что это — один из защитных механизмов, помогающих человеку избежать изоляции, отчуждения (пусть даже деструктивным путем — подчиняясь авторитарной элите и в какой-то мере разрушая себя) и избавиться от «бремени свободы», от индивидуаль-

ности. В Германии после первой мировой войны деморализованные, разобщенные миллионы людей «вместо того, чтобы стремиться к свободе, стремились к бегству от нее». Подчинившись фашистской элите, они «обрели безопасность» (пусть обманчивую, иллюзорную), единение с другими людьми, разделяющими их чувства. Элита необходима, заключает Фромм, поскольку большинство людей преклоняются перед властью, «не являются независимыми, разумными, объективными, нуждаются в мифах и идолах»³⁰. Эквивалентом садистско-мазохистскому характеру Фромм считает бюрократический характер, почитающий правящую элиту и третирующий низестоящих: «Тех, кто внизу, бюрократический характер презирает; теми, кто наверху, он восхищается и их боится».

Какова же главная слабость Фромма? В «Бегстве от свободы» он описывает определенные социально-психологические механизмы, возникающие в обществе, где есть властвующая элита и угнетенные массы. Но для буржуазной социологии это — «естественные», всегда присущие человеку психологические механизмы. Следовательно, вместо того, чтобы объяснить, как и почему определенные психологические механизмы формируются определенным обществом, буржуазные социологи объясняют социальную структуру изначально присущими человеку психологическими качествами. Таким образом, самому Фромму может быть адресован упрек, который он бросил Фрейду, — упрек в статичности, неисторичности.

Следует отметить, что в одной из своих последних книг — «Анатомия человеческой разрушительности» — Фромм вернулся к этой проблеме и признал сомнительность версии, ставшей штампом буржуазной социологии, — утверждений о том, что социальная иерархия и элита необходимы для любого общества, что они базируются на генетической природе человека. «Анализ истории общества за последние 5—6 тысяч лет эксплуатации большинства правящим меньшинством, — пишет он, — показывает весьма ясно, что психология господства-подчинения представляет собой адаптацию к социальной системе, а не ее причину». Фромм справедливо заметил, что «для апологетов социального порядка, основанного на господстве элиты, очень удобно верить в то, что подобная социальная структура является следствием потребностей человека и, таким образом, естественна и неизбежна. Эгалитарное общество примитивных народов показывает, что это не совсем так»³¹. Как видим, в этой книге Фромм двигался в правильном направ-

лении, в сторону признания принципа историзма при анализе проблемы элиты и социального неравенства.

Помимо Фромма, следует отметить и других реформаторов психоанализа, в частности А. Адлера, который, стремясь преодолеть пансексуализм Фрейда, выдвигает в качестве альтернативы модернизированную ницшеанскую идею о «воле к власти» как сущности человеческого бытия. Причем стремление к власти, ссылки на которое достаточно традиционны для истории философско-политической мысли (Гоббс, Шопенгауэр, Ницше), приобретает у Адлера новый оттенок — это уже не столько иррациональный изначальный импульс, сколько рациональное явление, функция защиты личности, страдающей от своей беспомощности, неполноценности, способ утверждения себя. Человек рождается слабым, беспомощным и, сталкиваясь с социальным окружением, испытывает и остро переживает чувство неполноценности, неуверенности. Чтобы сохранить себя как личность, человек вырабатывает «механизмы компенсации», направленные на преодоление этого чувства. Так, Демосфен—заика от рождения, активизируя компенсационные механизмы, стал величайшим оратором. Стремление пробиться в элиту, управлять другими людьми — это один из путей преодоления комплекса неполноценности, в котором человек обычно не отдает отчета даже самому себе. Слабый индивид стремится компенсировать свою слабость достижением власти над людьми, которая выступает и как «механизм компенсации», и одновременно как цель в себе. Таким образом, чувство неполноценности и стремление к власти, по Адлеру,— те доминанты личности, которые и порождают деление общества на элиту и массу.

Определенное влияние на буржуазную социологию оказали концепции В. Рейха и Э. Эриксона. По Рейху, характер человека формируется в раннем детстве, в кругу семьи с ее нормами и установками. Структура же семьи, прежде всего буржуазной, носит авторитарный характер и этот авторитаризм порождает социальную структуру с властвующей элитой и послушной массой. По Эриксону, участие взрослого человека в общественной жизни, в решении социальных конфликтов есть всего лишь средство решения внутренних конфликтов, коренящихся в особенностях формирования личности в раннем детском возрасте, вылившихся в невротические реакции личности. Объяснение факта проникновения того или иного человека в элиту он, как и все фрейдисты, предлагает искать в психоанализе его

личности, прежде всего в психоаналитической интерпретации его детства³².

Как видим, психосоциологи подменяют вопрос о причинах социального неравенства, существования правящей элиты и бесправных масс вопросом о том, каковы психологические особенности и психологические ориентации людей, которые способствуют их проникновению в элиту. Но почему возникают эти ориентации? Являются ли они генетически закодированными или же следствием особых условий, существующих в классово-дифференцированных структурах, которые и вырабатывают стремление во что бы то ни стало «пробиться наверх», обрести богатство, известность, влияние, овладеть командными позициями? Являются ли они «нормальными» или патологическими? Эти фундаментальные вопросы остаются без ответа в рамках психосоциологии.

Функциональные и технократические обоснования элитаризма. Если биологические и психологические интерпретации элитаризма выливаются в попытки доказать, что вхождение в элиту — следствие особенностей генотипа или же психологических особенностей человека, то наиболее распространенные ныне варианты элитаризма поднимают проблему на надындивидуальный уровень, интерпретируя элиту как функцию социальных отношений, как удовлетворение потребностей общества в управлении. Выше уже отмечалось, что такая потребность действительно существует, но отнюдь не обязательно она должна вести к власти элиты. Элитаристы, ссылаясь на реальную потребность в управлении, гипертрофируют особую форму управления, связанную с узурпацией этой функции господствующим эксплуататорским классом, превращением ее в привилегию для узкого слоя представителей этого класса.

Обосновывая свою позицию, элитаристы обычно отмечают, что социальная организация порождает иерархию и элиту, причем последняя функционирует в интересах общества (выше мы видели, что она функционирует в интересах господствующего класса). Элитаристы исходят из необходимости разделения труда в обществе и утверждают, что оно коррелируется с неравными способностями людей. При этом необходимость разделения труда на определенном этапе человеческой истории «незаметно» превращается у них в необходимость антагонистического разделения труда.

Можно согласиться с американским социологом Ф. Селзником в том, что управление социальной жизнью означает

наибольшую степень вовлеченности человека в деятельность группы. Но Селзник делает неправомерный вывод о том, что те, кто наиболее вовлечен в деятельность группы, и оказываются ее элитой. Характерно, что для примера он берет хорошо знакомую ему корпорацию «Дженерал электрик». Однако уместно задать Селзнику несколько вопросов. Во-первых, почему бы «Дженерал электрик» или любой другой корпорации не обеспечить «вовлеченность» рабочих в управление корпорацией, определение ее политики? Почему эта «вовлеченность» ограничена, как признает последователь Селзника Ч. Пирроу, «немногими наверху»³³? Наконец, почему эти немногие получают огромные привилегии, которые тщательно оберегают? Ответ может быть только один — элита корпораций выражает интересы капитала.

Известно, что еще М. Вебер фиксировал функциональный дуализм «идеальной организации» между управляющими и управляемыми. Власть бюрократической элиты, по Веберу, основана на компетентности. Однако сразу возникает вопрос, который вынуждены задать и сами последователи Вебера (например, Т. Парсонс): не смешивает ли Вебер два типа власти — основанный на технической компетентности и базирующийся на формальном положении в учреждении? Действительно, разве в капиталистической системе не типична фигура высокопоставленного чиновника, менее компетентного, чем некоторые из его подчиненных, которыми он тем не менее управляет в силу своего положения?

По Веберу, бюрократическая элита пришла на смену аристократической. Бюрократическая система основывается на компетенции, это система, где все подчинено интересам организации, а не личности, где человек — лишь функция организации. Власть в ней целиком сосредоточена наверху, исполнители практически бесправны. Для Вебера бюрократия — наиболее рациональная организация. В действительности это предельная рационализация в средствах, которые обесцениваются и превращаются в свою противоположность — иррациональность целей. Бюрократия и бюрократическая элита призваны обеспечить для монополистической буржуазии наиболее эффективное управление эксплуатируемыми массами, создать видимость компетентности, беспристрастности, даже «таинственности» управления, а институтизированные процедуры — впечатление фатальности, неотвратимости. «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить,— писал К. Маркс.—

Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»³⁴. Для бюрократии характерен «взгляд, будто начальство *все лучше знает*»³⁵. Ее мировоззрение наиболее правильно было бы охарактеризовать как «бюрократический фетишизм», в котором основное противоречие капитализма отражается в искаженном виде — как противоречие между рациональной бюрократической организацией (представляемой ее элитой) и иррациональным и поэтому бесперспективным протестом масс.

Современная капиталистическая бюрократия создала весьма совершенный механизм решения вопросов социального управления в интересах господствующего класса; она представляет собой наиболее развитую форму отделения власти от народа. «Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это—бюрократия,— писал В. И. Ленин.— Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует... из самых условий образования и комплектования этого класса...»³⁶.

Наиболее широко распространенная ныне организаторская теория элиты (ее называют также функциональной и технологической) нашла свое выражение в работах Дж. Бернхэма, А. Фриша, К. Боулдинга и др., считающих, что формирование элиты зависит от тех функций, которые в определенную эпоху играют в обществе главенствующую роль. Если, в XIX веке на первый план выдвигалась предпринимательская инициатива, то в XX решающими стали «организаторские способности». Бернхэм писал, что с изменением характера современного производства функция управления стала решающей, сделав тех, кто ее осуществляет, элитой общества.

«Технологический» элитаризм за свою более чем полувековую историю значительно эволюционировал. Первой формой его были технократические теории. Основатель американской технократической школы Т. Веблен считал, что главную роль в современном производстве играет инженерно-техническая интеллигенция, она и должна быть элитой общества. Эти взгляды носили печать мелкобуржуазного утопизма. В период «великой депрессии» 1929—1932 годов перепуганная буржуазия относилась Веблена, Скотта к «розовым», поскольку те носились с идеей заста-

вить капиталистов под угрозой «забастовки инженеров» передать им бразды правления.

Вскоре технологический элитаризм эволюционирует вправо, его сторонники превратились в откровенных трубадуров государственно-монополистического капитализма. Дж. Бернхэм в своем программном произведении — на шумевшей на Западе книге «Менеджерская революция» утверждал, что на смену капитализму придет не социализм, а «менеджеризм». Понимая, что теории вечности капитализма дискредитированы в современную эпоху, он пытался противопоставить социалистической революции «менеджерскую», которая приведет к власти «новый правящий класс» — элиту управляющих. Кто же входит в состав «нового правящего класса»? Если Веблен призывал инженеров и техников оттеснить бизнесменов и взять в свои руки руководство индустрией и социальной жизнью в целом, поскольку они действуют с позиций производственной целесообразности, что совпадает с общественной пользой, то Бернхэм считает неправомерным относить к элите рядовых инженеров и техников, которых он именует просто «квалифицированными исполнителями». К элите менеджеров он относит директоров, председателей советов, президентов крупнейших корпораций, промышленных и финансовых воротил — тех, кто «фактически управляет процессом производства, независимо от юридической и финансовой формы: индивидуальной, корпоративной, правительственной». Прообраз «класса менеджеров» он видит в директоратах американских корпораций «Дженерал моторс», «Ю. С. стил». Ссылаясь на концепцию американских экономистов Берли и Минза о «разделении собственности и контроля», Бернхэм утверждает, что в индустриально развитых странах произошло «отчуждение» функции управления от функции собственности и что первая приобрела решающее значение; руководящей элитой оказываются уже не капиталисты, а управляющие и высшие служащие монополий. Если во времена А. Смита капиталист был одновременно и управляющим своим предприятием, отмечает Бернхэм, то теперь он утрачивает функции управления. При этом Бернхэм проводит сомнительную аналогию с тем, как во Франции короли династии Меровингов утратили контроль над страной, который захватили реально правившие мажордомы. Причем он выдает менеджеров за «новый класс», будто бы *не* связанный с капиталистами, а рекрутируемый из всех классов общества, вбирающий в себя наиболее способных людей и действующий во имя интересов всего общества.

По Бернхэму, «положение, роль и функции менеджеров ни в коей мере не зависят от сохранения капиталистической собственности и экономических отношений капитализма»; они связаны с расширением государственного регулирования экономикой. Государственно-монополистические тенденции, направленные на укрепление капиталистической системы, Бернхэм выдает за подрыв капитализма. «Когда основные средства производства перейдут в собственность или под контроль государства.., переход от капиталистического общества к господству менеджеров будет в основном завершен», — поясняет он. К «новой элите» Бернхэм относит, помимо управляющих промышленными корпорациями, руководителей правительственных учреждений. Он пишет, что в «менеджерском обществе» происходит политизация всех сторон жизни: в капиталистическом обществе политика и экономика — отдельные сферы деятельности, в «менеджерском» это различие исчезает, равно как и граница между политиками и «капитанами индустрии», менеджеры управляют и государством. Капиталисты контролируют государство косвенно, менеджеры же осуществляют прямой контроль над ним. Если в капиталистическом обществе власть сосредоточена в парламенте, то в менеджерском — в административных органах. Бернхэм, таким образом, учитывает характерное явление государственно-монополистического капитализма — подчинение государственного аппарата монополиям, но пытается вывести его за пределы капитализма.

Нетрудно заметить, что идеал общественного устройства Бернхэм видит в государственно-монополистическом капитализме, при котором монополистическая элита бесконтрольно эксплуатирует народные массы. Он цинично признает, что пропагандируемая им социально-политическая система может быть названа «типом корпоративной эксплуатации... Менеджерская группа эксплуатирует остальное общество»³⁷. Менеджерская элита контролирует средства производства и имеет привилегии в распределении продуктов труда, государство оказывается «собственностью менеджеров». Излишне и говорить, что менеджерская революция происходит без участия масс. Бернхэм не скрывает, что «общество управляющих» будет классовым обществом, в котором есть привилегированные и угнетенные, короче — это государственно-монополистический капитализм, основанный на жестокой эксплуатации трудящихся и подкрепленный авторитарным политическим режимом. Совершенно очевидно, что государственно-монопо-

диетические тенденции отнюдь не ведут к ликвидации капитализма, они сохраняют частную собственность на средства производства и с помощью государственной власти ведут к повышению эксплуатации трудящихся. В. И. Ленин называл государственно-монополистический капитализм каторгой для рабочих, раем для капиталистов.

Маскируя государственно-монополистический капитализм под «общество управляющих», Дж. Бернхэм, А. Берли, Д. Элеско, Л. Эппли пытаются отвлечь внимание народных масс от борьбы за обобществление средств производства, представить их освободительное движение как «бессмысленное» и «утопичное», ибо оно направлено против «квалифицированной элиты». Указанные теоретики учитывают одно из противоречий капитализма, заключающееся в том, что владелец капитала зачастую не имеет связи с производством, получает лишь прибыль. Но они пытаются извратить причины и социальные последствия этого явления, утверждая, что оно якобы ведет к исчезновению капиталистической собственности на средства производства, к «власти без собственности» и «собственности без власти». Утверждается, что акционерные предприятия, управляемые наемной администрацией, «вытесняют» капиталистов, «новая элита» занимает их позиции.

Противоречие, на которое обращают внимание теоретики «элиты организаторов», есть лишь следствие основного противоречия капитализма — между возросшими производительными силами и узкими рамками производственных отношений, между общественным характером производства и частным присвоением. Отделение функции управления от собственности вообще свойственно развитому капитализму. К. Маркс писал, что по мере развития капиталистического производства управление капиталом усложняется, становится непосильным капиталисту, который передает «функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников»³⁸. Как отмечал В. И. Ленин, капитализму «свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала»³⁹. В настоящее время функции управления на крупных предприятиях выполняет иерархия служащих. Собственники капитала теряют связь с производством, с непосредственным управлением предприятием, развивается процесс отделения капитала-функции от капитала-собственности, достигающий апогея в условиях государственно-монополистического капитализма. Импе-

риализм — высшая стадия капитализма — характеризуется все большим превращением капиталистов в рантье. Но разве это — свидетельство исчезновения капитализма, как считают теоретики «общества управляющих»? Напротив, в этом факте со всей очевидностью проявляется паразитизм класса капиталистов, превратившихся в тормоз общественного прогресса.

Да, капиталисты давно уже превратились в лишних людей, в помеху на пути развития производства. Но объявлять получение дивидендов единственным правом, которым обладают ныне капиталисты, как это делает Бернхэм, — значит грешить против истины. Наемные управляющие распоряжаются от имени капитала. Совершенно ясно, что капиталист не перестал быть капиталистом оттого, что предприятием управляет наемный административный аппарат. Характер социально-экономических отношений определяется не формой управления, а характером собственности на средства производства. А собственность эта — частная, капиталистическая. Превращение буржуазии в паразитический класс не означает, — что она выпустила власть из своих рук. Владельцы капитала передают менеджерам надзирательные функции на принадлежащих им предприятиях, оставляя за собой верховный контроль. В действительности именно капиталисты, владельцы контрольных пакетов акций, хотя они зачастую и не принимают непосредственного участия в каждодневном управлении предприятием, определяют и направляют его деятельность, так что инженерно-технический персонал оказывается на деле исполнителем воли капиталистов⁴⁰.

Финансовая олигархия не заинтересована в афишировании своей власти. Парадокс заключается в том, что для сохранения действительной власти ей предпочтительнее отрицать факт обладания этой властью. Она старается осуществлять свой контроль по возможности скрытно, оставаясь в тени — тогда, если понадобится, можно направить гнев рабочих против менеджеров. В этом плане теория менеджерской элиты стала находкой для финансовой олигархии. Раз реальная власть — в руках менеджеров, они и должны нести ответственность за экономику и политику. А когда они обнаружат свою непригодность, вызовут возмущение масс, ими можно пожертвовать, чтобы разрядить напряженность. Финансовая олигархия не вмешивается в дела менеджеров, если они удовлетворяют интересам собственников и обеспечивают им дивиденды. В противном случае владельцы капитала распоряжаются судьбой менед-

жеров без всякого почтения — их изгоняют, как провинившихся лакеев.

Для обоснования тезиса об утрате акционерами контроля над собственностью буржуазные экономисты прибегают к софистскому трюку. Сперва обращается внимание на то, что собственность «распыляется» среди тысяч акционеров, причем капиталистами объявляются мелкие держатели акций, хотя владельцы нескольких акций получают в виде дивидендов лишь мизерную прибавку к своим доходам, основанным на других источниках (это обычно служащие, лица свободных профессий и т. д.). Объявив этих людей собственниками акционерных предприятий, буржуазные экономисты затем заявляют, что эти «капиталисты» не оказывают влияния на дела корпораций. Конечно, сотни тысяч мелких акционеров не имеют никаких реальных прав, кроме получения дивидендов. Но ведь все дело в том, что подлинными собственниками являются не они, а миллионеры и миллиардеры, владеющие контрольными пакетами акций и в силу этого определяющие деятельность корпораций, включая назначение нужных людей в советы директоров. Рост паразитизма капиталистов — несомненный факт, но он не отменяет того положения, что подлинным хозяином капиталистической экономики является элита монополистического капитала. Сторонники теории «общества управляющих» маскируют тот факт, что капиталисты стали препятствием на пути общественного развития. И это препятствие будет сметено не элитой менеджеров, этих наемных чиновников капитала, а социалистической революцией, которая осуществится рабочим классом, идущим во главе трудящихся масс.

Утверждение теоретиков «элиты управляющих» о том, что место капиталистов занимает «новый класс менеджеров», не выдерживает критики. Независимые, по их мнению, администраторы и чиновники, не говоря уж об управляющих корпорациями, независимы лишь от народа и весьма зависимы от корпораций. Это отнюдь не борцы против капиталистической собственности, а ее приказчики. Буржуазная политэкономия и статистика нарочито смешивает высших менеджеров, являющихся, по существу, функционирующими капиталистами, со средними и даже низшими функционерами в сфере управления; делается это для того, чтобы изобразить менеджеров членами «салариата» — людьми, получающими зарплату, «новым классом», заботящемся о благе общества.

Концентрация производства усиливает разделение труда

внутри класса капиталистов, ведя к образованию слоев, выполняющих различные функции в процессе эксплуатации трудящихся масс (прежде всего собственников капитала и функционирующих капиталистов). Президенты и директора монополистических объединений и являются, по существу, функционирующими капиталистами. Они получают солидную долю прибылей корпораций в виде дивидендов по своим акциям, огромных окладов, «премий» в виде бесплатных акций или акций по цене ниже рыночной и т. д. То, что буржуазная статистика относит их к категории «наемных служащих», ссылаясь на получение ими зарплаты, — не более чем уловка, ибо эта зарплата является часто лишь второстепенным источником дохода. И вербуются элита менеджеров не из всех классов общества, как хотелось бы представить дело сторонникам «функционального» обоснования элитаризма. Исследования самих буржуазных социологов показывают, что большинство высших менеджеров являются выходцами из семей капиталистов и высокооплачиваемых служащих.

Возникла сложная и огромная бюрократическая машина, управляющая капиталистической собственностью; но. право принадлежать к верхушке этой бюрократии приобретается благодаря частной собственности; полномочия представителя бюрократической верхушки проистекают из частной собственности. Таким образом в политическом, юридическом и экономическом отношениях управленческая элита составляет единое целое с классом капиталистов. Члены этой элиты корпораций — как собственники, так и менеджеры, делают вывод левые лейбористы Артис, Седжвик и др., — «являются слугами частной собственности». Причем верхушка менеджеров, являясь частью монополистической буржуазии, занимает в ее структуре подчиненное положение.

Еще Р. Миллс подсчитал, что в 50-х годах только 8% управляющих американских корпораций были выходцами из «более низких слоев населения». С тех пор положение не изменилось. Как свидетельствует Т. Дай, подавляющее большинство американских менеджеров происходит из «высшего и высшего среднего классов», большинство закончило привилегированные учебные заведения. Узкая группа управляющих крупнейшими монополистическими объединениями — владельцы миллионных состояний, толстых пакетов акций. В 50-х годах воображение обывателя поражала «зарплата» таких менеджеров, как К. Гринуолт («Дюпон де Немюр»), Х. Кэртис («Дженерал моторс»),

Ю. Грейс («Бетлхэм стил»), которая превышала полмиллиона долларов в год. В 70-е годы она превысила уже миллион, а такие «рекордсмены», как Д. Махони («Нортон Симон»), получали около 3 млн. долл.⁴¹

Не вызывает сомнения тот факт, что доходы подобных управляющих состоят большей частью из прибавочной стоимости, созданной рабочим классом. Если кто-то из высших менеджеров и не располагал в начале своей карьеры крупным состоянием (как, например, Р. Макнамара), то в процессе движения по служебной лестнице он превращается в миллионера. Итак, это часть класса капиталистов. И если менеджеры и служат кому-то верой и правдой, то отнюдь не народу, а тем финансовым магнатам, которые предоставили им столь прибыльные посты. Именно поэтому Р. Миллс писал: «Ведущие администраторы и крупнейшие богачи из мира корпораций не представляют собой двух отличных друг от друга и четко обособленных групп. Они весьма основательно переплетаются между собой в мире корпоративной собственности и привилегий»⁴².

Идеологи эксплуататорского класса, составляющего меньшинство общества и сосредоточивающего в своих руках власть, нарочито подчеркивают сложность административного управления, возводя его в некое мистическое искусство, доступное лишь избранным. Ими «по счастливой случайности» оказываются представители господствующих классов. Подобным идеологам ассистируют правые социалисты типа К. Кроссленда, который в свое время писал: «Мы не хотим иметь такой мир, в котором каждый суетился бы, вмещивался везде со своим чувством ответственности и никто мирно не обрабатывал бы свой сад». Как видим, достаточно примитивная философия, хотя и перефразирует Вольтера: рабочие пусть занимаются своим непосредственным делом, не стремясь к управлению социальной жизнью и уповая на то, что квалифицированная элита лучше знает, как управлять. Вопрос о том, что эта элита управляет не в интересах народа, а эксплуататорского класса, тщательно обходится.

Но так ли таинственно искусство управления, что доступно лишь избранным, причем из тех, кто владеет частной собственностью? Народные массы социалистических стран, лишив элиту собственников ее привилегий, доказали воочию, что им по плечу не только руководство современной индустрией, но и развитие ее темпами, невиданными при капитализме. Функцию управления современной промышленностью нельзя рассматривать в отрыве от сущест-

вующих производственных отношений. Эксплуататорская сущность капиталистических производственных отношений определяет и характер управления как «оптимальной» эксплуатации трудящихся. Только апологеты эксплуататорского меньшинства твердят о «врожденных талантах» к управлению у власть имущих. В иных социальных условиях — при социализме — народные массы выдвигают из своей среды руководителей самой современной индустрии, раскрывая в народе яркие организаторские таланты.

Распространеннейший аргумент, к которому прибегают элитаристы, — ссылка на то, что руководство общественной жизнью требует профессиональной подготовки. Народ же «неосведомлен», «плохо образован», «неподготовлен» к такой сложной деятельности. Следовательно, ее надо предоставить профессиональной, «специально подготовленной» управленческой элите. Совершенно ясно, что в классово-антагонистическом обществе «специально подготовленными» к управленческой деятельности оказываются представители господствующих классов. Широкие массы трудящихся ставятся в неравноправные условия, миллионы из них лишены элементарных благ цивилизации. Даже в такой богатой капиталистической стране, как США, более 35 млн. людей живут ниже уровня бедности. В условиях подобной уродливой цивилизации, где миллионы обречены на нужду и невежество, верхушечный слой образованного господствующего класса получает титул элиты.

Американские социологи У. Уорнер и Дж. Эблеген пытаются доказать, что американская элита не является закрытой, что она постоянно пополняется за счет наиболее «мобильных» людей из «нижних слоев». «Королевской дорогой» в элиту они называют «хорошее образование», умалчивая при этом, что образование в капиталистических странах — весьма дорогостояще и, как убедительно показал Р. Миллс, в основном доступно лишь выходцам из зажиточных слоев населения. По данным даже буржуазной статистики, число студентов на тысячу рабочих и трудящихся фермеров в этих странах в несколько десятков раз ниже, чем число студентов на тысячу человек из господствующих классов.

Совершенно очевидно, что принимать активное участие в политическом управлении могут лишь люди, получившие известное общее образование, обладающие определенной культурой. Но какой вывод делают из этого буржуазные идеологи? Что народ не способен к руководству столь сложной политической жизнью общества, что политика —

прерогатива элиты. По-иному решают этот вопрос марксисты. Они ставят своей задачей поднять политический и культурный уровень миллионных народных масс настолько, чтобы они могли активно участвовать в управлении государством. Взяв власть в свои руки, трудящиеся массы во главе с рабочим классом создают условия для всеобщего народного образования, для проведения культурной революции, способствующей превращению широких народных масс в подлинного субъекта исторического творчества. Красноречивое свидетельство этого — опыт СССР, других социалистических стран, в частности революционной Кубы, ставшей первой в Латинской Америке страной, ликвидировавшей неграмотность.

Отметим, что в последние два десятилетия определенным образом меняются акценты в ряде элитарных концепций. Причина этой трансформации — научно-техническая революция и ее социальные последствия, в частности дальнейшая бюрократизация капиталистического общества, ведущая к росту влияния и статуса государственно-монополистической бюрократии. Для обозначения именно этого слоя все чаще применяется термин «новая элита» (менеджеры, верхушка чиновничества и интеллигенции), которая в отличие от «старой» («элиты крови» и «элиты богатства») рассматривается как важнейший агент создания «новых» форм «постиндустриальной» социальной структуры. Много пишется о том, что НТР возносит на гребень власти и влияния эти социальные группы; буржуазные футурологи — Д. Белл, Г. Кан, А. Винер — отводят им в будущем роль важнейших составных частей правящей элиты⁴³.

Все большее число западных социологов отказываются от малоубедительных и легковесных восторгов по поводу «гениальности» высших слоев и ставят проблему элиты в прямую зависимость от бюрократизации капиталистических стран, используя этот термин при анализе «высших страт» в бюрократической системе. «Новая элита», состоящая из должностных лиц «западных правительственных организаций и частного предпринимательства», объявляется продуктом «западных образовательных институтов». Эта элита формирует «свою идеологию (технократический либерализм), свою систему рекрутирования (университеты, элитарные учебные заведения)»⁴⁴. Выработывая свою идеологию, бюрократическая элита исходит из понимания общества как системы бюрократических институтов (Д. Белл, Э. Шилз, С. Липсет), «эффективно» руководимых квалифицированными менеджерами, из того, что НТР разрешила

основные социальные проблемы, а оставшиеся в рамках структурного статус-кво с максимальной эффективностью решает элита бюрократии.

Можно согласиться с Т. Боттомором, который пишет, что концепция «новых элит» прямо направлена против марксистского учения о ведущей роли рабочего класса в революционном переустройстве общества⁴⁵. Вместо учения о всемирно-исторической миссии пролетариата предлагается концепция ведущей роли «новых элит», которые научными средствами улучшают социальную структуру общества, а «бесклассовое» рекрутирование элит приводит к «оптимальному соотношению» между элитами и массами и снимает социальную напряженность.

Такой подход учитывает тот факт, что НТР приводит к росту влияния научно-технической и гуманитарной интеллигенции: монополистическая буржуазия вынуждена обращаться к ней не только по технологическим, но и по политическим, а также социальным вопросам. Вместе с тем односторонняя интерпретация социальных последствий НТР объективно маскирует господство монополистической буржуазии в капиталистическом обществе, служит апологии последнего. Теоретики технократии утверждают, что развитие НТР ведет к установлению власти «интеллектуальной элиты». Однако более осторожные представители этого направления резонно замечают, что интеллектуалы в лучшем случае решают вопрос о способах, а не о целях производства и жизнедеятельности общества. Хотя правящая элита может абсорбировать отдельных представителей верхушки интеллигенции и менеджеров, не они определяют экономику и политику капиталистических стран; они лишь способствуют функционированию государственно-монополистического капитализма. Рассматриваемые концепции призваны скрыть глубокий конфликт между капиталистическим обществом с его мертвящей регламентацией и творческой интеллигенцией, протестующей против системы «тотальной манипуляции» (слова Г. Маркузе), объявить этот протест «бессмысленным, иррациональным» (выражение Р. Арона).

В современных неотехнократических теориях проблема элиты занимает центральное место. У Дж. Гэлбрейта, например, современная технология с неизбежностью порождает элиту, представляющую собой «техноструктуру», образуемую иерархией специалистов во главе с менеджерами. Причем «техноструктура» — это не совокупность личностей, но институт. Не индивид, не отдельный лидер, пишет

Гэлбрейт, «а целый комплекс ученых, инженеров и техников, работников сбыта и рекламы, экспертов, бюрократов, координаторов... становится руководящим разумом деятельности фирмы. Это и есть техноструктура»⁴⁶. Элита анонимна. Смерть или приход нового человека, продолжает Гэлбрейт, не оказывают ни малейшего влияния на «Дженерал моторс» или на «Континентал кэн». Люди, безусловно, чувствуют, что власть перешла к «техноструктуре». Таким образом, «новая элита» — не элита личностей, но корпоративная элита, функциональная по отношению к современной технологии. Менеджеры, представляющие «техно-структуру», выступают у Гэлбрейта как элита новаторов, руководствующаяся не кратковременными интересами получения прибылей, а долговременными интересами увеличения мощи и престижа корпораций, которые «совпадают» с интересами общества в целом. Таким образом, пропагандируется тезис Берли и Минза о том, что на смену элите капиталистов приходит элита специалистов, которая предпочтительнее первой, ибо не обладает своекорыстием,— тезис, который может служить иллюстрацией того, как утопические иллюзии переходят в апологетику.

Гэлбрейт (а также Д. Белл) повторяет знакомую нам идею об «отделении собственности на капитал от функции контроля» как основе власти «техноструктуры»: если на малых предприятиях управляют их собственники, то в корпорациях власть перешла к «техноструктуре», причем «власть техноструктуры абсолютна, а власть собственников, то есть держателей акций, равна нулю»⁴⁷. Выше уже отмечалось, что налицо явная подмена понятий. Власть мелких держателей акций действительно близка к нулю. Но тем больше власть владельцев контрольных пакетов акций. Компетенция «техноструктуры» — текущее управление корпораций, разработка средств, с помощью которых достигаются цели, ставящиеся владельцами контрольных пакетов акций. По Гэлбрейту, «техноструктура» управляет корпорацией в интересах самой «техноструктуры», но ее интересы «корреспондируются с интересами общества». В действительности интересы менеджерской элиты корреспондируются с интересами монополистической буржуазии, которой «техноструктура» исправно служит.

По существу, Гэлбрейт анализирует эволюцию форм частно-капиталистической собственности. На первом этапе капиталист владеет предприятием и управляет им. На втором — усиливается обобществление капитала, которое идет более быстрыми темпами, чем концентрация капитала в

руках отдельных личностей; преобладающей формой становится акционерный капитал. На третьем этапе концентрация производства обгоняет возможности отдельных корпораций, преобладают государственно-монополистические тенденции. В процессе этой эволюции капитал становится все более «анонимным», но это не исчезновение частной собственности на средства производства, а лишь усложнение ее форм.

По Гэлбрейту, власть ныне во все большей степени ассоциируется с доступом к знанию, информации, поэтому центр власти перемещается от элиты владельцев капитала к элите специалистов, носителей знания, «от капитала к организованному знанию». Кредо неотехнократов, как, впрочем, и всех технологических детерминистов, — «элита спасет мир», но только «хорошая», квалифицированная элита. Это — не более чем либеральная утопия, переходящая в концепциях Д. Белла и З. Бжезинского в утопию консервативную.

И Гэлбрейт, и Белл широко пользуются понятием «дефицит». В современных условиях такие факторы производства, как капитал, земля, труд, полагает Гэлбрейт, избыточны, тогда как знания дефицитны; власть переходит к такому фактору производства, который оказывается наиболее дефицитным. Именно с изменением характера «дефицита» — важнейшей проблемой, которая встанет перед человечеством, считает Белл, — произойдет иерархизация элиты по новым критериям. Ссылаясь на объективный процесс возрастания роли ученых и специалистов в условиях НТР, неотехнократы заявляют, что именно они — элита современного общества. И она достойна занимать командные посты в обществе, ибо обладает научными знаниями, профессиональным опытом, умением руководить современными организациями. Эта элита не только более эффективна, но и более справедлива, ибо признает только одну ценность, одну заслугу — знание, это — элита заслуг, «меритократия».

Проблема элиты стоит в центре концепции «постиндустриального общества». Белл называет следующие его черты: переход от производства товаров к экономике обслуживания; господствующее положение «класса» профессиональных и технических специалистов; централизация теоретических знаний как источника новаторства и формулирования политических принципов (осевой принцип); контроль над технологией; создание новой «интеллектуальной технологии». Итак, «осевой» принцип общества — наука, а его

элита — те, кто представляет науку; происходит переход от «общества производящего» («индустриальное общество») к информативному, от эмпирического знания к теоретическому как основному способу «проектирования мира». Отсюда — ведущая роль «интеллектуальной технологии» (особенно таких методов, как линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория игр, ЭВМ, которые дали мощные средства для экспериментов в области социальных отношений). На этом фоне и происходит рост значения научной элиты, которая выходит на авансцену «постиндустриального общества». Она становится интегральной частью правящей элиты, оттесняя элиту собственников. Если ранее доминирующими фигурами были предприниматели, бизнесмены, то на смену им придут ученые — математики, экономисты, специалисты в области вычислительной техники. Господствующими учреждениями этого общества будут интеллектуальные институты, именно там будут ставиться задачи, требующие наиболее ответственных творческих решений, туда будут стекаться наиболее талантливые люди. Руководство обществом перестанет быть уделом бизнесменов и крупных корпораций, как было раньше, а перейдет в ведение исследовательских организаций, промышленных лабораторий, университетов и тех администраторов, которые будут ими управлять.

Впрочем, как бы спохватившись, Белл старается несколько ослабить «слишком экстремистский» вывод о том, что элита ученых будет монопольно управлять обществом. Он оговаривается, что не верит, чтобы технократы или ученые могли добиться такой власти, ибо в «современном обществе» политическая система превалирует над всем. Но, поскольку элита политиков основывает свои решения на рекомендациях экспертов, их мнение все чаще оказывается определяющим. Раз крупнейшие институты «постиндустриального общества» будут носить интеллектуальный характер, производственные и иные решения будут подчинены контролю «интеллектуальных центров общественного влияния». Важнейшие решения будут приниматься элитой политиков, но базироваться они будут на исследованиях элиты интеллектуалов; принятие решений будет носить все более и более технический характер. Возращение талантов и распространение образовательных и интеллектуальных учреждений станет основной заботой общества. Интеллектуальные и научные круги не только будут привлекать наиболее одаренных людей, но в конечном счете они же будут определять и престиж человека, и его положение

в обществе. Интеллектуальная элита рассматривается как одна из правящих элит, хотя «реальная власть находится в руках правительственных элит».

По прогнозам буржуазных футурологов, будущее общество должно быть дифференцированным, стратифицированным: элите противостоит непривилегированное большинство. В одном из прогнозов «Рэнд корпорейшн» элита будущего (верхушка ученых, экспертов) должна держать в подчинении большинство, пользуясь методами психологического манипулирования. Слой интеллектуалов и специалистов также оказывается неоднородным. Белл различает три «класса»: «творческую элиту ученых и высшей профессиональной администрации», «средний класс» — инженеров и других специалистов и «пролетариат умственного труда» — техников, ассистентов, младших сотрудников. В «постиндустриальном обществе», пишет Белл, основным противоречием является не противоречие между рабочим, классом и буржуазией, а между специалистами и «простонародьем». Для последних характерен стихийный протест, иррациональная реакция на роль науки и научно-технической интеллигенции, все более упрочивающей свое доминирующее положение.

Итак, основное противоречие капиталистического общества — между пролетариатом и буржуазией — Белл подменяет противопоставлением пролетариата интеллигенции, большинство из которой также подвергается жестокой эксплуатации со стороны монополистического капитала и все более сближается по своему положению с рабочим классом. Белл стремится принизить роль рабочего класса, который находится в низшей точке его системы социальной стратификации. Он утверждает, что рабочий класс сокращается количественно (при этом он нарочито сужает понятие «рабочий класс», включая в него людей, занятых преимущественно неквалифицированным, тяжелым физическим трудом), и делает вывод о том, что «рабочий вопрос» перестал быть центральным, уступив место противоречию между квалифицированной элитой и неквалифицированной массой. «Решающее разделение в современном обществе пролегает не между теми, кто владеет средствами производства и недифференцированным пролетариатом, — пишет Белл, — оно пролегает по линии бюрократических и властных отношений — между теми, кто обладает властью принимать решения, и теми, кто не обладает ею»⁴⁸. Таким образом, перед нами вариант традиционной элитаристской дихотомии, хотя и имеющей обличье «новейшей» модели

социальной структуры. Классовая направленность и апологетический смысл этой концепции очевидны. Фетишизируя науку и НТР, Белл рассматривает их как ядро новой социальной структуры, способной «растворить» капитализм. Главная цель Белла — подменить социальную революцию научно-технической, якобы способной оживить одряхлевший капиталистический строй. И субъектом социальных преобразований оказываются не народные массы, а элита, выступающая у Белла носителем технического прогресса. Провозглашение «новой элитой» общества верхушки менеджеров и буржуазной интеллигенции присуще многим западным исследованиям последних лет. Возвышение «новой элиты» буржуазные социологи называют важнейшим элементом социальных изменений. Эти положения стали настолько популярными, что перешли из узкосоциологических трактатов на страницы широкой прессы. Журнал «Ю. С. ньюз энд Уорлд рипорт» поместил в 1980 году целую подборку статей, посвященных этой проблеме. Первая из них носит характерный заголовок «Наша новая элита. Лучше или хуже?». «Э. Янг, бывший представитель США в ООН, карикатурист К. Трюдо, губернатор Дж. Браун, бывший государственный секретарь Г. Киссинджер... Что общего у этих людей?» — задает вопрос журнал и отвечает: все они принадлежат к растущему новому «классу профессионалов», «новой элите», власть которой исходит не от собственности на средства производства, а «от манипулирования словами, символами и идеями». Эти люди становятся все более могущественными «в лабиринтах коридоров правительственных учреждений», где эксперты трудятся над различными проблемами, начиная с чистоты воздуха и кончая юношеской преступностью. «Бизнес и промышленность зависят от профессионалов». Журнал, впрочем, признает, что остаются дискуссионными фундаментальные вопросы: являются ли эти люди новым классом? Правят ли они уже нынешней Америкой или будут править ею в ближайшее время? И будет ли это благом для общества? Американский социолог М. Новак, автор одной из статей журнала, изображает появление «новой элиты» как прогресс, как выдвижение на позиции власти одаренных и образованных людей. С приходом их к власти, считает Новак, социальная структура становится более справедливой и демократичной по сравнению с обществом, где господствовала «старая элита», включавшая в себя менее 1% населения. Можно согласиться с тем, что социальные группы, объединяемые буржуазными социологами понятием «новая элита»,

относительно демократичнее, чем элита земельной аристократии или финансовой олигархии. Однако «демократизм» этих слоев не следует переоценивать. Выше уже отмечалось, что большинство членов этих групп — выходцы из состоятельных классов, процент выходцев из мелкой буржуазии низок, а выходцев из рабочего класса и трудящегося крестьянства — ничтожен.

Большинство западных социологов, соглашаясь с тем, что «новой элите» принадлежит всевозрастающая роль в управлении социальной жизнью, оговаривается, что это относится к верхушке интеллектуалов и менеджеров — «элите профессионалов», а не ко всей интеллигенции, численность которой быстро возрастает. Они признают, что среди интеллигенции капиталистических стран растет внутренняя дифференциация, что социальный статус и жизненный уровень широких кругов интеллигенции падает. Констатируя, что в США наблюдается «перепроизводство интеллектуалов», М. Новак отмечает: проникнуть в «новую элиту» удастся лишь тем, кто имеет особые данные — образование, высокий доход и статус⁴⁹.

Американский социолог А. Тоффлер пишет, что социально-политическое развитие капиталистического общества последних лет все более вынуждает западных социологов отказаться от лозунгов правления большинства, характерных для эпохи «индустриализма» (или «второй волны», по его собственной терминологии), и открыто признать, что эпоха «сверхиндустриализма» («третьей волны») — это правление меньшинства. Он пишет, что «третья волна» бросает вызов «привилегиям и прерогативам нынешних элит». Ход истории будет во многом зависеть «от гибкости и ума нынешних элит, субэлит и сверхэлит». Если эти группы «окажутся близорукими и у них будет отсутствовать воображение, как у большинства правящих групп в прошлом, они будут сопротивляться третьей волне и... лишь увеличат риск своего собственного уничтожения»⁵⁰.

Нетрудно видеть, что концепции «новой элиты» — не более чем варианты технократических теорий, разделяющие все пороки последних. Достаточно наивны попытки представить «новую элиту» равно заботящейся о всех классах и слоях общества. Она выполняет функции укрепления капиталистической системы, отражая интересы класса, заинтересованного в сохранении этой системы. Ее «технизированное» сознание ориентировано на то, чтобы представить социально-политические проблемы как чисто технические, решаемые средствами современной науки; она предпочи-

тает уходить от споров о целях и ценностях жизни, перенося центр тяжести на поиски наиболее эффективных средств их достижения. Однако претензии «новой элиты» на политическую и идеологическую «нейтральность» не выдерживают критики. Нельзя осуществлять социальное управление без решения проблемы целей и ценностей, игнорируя противоположные классовые интересы в антагонистическом обществе. Совершенно очевидно, что «новая элита» выражает интересы тех социальных групп, которые и составляют правящий класс современного капиталистического общества, то есть монополистической буржуазии. И технократические, и неотехнократические концепции — не более чем идеологический (хотя внешне и «деидеологизированный») камуфляж установок, функциональных по отношению к государственно- монополистическому капитализму.

ГЛАВА IV

«ИРОНИЯ ДЕМОКРАТИИ»

Антидемократизм элитарных теорий. Элитаризм, в сущности, — теоретическое обоснование антидемократизма. Именно в элитаризме в наиболее концентрированной форме проявляется антинародный характер современной буржуазной идеологии. Элитаристы едины в том, что элита необходима для «нормального» функционирования общества, что она «имеет право» на привилегированное положение, более того, что она должна бдительно охранять свои привилегии от «посягательств» со стороны народных масс. При этом неизбежно возникает вопрос: как согласовать такие утверждения с концепцией демократии? Элитаристы не могут уйти от этого скользкого для них вопроса. Часть из них выступает с критикой демократии справа, обосновывая необходимость «сильной власти», авторитарной элиты. Так, американский политолог С. Хантингтон призывает к тому, чтобы урезать «избыток демократии» — ограничить прессу и образование — во имя укрепления власти элиты. Однако большинство западных политологов пытается замаскировать антинародный смысл своих теорий, приспособить буржуазно-демократические принципы к элитарной структуре власти, создавая всякого рода паллиативные концепции типа «полиархической демократии» (Р. Даль), «демократического элитаризма» (П. Бахрах).

С момента своего возникновения элитаризм как политическая концепция направлял острие своей критики против социализма и демократии. Причем, как признал известный буржуазный политолог К. Фридрих, в теориях Карлейля, Ницше, Парето, Моски содержится много «феодалных пережитков». Т. Боттомор выразил ту же мысль, указав, что теории элиты представляют собой «попытки оживить ста-

рые идеи социальной иерархии и создать препятствия на пути развития демократии»¹. Явные противоречия между элитаризмом и теориями демократии обнаруживаются в том, что, во-первых, элитаризм исходит из неравенства людей, тогда как даже буржуазная демократия прокламирует их равенство (пусть формальное); во-вторых, основа элитаризма — полноправие правящего меньшинства, в то время как юридический принцип демократии — признание воли большинства в качестве источника власти *.

«Правительство народа, для народа, управляемое народом», — так великий американский демократ А. Линкольн мыслил демократическую политическую систему. Какой разительный контраст с мировоззрением современной империалистической буржуазии, характерной чертой которого является элитаризм! Собственно, слова эти буржуазные политологи охотно цитируют — они слишком известны, — но лишь в целях демагогии, чтобы прикрыть всевластие капитала в странах «свободного мира». Причем демагогический характер этих спекуляций на имени Линкольна не остается тайной для элитаристов. Они снисходительно замечают, что «старый Линкольн» был слишком наивен: он-де не учел, что, во-первых, «технически невозможно» осуществить правление народа, особенно в крупной стране, — народ должен предоставить полномочия элите; во-вторых, народ «некомпетентен» в политике, «неинформирован» и «дезинформирован» и, если бы действительно управлял, «навредил бы самому себе»; его интересы гораздо лучше обеспечит «мудрая» и «подготовленная» элита. Элитаристы оспаривают формулу Линкольна либо в мягкой форме, утверждая, что его слова «нельзя понимать буквально», либо в резкой, заявляя, что поскольку-де правительство народа неосуществимо на практике, сам этот лозунг есть лишь «идеологический камуфляж» правления элиты **. Демократия, по мнению элитаристов, в лучшем случае может быть фор-

* У. Стэмпе пишет: «Демократией называется такая система, которая обеспечивает политическое равенство граждан, но она не гарантирует социального и экономического равенства» (Stamps W. Why Democracies Fail. N. Y., 1982, p. 134). Если применительно к буржуазной демократии первое положение представляет собой явное преувеличение, то второе совершенно справедливо.

** Парето указывал, что «болтовня о демократии — это плутократическая демагогия элиты манипуляторов» (см. Eisermann G. Vifredo Pa-reto als Nationalkom und Soziolog. Tubingen, 1961, S. 68). Для Михельса «ни одна система управления не совместима с постулатами демократии» (Michels R. Political Parties. N. Y., 1962, p. 364),

мой правлений элиты, которая одобряется и поддерживается народом. Причем в критике буржуазной демократии элитаристы достаточно сильны, ибо они вольно или невольно разоблачают ее куцый, лицемерный характер, в то время как позиции их либеральных оппонентов оказываются уязвимыми, поскольку под демократией они понимают буржуазную демократию, но всячески стремятся скрыть ее классовый характер. Американский политолог Э. Хэкер вынужден признать: «Народ правит, говорим мы об американской системе правления, но в буквальном смысле такое заявление является абсурдным... Люди при голосовании лишь делают выбор из ограниченного числа альтернатив, которые им предлагаются»². Бельгийский политолог В.-И. Ганехоф ван дер Меерш пишет, что конституционная формула народного суверенитета «основана на фикции, будто правители всегда выражают волю управляемых»³.

По конституциям капиталистических стран верховная власть принадлежит народу. Однако ни для кого не секрет, что буржуазная действительность весьма далека от этого норматива. Американский публицист А. Тоффлер отмечает понимание рядовым американцем того факта, что важные для его жизни решения принимаются помимо него, что он не только не может повлиять на эти решения, но и узнает о них лишь из газет или телевизионных программ. Иными словами, он — пассивный объект социально-политического процесса, а отнюдь не его субъект. Буржуазная демократия препятствует действительному участию большинства населения в принятии жизненно важных для него решений, выступает как механизм отчуждения народа от политической власти. В результате правительственные решения оказываются глубоко противоречащими его интересам и желаниям. Так, опросы общественного мнения, проведенные в начале 80-х годов в странах Западной Европы, показали, что подавляющее большинство населения этих стран выступает против размещения в них американских ракет среднего радиуса действия. Но правительства ряда стран НАТО принимают решение, прямо противоположное воле большинства населения. Опросы общественного мнения продемонстрировали, что подавляющее большинство выступает за охрану окружающей среды, против ее загрязнения промышленными отходами. И что же? Отравление природы монополистическими промышленными корпорациями не только продолжается, но и усиливается. Список подобного рода примеров можно продолжить. Они красноречиво говорят о том, что народные массы капиталистических стран

не являются хозяевами в собственном доме, они — лишь объекты политики, осуществляемой элитой вопреки их воле. Недаром Р. Миллс говорил о «бесправной общественности» капиталистических стран.

Члены элиты составляют ничтожное меньшинство общества, но они навязывают ему свои решения, и государственный механизм оказывается лишь машиной, реализующей эти решения. Почему же они столь могущественны? В чем их сила? В том, что они выражают, в значительной степени формируют, а также воплощают в жизнь волю господствующего в этих странах класса, владеющего средствами производства, политическим аппаратом для подавления сопротивления эксплуатируемых масс, класса, идеология которого является господствующей идеологией в обществе. Однако в этом же и их слабость, ибо интересы этого класса пришли в противоречие с интересами народных масс. Коренной интерес ничтожного меньшинства общества, которое узурпировало всеобщие человеческие функции, включая управления политикой, экономикой, культурой, заключается в увековечивании социальных отношений, которые обеспечивают ему привилегированное положение.

Кто же принимает важнейшие государственные решения, которые порой означают для трудящихся потерю работы и невозможность прокормить семью, а подчас касаются и самой его жизни, ибо он может быть мобилизован для участия в войне, которую не начинал и не хотел, цели которой не понимает или отвергает? Кто же вершит дела от его имени? Те, кто занимает высшие государственные посты, — президенты, министры? Или же невидимое и несменяемое правительство — богатейшие из богатых, — оставаясь в тени, является действительным режиссером буржуазной политической игры? А может быть, элита толстосумов делит власть с политической элитой, с верхушкой военщины, владельцами средств массовой информации, образуя как бы систему элит, слой «сильных мира сего»? Тогда являются ли эти элиты конкурирующими или же они мирно сосуществуют и их существование — не более чем своего рода разделение труда в рамках господствующего класса? Наконец, можно ли считать выборы в капиталистических странах всего лишь комедией, разыгрываемой для обмана масс, или же они, не меняя классового характера власти, влияют на то, какая из группировок господствующего класса вырвется вперед и получит наибольшие выгоды? Все эти вопросы усиленно обсуждаются и в буржуазной политологии, ибо они жизненно важны для эксплуататорского класса, стре-

мнящегося продлить свое господство в условиях, когда оно превратилось в тормоз для прогресса общества.

Элитаристы, как мы видели, оправдывают власть элиты, доказывают невозможность народоправия. Многие либеральные политологи критикуют откровенный элитаризм, но их позиция заведомо половинчатая и непоследовательная. Это либо апология буржуазных политических систем как «демократических», либо робкие попытки усовершенствовать их. Примером критики элитаризма с позиций защиты буржуазно-демократических ценностей может служить книга Д. Шпитца «Модели антидемократического мышления». Называя элитарные концепции угрозой для демократии, он подразделяет их на аристократические (от Платона до Р. Грэма) и авторитарные (получившие наиболее законченное отражение в фашизме). Отвергая и те и другие, Шпитц утверждает, что основывается «на вере в демократию и убеждении, что свобода — достояние каждого человека, а не только прерогатива избранных»⁴. Беда только в том, что в условиях капитализма слова Шпитца остаются лишь благими пожеланиями.

В критике демократии с позиций элитаризма присутствуют два главных мотива: во-первых, о невозможности демократии; во-вторых, о нежелательности демократии, даже если бы она была возможной.

Как уже отмечалось, для элитаризма характерны утверждения, что демократия как народоправие неосуществима, что народ — это «толпа», мышление которой «упрощенно», «стереотипно», что он «нуждается в опеке» со стороны «высокоодаренных личностей» (разумеется, из господствующего класса). Английский социолог М. Гинсберг считает, что демократия обнаружила свою неэффективность, что внутри нее заложены тенденции к образованию олигархии: «некомпетентность» масс, «стремление поклоняться лидерам» — все это создает элиту в любом демократическом обществе. Массы подвержены «магии слов», они всегда жертвы машины внушения, находящейся в руках элиты. Система представительного правления бессильна: она призвана представлять всех и во всем, но не представляет никого и ни в чем. Западногерманский элитарист И. Кноль утверждает, что демократия ведет к выдвиганию посредственностей, к эрозии политического руководства; фашизм он критикует не за требование безоговорочного подчинения масс элите, но за теорию и практику «элиты крови», основывавшейся на «расовой чистоте»; отмечает, что принципы отбора должны быть иными.

Указывая на то, что общественная жизнь ныне исключительно сложна, элитаристы утверждают, что массы в силу своей «неподготовленности» не должны брать на себя функции руководства обществом. Демократия, считает французский социолог Р. Жилуэн, покоится на «ложной идее», что политика — легкая вещь, доступная массам. Элитарист Н. Ротеншрайх противопоставляет «ложной идее правления большинства» власть, «базирующуюся на принципах», носителем которой является элита. «Демократия большинства» игнорирует качественные различия между людьми, выявленные еще Платоном, подменяя их теорией «качественного равенства индивидуумов». Ротеншрайх «разбивает» ее следующим аргументом: «Если разум одинаков у всех людей, это должно вести их к одинаковым действиям, основанным на одинаковости их интеллектуальных интересов». Что это — демагогия или невежество? С какой легкостью рассуждает автор об «одинаковых действиях» людей в классовом обществе! Будет ли человек директором банка или мусорщиком — зависит от его способностей! Ему не приходит в голову, что не интеллектуальные способности, а классовая принадлежность человека определяет его положение в обществе, обуславливает образ его действий и мыслей. Ротеншрайх считает, что нельзя допускать, чтобы народные массы управляли государством: «Большинство не может решать политических вопросов, ибо не имеет о них полного знания». Посему власть должна быть вручена людям, которые «действительно понимают», что необходимо в интересах общего благосостояния.

Элитаристы цинично рассуждают об «иррационализме» масс, о мифах, которые они воспринимают как истины, об их неподготовленности к управлению обществом. Но позволительно спросить — кто повинен в этом? Элитаристы ссылаются на инстинкты, якобы управляющие поведением масс, на «неуравновешенность» массовой психологии. Однако именно капитализм обрекает массы на социальную, политическую, культурную приниженность. Ведь это буржуазная пропагандистская машина стремится оболванить массы, навязать им мифы вроде «государства всеобщего благоденствия», «свободного мира» и т. д.; именно она дезинформирует трудящихся о событиях внутренней и международной жизни. И подобное положение элитаристы объявляют вечным и естественным, стремясь переложить ответственность за него с капитализма на самих трудящихся.

С характерной программой увековечивания духовной отсталости масс выступает американский элитарист Г. Мед-

жид. Его исходный тезис следующий: говорить о том, что общество способно функционировать без элиты, можно только в целях политической демагогии; демократия отличается от других политических систем лишь составом, способом рекрутирования и мобильностью элиты. Он предлагает целую программу элитарного воспитания меньшинства, которое бы увековечило деление общества на элиту и массу, сохраняя дистанцию между ними, удерживало массы в определенных рамках, ограждая элиту от посягательств на ее «права».

Общество Меджид делит не на две, как это принято у элитаристов, а на три части — массу, элиту и сверхэлиту. Для каждой из этих социальных страт уровень образования должен быть различным, как и объем получаемой ими информации. Первый уровень (масса) — уровень водителя автомобиля, которому объяснили, какую педаль или кнопку нажимать в том или ином случае. Второй (элита) — уровень механика, которому ясна сущность машины, принципы работы мотора. Третий (сверхэлита) — уровень инженера, который может конструировать машины, совершенствовать их. Первый уровень образования должен включать «обучение на основе тщательно адаптированной истории, рассказов о героях, примера и принудительного ритуала». Главное тут — воспитание в массах лояльности, причем эту лояльность к существующему строю нужно воспитывать с детства, пока молодежь не достигла интеллектуальной зрелости. Второй уровень — воспитание элиты, или лидеров. Здесь следует выйти за рамки мифов и стереотипов и анализировать реальные факты политической жизни. Члены элиты должны знать политическую «кухню», закулисную сторону государственного механизма. Воспитание элиты должно быть «реалистичным», ее следует избавить от «политической болтовни», годной лишь для оболванивания масс, и научить искусству командовать. Третий уровень — воспитание философской сверхэлиты, которая вырабатывает истинное и полное понимание социальной жизни. На этом уровне постигается «истина о политических проблемах, нормативных и действительных».

Нетрудно видеть, что концепция Г. Меджида весьма напоминает «идеальное государство» Платона. Да Меджид и не скрывает этого. Тут явственно проступает преемственность в идеологии господствующих эксплуататорских классов. На примере элитарных теорий видно ханжество и лицемерие буржуазной социологии. Большинство ее представителей называют себя «либералами» и «демократами». На

деле же их цели — ограничение политических прав трудящихся, подавление народных масс, сокращение народного образования.

Элитаристы пишут об «устарелости», «дряхлости» демократии, не обеспечивающей эффективного управления общественной жизнью, ибо она «ущемляет» права элиты, уравнивая ее с массами, о том, что при этой форме правления приходится жертвовать разумом, носителем которого является, разумеется, элита, в пользу «животных инстинктов» толпы. Более того, они доказывают, что демократии и не существовало никогда в истории, а была лишь более искусная маскировка власти элиты. Критикуя демократию, элитаризм доказывает, что, с одной стороны, она — не более чем миф, а с другой — что такого рода иллюзия порождает, по выражению Моски, «худший тип политической организации — анонимную диктатуру тех, кто победил на выборах и говорит от имени народа»⁵. Моска утверждал, что лозунги, начертанные XX веком на своих знаменах, — правление большинства и политическое равенство — неосуществимы.

Попытаемся суммировать элитаристскую критику демократии. Утверждается, что народ не может управлять, ибо, во-первых, он некомпетентен в политике, во-вторых, массы в лучшем случае инертны, а в худшем — подрывают «устои общества», в-третьих, управление масс технически невозможно. С этих позиций даже буржуазно-демократические порядки выглядят «неоправданной уступкой массе» со стороны элиты.

Поскольку марксисты также критикуют буржуазную демократию, многие западные политологи нарочито смешивают марксистскую и элитаристскую критику, объявляя и ту и другую «тоталитарной». Но это — грубая фальсификация. Не под всякой критикой буржуазной демократии подпишется марксист. Следует противопоставить критику ограниченности буржуазной демократии слева, с позиций сторонников демократии социалистической, и справа, со стороны тех реакционных буржуазных идеологов, которые находят буржуазно-демократические свободы обременительными для элиты, выступают сторонниками авторитарной диктатуры над народом. Марксизм-ленинизм подчеркивает необходимость для рабочего класса бороться за демократию, представляющую более широкие возможности для борьбы за социалистические преобразования. Разоблачая клеветнические измышления буржуазных теоретиков о том, что коммунисты якобы являются противниками демократии, он

выступает за единство действий коммунистов с широкими демократическими силами в борьбе против империалистической реакции.

Элитаристской критике демократии присущ общий порок буржуазной социологии — антиисторизм. А феномен буржуазной демократии требует для своего осмысления исторического подхода. Буржуазная демократия явилась большим шагом вперед от политических форм феодализма, от абсолютизма. В. И. Ленин отмечал: «Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом»⁶. Рабочий класс заинтересован в сохранении буржуазно-демократических свобод больше, чем монополистическая буржуазия, которая рассматривает эти свободы как тяжелый груз, от которого желательно освободиться.

Весьма четко сформулировал отношение коммунистов к демократии канадский марксист С. Райерсон: «Верно ли положение: демократия при капитализме — не что иное как обман? Конечно, буржуазная демократия обман в том смысле, что выборные институты и всеобщее избирательное право создают иллюзию правления большинства, тогда как практически налицо правление меньшинства, осуществляемое монополистически-капиталистическими хозяевами и государственной машиной. Но хотя в этом важном смысле буржуазная демократия и является обманом, она вместе с тем представляет собой и кое-что другое. Она воплощает (хотя и в ущербной, ограниченной, искаженной форме) завоевания великих революционно-демократических битв прошлого... Мы должны бороться и за использование тех реальных элементов этой демократии, которые были достигнуты в процессе преодоления феодального господства, которые продолжают существовать, несмотря на нападки монополистического капитала, и которые содержат в зародыше потенциальные элементы тысячекратного расширения демократии, приходящего с социализмом»⁷.

Известно, что яростные нападки на демократию лежали в основе идеологии германского, итальянского фашизма. Элитаризм объективно продолжает этот антидемократический курс. Буржуазная демократия переживает в современный период глубокий кризис, демократические свободы в капиталистических странах непрерывно уре-

заются; монополистический капитал даже ограниченные буржуазные свободы склонен рассматривать как угрозу своему господству. Империалистическая буржуазия все более стремится освободиться от стесняющих ее форм политической демократии, от оглядки на массы, на общественное мнение, перейти к «твердой» диктатуре элиты монополий. Напротив, именно рабочий класс стал ныне ведущей силой в борьбе за защиту и расширение демократических прав и свобод. Несмотря на историческую ограниченность буржуазной демократии, она создает условия для существования массовых организаций трудящихся, для расширения их влияния на политическую жизнь общества.

Поиски компромисса. «Демократический элитаризм». Свой поход против демократии элитаризм охотно камуфлирует псевдodemократической фразой. В последнее время на Западе стало модным писать об «историческом примирении» элитаризма с демократией, причем для обоснования этого «примирения» фальсифицируются и капиталистическая действительность, и само содержание понятий «демократия», «свобода». Теоретики элитаризма, как признает канадский социолог Дж. Портер, допускают для «демократической системы» олигархическое правление, апатию масс и принудительное повиновение. Характеризуя подобные тенденции в американской социологии, Р. Баркли пишет: «В США наблюдаются в настоящее время попытки совместить основные положения теории элиты с традиционно поддерживаемыми концепциями демократии. Обычно в этих случаях демократические концепции истолковываются таким образом, чтобы выхолостить из них упоминание о политическом равенстве людей»⁸. Эти попытки совместить всевластие монополий с буржуазно-демократическими свободами, «модернизировать» демократию, приспособив ее к государственно-монополистическому капитализму, сочетаются с элитаристской критикой ее справа, с позиций той части монополистической буржуазии, которой и ограниченные буржуазные свободы кажутся помехой.

Если первоначально элитаризм был откровенно враждебен демократии, то начиная с 30-х годов ряд элитаристов попытались совместить его с признанием ценности буржуазно-демократических институтов. Сам Моска под конец жизни начал пересматривать свои взгляды на буржуазную демократию в сторону принятия некоторых ее принципов. Он видел в этом не отказ от элитарных установок, но их модификацию, Моска приходит к «парадоксальному» для се-

бя выводу о том, что демократические методы могут быть использованы для увеличения силы и стабильности правящего класса⁹, что в демократиях «ряды правящего класса более открыты». Буржуазная демократия оказывается удобной маской диктатуры капиталистов. Причем в отличие от предшествовавших правящих классов, открыто провозглашавших всевластие меньшинства, буржуазия прикрывает его фиговым листком «демократии». Современный «демократический элитаризм» не отрицает открыто идею народного суверенитета, но так «уточняет» ее, что лишает всякого реального содержания; это — не правление народа, но правление «демократической элиты», которая правит «на благо всего общества» *.

Чтобы объединить концепцию Парето — Моски с «современной демократической теорией», отмечает идеолог «демократического элитаризма» П. Бахрах потребовалась ее радикальная ревизия, которая была осуществлена Дж. Шумпетером и К. Маннгеймом в 30—40-х годах. Шумпетер «сужает» понятие «демократия», предлагая не отождествлять его с народовластием. Как и Моска, он считает, что «идеи XVIII века — воля народа, общее благо» — всего лишь мифы; «абсурдно» верить, что народ компетентно судит о политике. Поэтому вместо трактовки демократии как «правления народа» он предлагает, на его взгляд, «более реалистичную» — «правительство, одобряемое народом». Шумпетер — сторонник «умеренной» демократии, в которой «страта элиты» была бы, с одной стороны, не слишком исключительной, с другой — не слишком доступной для «аутсайдеров» и в то же время достаточно сильной, чтобы «ассимилировать индивидов, которые вырываются вперед»¹⁰. Его определение демократии — одно из наиболее признанных на Западе — предполагает элитарную структуру общества (что свидетельствует не столько о движении «влево» элитаристов, сколько о «поправении» теоретиков буржуазной демократии).

Считавшиеся ранее антиподами, теории элиты и буржуазной демократии находят точки соприкосновения. Правящая элита признается необходимой для любого общества, в том числе и демократического; отличительная черта пос-

* Собственно, подобная демагогия присуща в той или иной мере всем эксплуататорским классам. И рабовладельческая аристократия, воспевавшаяся Платоном, и технократы, герои Веблена, и даже фашистские диктаторы претендовали на то, что осчастливливают массу, и порой даже верили в это, становясь жертвами собственной демагогии.

ледного — конкуренция элит за позиции власти, а также более открытый их характер. Концепция демократии как политической системы, в условиях которой партии конкурируют в борьбе за голоса избирателей, предполагает, что массы могут в определенной степени влиять на политику, выбирая между конкурирующими элитами. Шумпетер и квалифицирует демократию как «институт для достижения политических решений, когда к властным позициям приходят посредством конкурентной борьбы за голоса людей». В этой «рыночной» концепции демократии различные элиты выносят «на продажу» свои программы, а массы «покупателей» принимают или отвергают их на выборах.

Близкую позицию занял и К. Маннгейм. В своих ранних работах он связывал элитаризм с авторитаризмом и антидемократизмом. Однако с течением времени его позиция меняется, он находит следующий способ соединения элитаризма с демократией: «Действительное формирование политики находится в руках элиты, но это еще не значит, что общество недемократично. Ибо для демократии достаточно, чтобы граждане, хотя они и не имеют возможности прямого участия в управлении, по крайней мере иногда выражали свои чувства, одобряя или не одобряя ту или иную элиту во время выборов». Апологетику буржуазную демократию, Маннгейм пишет о «совместимости» элитаризма с принципом «равных возможностей» при условии формирования элиты в соответствии с заслугами людей (позднее эта идея получит развитие в концепции «меритократии» Д. Белла, К. Боулдинга). «Не является ли противоречием говорить об элитах в демократическом обществе, — задает он вопрос. — Не снимает ли демократия вообще отношение элита — масса? Мы не можем отрицать, что тенденция к уравниванию, к уничтожению страты элиты существует; но одно дело — признать существование тенденции, и другое — признать, что она должна идти до конца. Во всех демократиях, которые мы знаем, возможно различать лидеров от ведомых. Значит ли это, что демократии являются неподлинными? Не должны ли мы предположить, что существует демократический оптимум отношения элита — масса? Оптимум не обязательно должен быть максимумом; если демократия предполагает антиэлитарную тенденцию, это не значит, что мы должны идти до конца к утопическому уравниванию лидеров и ведомых. Мы принимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, но скорее способом ее рекрутирования, новым самосознанием элиты»¹¹,

В США либеральный вариант элитаризма развивался школой Г. Лассуэлла. В концепции Лассуэлла «демократия отличается от олигархии не отсутствием элиты, которая продолжает оказывать наибольшее влияние на общественную жизнь, а ее открытым, представительным, ответственным характером»¹². Он утверждает, что элита современного капиталистического общества в отличие от предшествовавших типов элит обладает знанием и умением управлять и потому более подходит для руководства современным сложным и дифференцированным общественным механизмом, чем закрытая аристократическая каста. Таким образом, искажается само понятие «демократия», ибо отбрасывается как «демагогический» принцип равенства, молчаливо признается, что демократическое участие всех людей в политической жизни общества неосуществимо. Понятие «демократия» применяется к политической системе, где лишь элитные группы активно участвуют в управлении обществом, причем капиталистическая элита объявляется лучшей из элит на том основании, что она якобы открыта для всех наиболее способных к управлению людей. Фальшь этого тезиса отмечают и многие буржуазные социологи, вынужденные признать, что элита открыта лишь для тех, кто владеет капиталом. Совершенно очевидно, что свобода и демократия в контексте элитаризма — это свобода для *элиты* *.

Вопрос о соотношении элитаризма и демократии неоднократно поднимался на всемирных социологических и политологических форумах, в частности на IV Международном социологическом конгрессе. Один из теоретиков Итальянской социалистической партии Н. Боббио, выступивший на этом конгрессе с докладом «Теория политического класса в понимании демократических авторов Италии», утверждал, что последователи Моски — П. Гобетти и Г. Дорсо — сумели совместить элитаризм с демократией. «Внутри правящего класса в широком смысле, — сказал он, — Дорсо проводит различие между собственно правящим классом (с его политической и интеллектуальной элитой) и поли-

* Сошлемся в этой связи на более раннюю апологию капиталистической элиты Э. Россом, одним из патриархов американской социологии: «В нашем обществе не короли, не принцы, не дворяне, а банкиры, короли торговли, железнодорожные магнаты, капиталисты, политические деятели, издатели, писатели, артисты занимают высшие посты, переняв эстафету у первых... Общество представляет собой не многоэтажную пагоду, состоящую из замкнутых каст, но пирамиду, суживающуюся кверху и предполагающую иерархию постов, к которым карабкаются отдельные личности (Ross E. Social Psychology. N. Y., 1919, p. 193),

тическим классом, определяемым как руководящий комитет и технический инструмент первого. Затем проводится дальнейшее различие между политическим классом, находящимся у власти, и оппозицией. Каждый политический класс имеет тенденцию расколоться на управляющий и оппозиционный. Когда этот естественный процесс приобретает контрастный характер, мы имеем дело с диктатурой. Когда же, наоборот, классы могут править в порядке устойчивой и регулярной очередности, мы имеем дело с демократией. Теория политического класса и теория демократии оказываются, таким образом, примиренными, поскольку демократия уже не отождествляется с верховной властью народа (!), но скорее является системой, имеющей более подвижные элиты. Теория элиты вместо того, чтобы быть антидемократической, становится основой нового, более реалистического понимания демократии». Для этого «социалиста» демократия — не более чем власть «мобильной» элиты. Мы не будем разбираться в невероятной путанице в понимании, вернее в непонимании, Боббио сущности классов и классовых отношений, в смешении понятий «класс» и «партия». Разумеется, у власти могут находиться различные группировки правящего класса, в данном случае капиталистов, различные партии, но буржуазное правительство выражает совокупный интерес этого класса. Приведенная пространная цитата интересна тем, что наглядно показывает, как элитаристы искажают сущность демократии, чтобы примирить ее со своей антидемократической теорией.

Н. Боббио пропагандировал также взгляды последователя Парето Ф. Бурцио, который, как и его учитель, считал, что любая творческая, прежде всего политическая, деятельность должна осуществляться меньшинством, обновляемым за счет наиболее способных представителей масс. «Равные возможности», которыми якобы обладают члены «индустриального общества», позволяют «лучшим элементам» из «низших» классов проникать в «высшие», что обеспечивает подвижность, мобильность элиты и позволяет ей выполнять должным образом стоящие перед ней задачи. Разделяя эту позицию, Боббио в заключение своего доклада с торжеством заявил: «Теория политического класса в процессе своего развития перешла из рук врагов демократии в руки ее друзей».

Однако торжество Боббио преждевременно. «Конвергенция» элитарных и демократических теорий носит чисто формальный характер, она основана на растворении буржуазно-демократических взглядов в элитаризме. Американс-

кий теоретик «демократического элитаризма» П. Бахрах вынужден признать, что «в нормативном смысле существует фундаментальное различие между демократическими и элитарными теориями»¹³. Напрашивается вывод о том, что попытки совместить эти теории означают либо лицемерие, либо принесение в жертву принципов демократии. Однако сам Бахрах думает иначе. Он объявляет взаимодействие элитарных и демократических теорий «блестящей иллюстрацией гегелевской диалектики»: первоначально аристократические теории власти критикуются теоретиками демократии Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсоном и др.; в дальнейшем демократические теории подвергаются критике со стороны элитаристов (Моска, Парето); «истиной» же оказывается синтез элитарных и демократических теорий, то есть «демократический элитаризм». Противоречие между элитой и демократией снимается «демократическим элитаризмом», созданным американскими, а также европейскими (Р. Арон во Франции, Дж. Пламентац в Англии, Дж. Сартори в Италии) социологами, которые показали, что «господство политических элит ни в коем случае не подрывает демократический процесс»¹⁴, ибо множественность элит, конкурирующих между собой, и отличает демократию.

Однако диалектика из Бахраха не получилось. Его концепция представляет собой типичный образчик консервативной интерпретации диалектики Гегеля как «примирения противоположностей». Реальная эволюция указанных теорий иная. На первом этапе — традиционные для идеологов эксплуататорских классов теории аристократического правления. Далее — критика их теоретиками нарождавшейся буржуазии, отстаивавшими идеи народного суверенитета в борьбе против идеологов феодализма, абсолютизма. И наконец, отказ буржуазии, пришедшей к власти, от идей народовластия, критика их с позиций элитаризма, обычно замаскированная псевдodemократической фразеологией (примером чему служат сами теории «демократического элитаризма»). Альтернативой элитаризму является отнюдь не возврат к идеям идеологов буржуазии XVIII века, а подлинное народовластие, основанное на ликвидации всех эксплуататорских классов, которые и являются носителями элитарного мировоззрения.

«Демократический элитаризм» отвергает как «наивную» идею народовластия на том основании, что важнейшие политические, экономические и социальные решения принимаются в западных странах незначительным меньшинством. В отличие от демократических концепций нарождавшейся

буржуазии, рассматривавших народ как опору демократии, «демократический элитаризм» ищет эту опору в «демократической по характеру элите». Вместо того чтобы видеть угрозу демократии в господствующем меньшинстве, «демократический элитаризм» видит эту угрозу... в трудящихся массах. Либеральные авторы при этом ссылаются на то, что массы могут быть гораздо правее элиты, указывая на «массовую поддержку» таких авторитарных и тоталитарных движений, как маккартизм, перонизм, пужадизм, что «разрушило веру либералов в демократию»¹⁵. Сторонники «демократического элитаризма», такие как У. Корнхаузер, Дж. Сартори, постоянно колеблются между признанием буржуазно-демократических ценностей и страхом перед «крайностями» демократии, «не подорвавшей корни массовых движений». Сартори предостерегает: «Мы должны бояться, что демократия, как в мифе о Сатурне, уничтожит ее собственных лидеров, создав условия для их замены недемократическими элитами»¹⁶. Не веря в творческие силы народных масс, буржуазные теоретики не мыслят мира без элиты. З. Бжезинский и Р. Бейли проводят небезынтересное сравнение содержания буржуазной идеологии конца XVIII и второй половины XX века¹⁷:

XVIII век	XX век
Признание прогресса	Отрицание прогресса
Человек рационален	Человек иррационален
Мифы и суеверия вредны	Мифы и суеверия порой полезны
Общество управляется на основе народного согласия	Общество управляется элитой
Вера в демократические и гуманистические ценности	Неверие в ценности демократии и гуманизма, которые ведут к власти некомпетентных масс и катаклизмам

Все это — свидетельство глубокой деградации современной буржуазной идеологии, ее антидемократизма. М. Алле уверяет, что «судьба масс зависит от качества элиты», а поскольку современная элита Запада — лучшая из всех возможных элит, «никогда еще массы не имели лучшей судьбы»¹⁸. Итальянский политолог Л. Кавалли, воскуря фимиам «демократической элите», пишет: «Эта элита воспитывает народ в духе демократии, прежде всего создавая институты и привычки к информации, к независимым и в то же время ответственным решениям». Итак, все надежды следует связывать с «хорошей», «квалифицированной» элитой.

«Демократия — это власть народа, — пишут американские политологи Т. Дай и Х. Цайглер, — но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элит. Это — ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы власть народа выжила. Если бы жизнеспособность американской политической системы зависела от активности, информированности и просвещенности граждан, то демократия в Америке давно исчезла бы, ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы в политическом отношении и удивительно мало привязаны к демократическим ценностям... Но, к счастью для этих ценностей и для американской демократии, американские массы лишь следуют за лидерами..., отвечая на предложения элит»¹⁹. Такова центральная идея книги Дая и Цайглера «Ирония демократии».

Итак, демократия, боящаяся народа. Поистине «ирония демократии». И злая ирония. Только, может быть, не следует иронизировать над демократией. Скажем точнее: такова ирония буржуазной демократии.

* *

*

Элитаристская сущность буржуазной идеологии со всей очевидностью доказывает фальшь развернутой на Западе, прежде всего американской администрацией, фарисейской кампании «в защиту прав человека» в социалистических странах. Эта ложная кампания, направленная на то, чтобы отвлечь внимание общественности от вопиющих нарушений прав и свобод в самих капиталистических странах, от язв и пороков капитализма — хронической безработицы, инфляции, падения жизненного уровня трудящихся, — преследовала также цель извратить внутреннюю политику СССР и других социалистических государств, ослабить роль реального социализма как вдохновляющего примера для народных масс капиталистических, а также развивающихся стран, использовать проблему прав человека для политического шантажа, вмешательства во внутренние дела социалистических стран, как средство идейно-пропагандистской борьбы против социализма.

За лицемерной риторикой «в защиту прав человека» скрываются усилия по отстаиванию привилегий монополистической элиты, узурпировавшей ключевые позиции в экономической, политической, культурной жизни капиталистического общества — общества всевластия элиты и бесправия масс.

Фундаментальным правом человека является право на труд — именно в труде реализуется его творческая сущность, это, наконец, условие его физического существования. Но такого права капиталистическое общество с его хронической безработицей не может предоставить своим гражданам; достаточно заметить, что в настоящее время в развитых капиталистических странах насчитывается свыше 35 млн. полностью и миллионы частично безработных.

Светлой мечтой человечества является право на свободу от эксплуатации, право трудящегося на продукты своей деятельности. Эти права попираются капитализмом — строем частной собственности на средства производства, строем эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Социальные права, предоставляемые гражданам социалистических стран, такие как право на бесплатное образование, на оплаченный отпуск, на бесплатную медицинскую помощь, на социальное обеспечение, в капиталистических государствах либо отсутствуют, либо существуют в сильно урезанном виде. Человеку в капиталистическом мире неизвестно такое право, как право на жилище, гарантированное Конституцией СССР.

Обычно мнимые радетели «прав человека» сводят эти права лишь к политическим, понимая их при этом весьма ограниченно и формально, отождествляя, как правило, демократию с многопартийностью. Отсюда следует, что в США права человека якобы обеспечены, ибо трудящийся человек может раз в четыре года «решать», какая из партий монополистической буржуазии — республиканская или демократическая — будет «представлять» его в конгрессе (и одновременно подавлять). Глубина демократии измеряется не числом партий, а тем, чьи интересы выражает правительство — трудящихся классов или привилегированного меньшинства. Нет прав человека вообще, это не «внеисторическая», как склонны доказывать буржуазные идеологи, а, напротив, конкретно-историческая категория. Права каких классов? В интересах каких классов? В интересах элиты или трудящихся масс? Сравнения по этим показателям доказывают огромные преимущества социализма.

Попытки совместить элитаризм с буржуазной демократией и выработать иные, чем народовластие, критерии демократии связаны с широко распространенными в буржуазной социологии концепциями «открытого» и «закрытого» общества. «Закрытым» именуется общество, в котором существует жесткая иерархическая структура, переход из одной «страты» в другую либо невозможен, либо крайне за-

трудней (египетский и индийский кастовый строй, феодальное общество с его сословными перегородками). Элита этого общества, как правило, наследственная, формируется вне связи со способностями человека (впрочем, в древнекитайской империи претенденты на административные посты держали экзамен, который должен был выявить уровень их образования и определенных способностей, в частности к стихосложению). Иными словами, в этом обществе отсутствует вертикальная социальная мобильность.

«Открытое» общество также имеет иерархическую структуру (мы помним постулат элитаризма о неизбежности деления общества на элиту и массу), но предполагается, что в нем одна «страта» не отгорожена от другой непроходимой стеной, то есть это общество с относительно высоким уровнем социальной мобильности. Элита не является замкнутой кастой, напротив, она постоянно пополняется выходцами из низших страт. Более или менее открытый доступ в элиту — важнейший, хотя и не единственный признак «открытого» общества. Для К. Поппера, автора классического для буржуазной социологии труда, посвященного этой проблеме²⁰, «закрытое общество» — это тоталитарное общество, лозунг которого — все для государства, которое игнорирует личность и является по существу возрождением трайбализма, родоплеменных отношений. Напротив, «открытым» признается общество, которое освободилось от трайбалистской структуры и идеологии, которое признает ценность личности, ориентируется на индивидуальные достижения; «закрытое» общество делает людей рабами коллектива, в «открытом» — личность суверенна. Поппер неисторично трактует трайбализм, выводя его далеко за рамки первобытнообщинного строя; при этом он фальсифицирует марксизм, приписывая ему фатализм, нигилистическое отношение к личности. В традициях элитаризма, во многом следуя за Маннгеймом, оказавшим на него значительное влияние, Поппер отказывается от понимания демократии как народоправия (это «неадекватный», по его мнению, признак демократии, ибо масса не может управлять). «Открытое общество» он связывает с возможностью для масс «свободно» избирать правящую элиту, сменять правительство. При этом Поппер старательно избегает ставить вопрос о том, что смена кабинета не затрагивает существа капиталистического строя, что народные массы не имеют фактически контроля над буржуазным государством, несмотря на то, что им предоставляется право периодически голосовать за ту или иную партию.

«Открытое общество» объявляется буржуазными социологами лучшей формой социально-политической системы. Но при этом у теоретиков «открытого общества» обнаруживаются неувязки. Прежде всего эта концепция антиисторична, а типология — вневременная; теория исходит из вечности деления общества на элиту и массу, что закрывает перспективу уничтожения отношений господства и подчинения, обнаруживая классовую ограниченность концепции. Но наиболее курьезно другое: авторы ее потому так славословят «открытое общество», что считают примером его современные капиталистические страны. Но даже если исходить из критериев, выработанных самими буржуазными теоретиками, страны монополистического капитализма отнюдь не подходят под категорию «открытого общества». Г. Лассуэлл исходит из того, что в «открытом обществе» монополия на власть «не сосредоточена в руках господствующей касты» и все общество является той почвой, на которой вырастает элита. Но исследования самих буржуазных социологов со всей очевидностью показали, что элита современного капиталистического общества рекрутируется не из всех классов, а из эксплуататорских, что эта элита более похожа именно на замкнутую касту, в основном наследственную, причем приток в нее из других классов и слоев общества незначителен. По свидетельству американского социолога Дж. Каля, утверждения, будто американское общество является более открытым, чем другие, не подтверждается фактами. Недаром Ф. Ландберг признавал, что владельцы крупных состояний в Америке организованы в защитные фаланги, напоминающие иерархию династий в феодальную эпоху.

«Открытое общество» характеризуется западными социологами как общество высокой социальной мобильности; открытый доступ в элиту — сердцевина этой мобильности. «В открыто-массовой системе движение из более низкого класса в более высокий может происходить свободно», — пишет американский социолог Дж. Герцер, пытаясь создать впечатление, что современная американская социальная система подходит под это понятие. Он отмечает, что в «относительно закрытой системе» позиции, занимаемые членами определенного класса, остаются закрепленными за ними пожизненно. Это означает, что вертикальная социальная мобильность практически отсутствует: «Классы немобильны, присущие людям достоинства не принимаются в расчет». Напротив, в открытой системе страты мобильны, «позиция членов данной страты или класса может быть

сдвинута вверх или вниз в течение жизни в соответствии с их достижениями»²¹.

Справедливы ли утверждения о высокой мобильности американского общества, о том, что его элита открыта для всех талантливых людей? Этот вопрос основательно исследовал Р. Миллс. На огромном фактическом материале он блестяще опроверг миф о широких возможностях проникновения в американскую элиту. Миллс проанализировал данные о трех поколениях мультимиллионеров США. Этот анализ показал, что родители подавляющего большинства этих людей были крупными капиталистами, в основном миллионерами. Доступ в элиту финансовой олигархии всегда был незначителен, причем от поколения 1900 к поколению 1950 года он не только не увеличился, но, напротив, еще более сократился. Среди мультимиллионеров поколения 1950 года люди, вышедшие из «низших» слоев общества, составляют всего 9%. Семеро из каждых десяти крупнейших, богачей США — дети также крупнейших богачей. Подавляющее большинство американских мультимиллионеров вышло из четырехсот «избранных», проще говоря, старинных богатейших семейств США, это — белые, коренные американцы, преимущественно из восточных штатов, протестанты. Крупнейшие богачи, «знать» США образуют замкнутую группу, отгороженную от остального мира стенами своих имений, замков, фешенебельных клубов, закрытых для «низов». Дети этих богачей получают образование и воспитание не такое, как «обыкновенные» дети. Они поступают в дорогостоящие закрытые школы (Сент-Марк, Сент-Пол, Сент-Джордж, Гротон), затем — в один из престижных университетов так называемой «лиги плюща» (прежде всего Гарвардский, Принстонский, Йельский), в которых являются членами закрытых аристократических клубов, куда допускается только «избранная знать». Не так уж важно, что ты учился в Гарварде, вся суть в том, в каком именно Гарварде ты учился, пишет Миллс. Под «настоящим» Гарвардом подразумеваются «Порселейн», «Флай», «А. Д.»; под «настоящим» Йелем — «Дзета пси» или «Фене» (аристократические клубы)²².

Прислушаемся к крупному авторитету по вопросам американского правящего класса Ф. Ландбергу. Полпроцента населения США владеет почти третью всего национального богатства и большей частью всех акций. Каким же образом удалось до такой степени ограбить большинство населения? Кто эти люди? И Ландберг отвечает: «...В Соединенных Штатах огромное богатство теперь приобретается, как

правило, уже не в результате приложения определенных усилий, законных или противозаконных, направленных на пользу или во зло, а достается по наследству. Из верхних 0,5% собственников почти все получили свое состояние таким путем». И далее: «Сколько бы ни было в прошлом «делателей денег», прошедших путь от голодранца до богача, в настоящее время эта фигура приобретателя почти исчезла. Владельцами собственности являются теперь наследники»²³. Элита США отличается сложным переплетением родственных связей, наподобие тех, замечает Ландберг, которые связывали старинные аристократические семьи Европы. Не случайно в США издается «светский регистр», где перечислены «избранные».

Как пишет американский социолог Э. Баббие, сложилась специфическая «элитарная субкультура»²⁴, формируемая семейными связями, закрытыми школами, клубами, корпорациями. Эта субкультура неплохо описана Ф. Ландбергом и У. Домхоффом. Особую роль для сплочения и обособления американской элиты играют закрытые клубы, заимствованные у английской аристократии и ставшие местом обмена информацией, формирования взглядов монополистической верхушки. Если в рамках корпораций решения принимаются советом директоров, то межкорпоративные контакты основываются обычно на принадлежности директоров, президентов к одним и тем же аристократическим клубам. Эти клубы обеспечивают контакты финансовой олигархии с ведущими политическими и военными деятелями, являясь местом, где подготавливаются и обсуждаются важнейшие политические решения. Тот, кто заслужил право быть членом клубов «Линкс», «Никкербокер», «Метрополитен», «Брукс», имеет контакт с самыми влиятельными членами американской элиты, там нет места чужакам.

Не следует думать, пишет Ландберг, что аристократические клубы являются всего лишь местом встречи богачей, где приятно проводят время (кстати, подобное изображение клубов — хорошая ширма для весьма серьезных дел, которые вершатся в них). Принадлежность к этим клубам показывает, кто и на какой ступени иерархической лестницы находится в американском истеблишменте, кто входит в элиту. Клубы являются местом, где заключаются или по крайней мере намечаются крупнейшие сделки капиталистического мира. В них определяются позиции финансовой олигархии по отношению к важнейшим внутриполитическим и внешнеполитическим процессам, а также происходит

ознакомление с этими позициями крупнейших государственных чиновников. В них осуществляется непосредственная связь между финансовой олигархией и политическими лидерами, верхушкой военщины и владельцами средств массовой информации. Обсуждения, происходящие в клубах, играют важную роль в неофициальном осуществлении власти в США, гораздо более важную, чем, например, политические съезды, которые лишь фиксируют решения, предварительно выработанные в клубах. «В отличие от конгресса, — отмечает Ландберг, — члены которого должны возвращаться в родные места, чтобы обеспечить себе избрание на новых выборах, клубы работают постоянно, без каких бы то ни было помех в виде, например, парламентской процедуры; кроме того, члены клуба могут не опасаться, что их место займет кто-то другой. Конгрессмены и президенты приходят и уходят. Члены клуба остаются постоянными и помешать их участию может только смерть или немощь»²⁵.

Закрытые клубы — типично элитарный институт. У. Домхофф справедливо считает, что они представляют большой интерес для социологов, ибо выполняют важные социальные функции — «укрепляют социальную сплоченность правителей Америки»²⁶, обеспечивая неформальное обсуждение проблем политики и бизнеса. Их членами являются представители всех структурных элементов правящей элиты, причем ведущая роль финансовой олигархии здесь особенно заметна.

В Англии элитарные институты имеют еще более давние традиции. Там существует негласное правило, что обучение в аристократических учебных заведениях — частных школах (Итон, Харроу, Винчестер), а впоследствии в университетах (Оксфорд и Кембридж) — открывает путь к высоким должностям в государственном аппарате. Английский социолог Х. Томас подсчитал, что практически все члены Верховного суда (кроме одного), епископы (кроме одного), консервативные члены парламента и многие парламентарии-лейбористы являются выпускниками привилегированных частных школ, в которых обучаются дети состоятельных родителей. Хотя лишь 4% детей обучаются в частных школах, их выпускники составляют примерно половину студентов университетов, в том числе большинство студентов Оксфорда и Кембриджа. Не случайно прогрессивные силы Великобритании выступают с требованием отмены системы частных школ: хотя эти школы дают лучшее образование, это образование явно классовое, направ-

ленное на воспитание элиты *. Английские социологи вынуждены признать, что шансы на получение высшего образования в стране уменьшаются по мере движения вниз по социальной лестнице.

Теоретики «открытого общества» пытаются доказать, что капиталистическая элита не является замкнутой, что она пополняется наиболее мобильными элементами из «низов». Но они умалчивают о том, что это дорогостоящее образование, сориентированное, как отмечал Миллс, на выходцев из «обеспеченных классов». Но и образование само по себе еще не вводит в элиту: нужны связи, протекция, иначе человек застрянет на уровне «среднего звена» («кадров», по терминологии французских социологов), а это — лишь исполнители приказов действительной элиты. Таковы «равные возможности», которыми восторгаются теоретики «открытого общества». Те же Уорнер и Эблеген вынуждены признать: «Каковы бы ни были наши национальные идеалы, руководители деловой Америки являются группой избранных, происходящих в большинстве своем из высших слоев общества». Еще более определенно пишет Ф. Ландберг, считающий, что «американские состояния достигли периода стабильности и их обладатели рождаются в мантиях, подобно лордам, герцогам, графам». А Дж. Рамни и Дж. Мейер мрачно шутят: «Лучший совет молодому человеку, стремящемуся подняться вверх по иерархической лестнице, заключается в том, чтобы эта лестница принадлежала его отцу». Они замечают, что, даже если кому-то повезет и он достигнет высокого положения, это не изменит классовую структуру общества.

Большинство американских социологов весьма пессимистически оценивают возможности для человека из «низов» пробиться в элиту. Рамни и Мейер отмечают, что мобильность американского общества уменьшилась. М. Лернер считает, что мобильность не только очень слаба, но и осуществляется в весьма ограниченных пределах, главным образом у основания социальной пирамиды, далеко от недоступной элиты. Эта мобильность выражается, например, в превращении рабочих в продавцов, клерков, мастеров и обратно. Мечты пробиться в элиту утопичны, хотя они усиленно насаждаются американской пропагандистской машиной, пытающейся внушить, что рядовой че-

* Директор одной из таких частных школ, «Чартенхауз», заявил, что школа готовит будущих лидеров, которые должны научиться принимать на себя руководство людьми, причем лидеров авторитарного плана: «Слунтяи, мягкотелые гуманисты не нужны, они могут выпустить вожжи управления».

ловек «еще может стать королем», если не нефтяным, то хотя бы колбасным. «Самое трудное — движение на вершину пирамиды», — отмечает Лернер. Он различает две тенденции: одна — «продолжение класса», когда сыновья капиталистов наследуют отцовские капиталы и посты; другая — попытка людей из «второго эшелона» войти в правящую элиту. Однако тут возможности мизерны: большая часть менеджеров — выходцы из крупной буржуазии. Все это обеспечивает закрытый характер капиталистической элиты, приводя к тому, что, как признают Рамни и Мейер, «высшие слои пополняются за счет самих себя». Как видим, даже данные буржуазных социологов и статистиков не оставляют сомнений в том, что круг монополистической элиты становится все более замкнутым и недоступным. Таким образом, миф об «открытом обществе» грозит обернуться против его авторов, против оправдываемого ими социального строя, ибо оказывается, что монополистическая буржуазия представляет собой, пользуясь их собственной терминологией, пример закрытой элиты с крайне низким уровнем социальной мобильности.

Лозунг «равных возможностей» человека в капиталистическом обществе продвинуться вверх по иерархической лестнице вплоть до проникновения в элиту оказывается демагогией; лелея индивидуалистические мечты, назойливо навязываемые «массовой культурой», буржуазная личность не может их реализовать²⁷. Поскольку победителей в гонке буржуазного мира за богатством, властью, престижем — ничтожное меньшинство (к тому же получающее свои привилегии большей частью по наследству), а потерпевших поражение — огромное большинство, растет число душевных расстройств, социальных болезней личности. Фактическая невозможность реализовать прокламируемые средствами массовой информации возможности «пробиться наверх» ощущается буржуазной личностью как личная неспособность, как жизненная катастрофа; она утрачивает смысл жизни, самоуважение. Таким образом, культура буржуазного общества втягивает человека в конкурентную гонку без всяких шансов на успех. Вся концепция «открытого общества», предполагающая высокую социальную мобильность буржуазного общества, оказывается построенной на песке.

Теории «открытого» и «закрытого» обществ имеют явно выраженную антикоммунистическую направленность, поскольку авторы всячески пытаются зачислить СССР и другие социалистические страны в число последних. Но

факты и тут бьют по апологетам капиталистической политической системы, ибо к социалистическому обществу, в котором государственные и партийные руководители вышли из народа, из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции, никак не применимо определение «закрытое». Если при капитализме общественными делами вершит ничтожное меньшинство — представители имущих классов, то при социализме высшие посты в государстве занимают представители трудящихся.

Сравним социальный состав конгресса США и Верховного Совета СССР. Как заметила американский конгрессмен Б. Абцуг, если бы конгресс был действительно представительным, если бы он был зеркалом американского общества, трудящиеся составляли бы большинство его членов, причем женщины — половину, негры — 11%. Однако люди, составляющие большинство американского общества, лишены своего представительства в конгрессе²⁸. Примерно две трети конгрессменов — юристы и высшие чиновники, около четверти — крупные собственники. Среди сенаторов собственников и высших чиновников — 24, юристов — 57, представителей свободных профессий — 12, прочих (фермеров, низших чиновников и т. д.) — 7²⁹. Среди них нет ни одного представителя рабочего класса, ни одного негра. Какой разительный контраст с этой антинародной парламентской машиной представляет социальный состав высшего органа государственной власти СССР! Более половины депутатов Верховного Совета СССР являются или начинали свою трудовую деятельность рабочими и колхозниками, остальные — представители трудовой интеллигенции, служащие.

* * *

Как видим, для элитаризма, как и для буржуазной социологии в целом, характерно извращенное толкование проблем демократии. Для многих элитаристов стало типичным стремление, спекулируя на популярности демократических лозунгов, замаскировать антидемократическую сущность своих концепций псевдodemократической фразеологией. Эти взгляды дополняются восхвалением политического плюрализма, якобы способного выявить волю масс, ибо правящая элита в плюралистических системах действует «в соответствии с волей большинства», а оппозиционная элита аккумулирует взгляды недовольных. Элитаристы отказываются от лозунгов равенства, провозгла-

шенных идеологами буржуазии XVIII века, в страхе, что они угрожают основам капитализма. Однако, пытаясь сохранить демократическую маску, элитаристы предлагают народным массам своего рода «утешение», заявляя, что хотя они и не могут управлять государством, но могут, во-первых, участвовать в выборах правящей элиты, и, во-вторых, «лучшие» из них, продемонстрировав свои способности и достижения, получают шанс пробиться в элиту. Но и этот суррогат «демократии» оказывается фальшивым.

Массы отнюдь не избирают правящую элиту (это — не более чем иллюзия, активно насаждаемая буржуазными социологами), которой в действительности является монополистическая буржуазия. Ведь существование элиты — следствие классового господства эксплуататорского меньшинства, обусловленного прежде всего частной собственностью на средства производства. Но именно вопрос о собственности на средства производства не является предметом демократического обсуждения на выборах — он принимается как нечто само собой разумеющееся. Экономическое господство монополистической буржуазии предопределяет ее политическое господство, независимо от того, какая партия оказывается у руля правления на очередной срок.

О лицемерии второго положения — о возможности для простого человека пробиться в капиталистическую элиту — уже говорилось выше. Тем не менее элитаристы цепляются за этот тезис. Т. Боттомор понимает, что элитаризм несовместим с принципом равенства, но готов на словах примириться с ним при условии, что «элита будет пополняться за счет представителей различных социальных страт на основе личных достижений»³⁰. Однако это — не более чем декларация, весьма далекая от капиталистической действительности. Даже такой консерватор, как З. Бжезинский, в уже цитированной нами книге «Между двух эпох» писал об угрозе демократии со стороны элиты, которая может добиться своих политических целей, используя новейшую технику для оказания влияния на поведение людей и контроля над ними. Это, впрочем, отнюдь не означает, что он превратился в поборника демократии. Американские критики Бжезинского справедливо сочли, что он выступает тут в роли провокатора, ибо сам он — сторонник именно «сильной власти» элиты.

Бюрократизация политической жизни капиталистических стран сводит на нет и так ограниченные буржуазно-

демократические свободы. По признанию Р. Кроссмэна, одного из влиятельнейших членов лейбористских кабинетов министров, делами Великобритании вершат в конечном счете не столько парламент, министры или даже премьер-министр, сколько элита бюрократии, государственный аппарат. Лишь номинально подчиненный правительству и парламенту, этот аппарат располагает мощными рычагами политической власти, тесно связан с миром бизнеса и финансов, является важной частью правящего класса и его властвующей элиты. Кроссмэн по существу подтверждает слова В. И. Ленина о том, что «настоящую "государственную" работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надуть "простонародье"»³¹.

Видный деятель лейбористской партии А. Бенн в вышедшей в 1981 году книге «Государство и безопасность» пишет о глубокой враждебности, существующей в недрах государственного аппарата Великобритании к рабочему движению, всем прогрессивным силам. Он приходит к выводу о том, что эта враждебность во многом обусловлена классовым происхождением тех, из кого формируются высшие эшелоны власти в Англии. Настроенная непримиримо в отношении рабочего класса своей страны, бюрократическая элита еще более враждебна другим народам, особенно народам социалистических стран.

«Демократический элитаризм», как и буржуазная идеология в целом, перепевает апологетические теории «бесклассовой» демократии, убедительно разоблаченные В. И. Лениным, который показал, что, «пока существуют различные *классы*..., можно говорить только о *классовой* демократии»³². Демократия буржуазная, даже руководимая либеральной элитой, — форма диктатуры буржуазии; социалистическая демократия означает отсутствие эксплуататорской элиты. «Капитал, раз он существует, — писал В. И. Ленин, — господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют»³³. Сами попытки соединения элитаризма с буржуазной демократией — свидетельство правоты марксистской оценки буржуазной демократии, служащей интересам привилегированного меньшинства.

В отличие от господствующих классов прошлого, открыто провозглашавших всевластие меньшинства, буржуазия прикрывает его лозунгом народоправия; она нуждается в маскировке своей власти и разработала хитроумные

механизмы этой маскировки. Известно, что буржуазная демократия прокламирует равенство всех перед законом, возможность каждого влиять на политический процесс. Однако это не более чем формальная декларация; власть де-факто осуществляет господствующий класс, а массы оказываются отстраненными от нее. «В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок — тем более искусных и верно действующих, чем развитее «чистая» демократия, — *отталкивают* массы от участия в управлении»³⁴, — подчеркивал В. И. Ленин. Это отстранение народных масс от управления, от политики в условиях буржуазной демократии предопределено уже тем, что реальная работа по государственному управлению сосредоточена в руках бюрократического аппарата и его элиты, что служит, как отмечал В. И. Ленин, «фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся»³⁵.

Сами буржуазные политологи вынуждены признать фактическое неравенство доступа к политическому управлению разных социальных групп. Это вытекает, во-первых, из того, что в руках экономически господствующего класса — богатство, позволяющее ему выдвигать на руководящие посты политических деятелей в зависимости от своей воли (многие из них сами являются членами этого класса, другие — подкупаются им, третьи подвергаются экономическому давлению). Во-вторых, члены экономически господствующего класса имеют прямой доступ к политической элите, располагают возможностью неформальных контактов с ней (в том числе через систему закрытых клубов). Иными словами, капиталисты, даже не являясь членами политической элиты, могут в случае необходимости быстро вступить в контакт с людьми, от которых зависит принятие политических решений. Наконец, монополистическая буржуазия осуществляет контроль над средствами массовой информации в капиталистических странах, что позволяет ей влиять на общественное мнение в желательном для нее направлении, а также иметь мощное средство давления на политическую элиту. Таким образом, важнейшие решения, принимаемые политической элитой, определяются в конечном счете интересами господствующего класса — монополистической буржуазии. Констатируя несовпадение деклараций буржуазных политиков с капиталистической действительностью, один из крупнейших авторитетов буржуазной политологии по проблемам политических систем Дж. Сартори пишет, что «демократия —

термин для обозначения того, что реально не существует»³⁶. А французский политолог К. Жульен издал в 1972 году книгу под характерным заголовком «Самоубийство демократии»³⁷.

Вопрос о структуре власти имеет по крайней мере два внутренне связанных, но различных аспекта, касающихся, во-первых, содержания власти (ответ на него требует анализа того, в руках какого класса она находится) и, во-вторых, формы ее осуществления, того, как она организована, каким образом функционирует, каковы методы ее реализации. Буржуазные политологи обычно оставляют в тени первый, центральный момент, абсолютизируя в то же время второй. При этом формальное равенство отождествляется с действительным, а формально-демократическая организация государственной власти — с подлинным народоправием. Ибо действительное народоправие смертельно опасно для капитализма. «Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться»³⁸, — писал В. И. Ленин. Отсюда и всемерное восхваление защитниками капитала ограниченной буржуазной демократии, утверждения о ее внеклассовом характере.

Выше уже отмечалось, что марксизму-ленинизму отнюдь не свойственно нигилистическое отношение к буржуазной демократии, недооценка ее роли и значения. «Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей, — отмечал В. И. Ленин. — И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им»³⁹. А это дает возможность трудящимся во главе с пролетариатом вести организованную борьбу против аппарата угнетения масс.

В то же время установление действительного, а не формального равенства неотделимо от уничтожения эксплуатации человека человеком. Буржуазное государство, в том числе и демократическое, есть форма диктатуры эксплуататорского меньшинства, прикрывающая ее антинародное, антидемократическое содержание. Для того чтобы трудящиеся, гигантское большинство общества, действительно решали государственные вопросы, власть должна находиться в руках класса, интересы которого совпадают с интересами этого большинства. «Если же политическая

власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства»⁴⁰.

Элита и внешняя политика. Одной из самых элитарных, недемократических областей социальной жизни капиталистических стран является, по всеобщему признанию, внешняя политика. Буржуазными политологами считается, что именно тут решения должны приниматься узкой группой «посвященных» и ответственных лиц, келейно, за закрытыми дверями. Массы не должны допускаться в «святая святых» элиты; им предназначается иная роль: роль объектов политики. В прошлом, как писал У. Липпман, по всеобщему разумению, роль народных масс во внешней политике заключалась в том, чтобы платить налоги, поставлять рекрутов и, если надо, умирать по решению правительства, но ни в коем случае не мешать им осуществлять свой внешнеполитический курс. Ныне же элите приходится принимать во внимание реакцию народных масс на тот или иной шаг, что «усложняет» и «искажает» внешнеполитическую деятельность элиты. Именно в этом Липпман видел причины провалов во внешней политике капиталистических стран во второй половине XX века.

Дипломатическая элита в истории эксплуататорских обществ всегда была замкнутой группой привилегированных. Карьера дипломата считается одной из самых престижных. Область внешней политики господствующий класс никогда не выпускал из своих рук. Высшие дипломатические посты монополизировались выходцами из верхушки господствующего класса (что само по себе обеспечивает осуществление воли этого класса во внешней политике). Господствующий класс выступает субъектом внешнеполитической деятельности, в его руках находится государственная машина, служащая инструментом подавления эксплуатируемого большинства.

В классовом подходе к внешней политике заключается важнейший принцип марксистско-ленинского анализа внешнеполитической деятельности. На определенных этапах исторического развития тех или иных капиталистических стран внешнеполитические интересы господствующего класса могут совпадать с интересами народных масс, но это временное совпадение; в целом внешнеполитическая элита выражает классовый интерес господствующего меньшинства общества, противоположный интересам народных масс. Отсюда и стремление держать в тайне от

масс область внешней политики, отсюда и традиционная «тайная дипломатия» эксплуататорских классов. Именно такой виделась дипломатия Талейрану и Меттерниху, Бисмарку и Пальмерстону, Риббентропу и Чемберлену. Разглагольствования буржуазных идеологов о том, что Запад перешел к «открытой дипломатии», которые ведутся уже много десятилетий, начиная с «14 пунктов» американского президента Вильсона, не более чем демагогия и одновременно вынужденная реакция империализма на миролюбивую внешнеполитическую деятельность социалистических стран, становящуюся все более привлекательной и авторитетной в глазах миллионных народных масс. Радикальная демократизация внешней политики, осуществленная с первых шагов Советской власти, оказала огромное влияние на современные международные отношения, современную дипломатию.

Буржуазные политики и идеологи вынуждены как-то реагировать на изменение ситуации в современных международных отношениях, приспособляться к ней. Более того, они пытаются перехватить инициативу, претендуя на некую «открытость» своей внешней политики, ее «широкую гласность». Об этом свидетельствует, в частности, демагогическая кампания «демократии и публичной дипломатии», которую стремится организовать администрация Р. Рейгана. Однако это не более чем камуфляж, характерный пример тактики «краденых лозунгов», к которой все чаще прибегают на Западе в современных условиях. Для прессы, для общественного мнения приоткрывается лишь верхняя часть айсберга, что создает видимость, глубоко противоречащую сущности империалистической внешней политики. Совершенно очевидно, что подобная тактика — свидетельство не силы, а слабости буржуазной идеологии и политики. Задачей внешнеполитической и идеологической элиты является не реализация интересов и воли народных масс, но воздействие на массы, на общественное мнение, стремление представить классовый интерес монополистической буржуазии как интерес общенародный. Иначе говоря, элита всегда пытается «обрабатывать» общественное мнение в выгодном для себя духе, опираясь при этом на принадлежащие ей средства массовой информации. Так, английские социологи Л. Филд и Дж. Хайли пишут, что в силу идеологических причин элита представляла американцам интервенцию США во Вьетнаме «не как колониальную авантюру, хотя именно так ее воспринимало большинство людей мира, но как по-

мощь народу Южного Вьетнама»⁴¹. Подавая соответствующим образом информацию, элита стремится добиться одобрения разбойничьего нападения США на Гренаду в 1983 году, засылку вооруженных банд на территорию Никарагуа и т.д.

Мнимая «открытость» буржуазной дипломатии есть на деле попытка противодействия подлинно открытой, подлинно народной внешней политике социалистических стран, попытка получить рычаг воздействия на общественное мнение для манипулирования им, для дезинформации масс, для фабрикования нужных буржуазии мнений в целях исключения влияния масс на политику. Таким образом, чисто внешняя «публичность» буржуазной дипломатии — всего лишь маскировка для сокрытия антинародной и эгоистической политики монополистической элиты. Выступая на IX съезде РКП (б), В. И. Ленин говорил: «Капиталистическое общество все, что особенно интересует граждан — их экономические условия существования, война и мир, — все это капиталистическое общество решает тайком от самого общества; самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже обманывают и парламент»⁴².

Внешняя политика капиталистических государств в конечном счете направляется интересами монополистической буржуазии, стремящейся к получению максимальных прибылей внутри страны, к систематической эксплуатации и экономическому закабалению народов других стран (особенно развивающихся), к получению выгодных военных заказов. С милитаризацией экономики, нагнетанием милитаристского психоза возрастает влияние военной элиты на внешнюю политику. Военная верхушка — это плоть от плоти монополистической буржуазии, в основном выходцы из богатых семей. Доступ в генеральский корпус представителям рабочего класса и фермерства фактически закрыт. Нельзя сбрасывать со счетов и внутреннюю дифференциацию монополистов, среди которых наряду с наживающимися на гонке вооружений и заинтересованными в обострении международной напряженности есть круги, считающие выгодным расширение международных торговых связей, выступающие за мирное сотрудничество государств, за замораживание ракетно-ядерных потенциалов.

Проводником интересов монополистической буржуазии в международных отношениях является внешнеполитическая элита. В узкий круг вершителей внешней политики

Допускаются лишь «избранные» представители правящего класса, чья преданность этому классу доказана многолетней карьерой. Все это приводит к тому, что важнейшие внешнеполитические решения, влияющие на судьбы миллионов людей, принимаются в интересах господствующего меньшинства относительно узкой группой выходцев из богатейших семейств, в глубокой тайне от масс.

Обратимся к цитадели капиталистического мира — США. Характерны признания буржуазных социологов, описывающих процесс выработки внешней политики в этой стране. У. Домхофф пишет, что власть имущие в США — ничтожное меньшинство населения, всего несколько сот тысяч человек, но именно этому меньшинству принадлежат прерогативы формирования внешнеполитического курса страны. Он описывает четыре главных канала, которые обеспечивают элите доминирование во внешней политике США: во-первых, члены господствующего меньшинства используют различные средства давления на правительство для обеспечения принятия нужных внешнеполитических решений; во-вторых, сам процесс формирования внешней политики есть выражение интереса правящего класса; в-третьих, существует отбор кадров на высшие внешнеполитические посты, обеспечивающий правящему классу контроль за принятием решений; наконец, важную роль играет идеологическая обработка населения. «Процесс формирования политики начинается в апартаментах корпораций и заканчивается в недрах правительственного аппарата в Вашингтоне, куда не допускаются журналисты и социологи»⁴³, — продолжает Домхофф. Элементами этого процесса являются научно-исследовательские институты и «мозговые тресты», финансируемые монополиями и работающими по их прямым заказам. Один из руководителей такого рода учреждений, исследующих внешнеполитические проблемы, Б. Мэннинг признает, что вопросы внешней политики Соединенных Штатов сосредоточены в руках узкого круга людей при игнорировании общественности⁴⁴.

Среди организаций правящего класса США, специально созданных для разработки внешнеполитического курса, ведущее место американские исследователи отводят «совету по внешней политике», в котором представлены крупнейшие банки и корпорации страны. Совет вырабатывает рекомендации правительству по вопросам внешней политики, во многом обеспечивает рекрутирование внешнеполитической элиты США. Все важнейшие назначения в госу-

Дарственным департаменте Дж. Картер сделал из числа членов совета или по его рекомендации. Избранный президентом в 1980 году Р. Рейган также внимательно прислушивался к рекомендациям совета при формировании своего внешнеполитического курса. «Совет по внешней политике» знакомит членов властвующей элиты с внешнеполитическими проблемами, выявляет совокупный интерес монополистической буржуазии США в международных проблемах, способствует преодолению возникающих внутри правящей элиты разногласий и конфликтов. Организации типа «совета по внешней политике», «совета бизнеса», «американской ассамблеи» Домхофф называет «планирующими политику и вырабатывающими консенсус» организациями правящей элиты. Именно «совет по внешней политике» разработал для администрации Рейгана рекомендации по «ужесточению» курса отношений с Советским Союзом, по наращиванию гонки вооружений. Так, в докладе «комиссии по американо-советским отношениям», подготовленном советом, говорилось: «Советский Союз ликвидировал американское преимущество в стратегических ядерных вооружениях, нейтрализовал и изменил соотношение ядерного оружия на европейском театре... Это представляет собой политический вызов Соединенным Штатам». И далее: «Для того чтобы справиться с возросшей ответственностью.., мы должны иметь более крупные вооруженные силы»⁴⁵.

Итак, принятие внешнеполитических решений полностью контролируется элитой. Одновременно фактическое положение вещей всячески вуалируется официальными буржуазными политологами с помощью ссылок на политический плюрализм в капиталистических странах, который якобы обеспечивает реализацию воли народа в вопросах внешней политики, ибо на выборах массы дают определенной партии мандат на осуществление провозглашенной внешнеполитической линии. Но это — чистой воды демагогия. Как пишет тот же Домхофф, когда одна из двух буржуазных партий США — демократическая или республиканская — одерживает победу, «не существует механизмов, обеспечивающих выполнение ею обещаний, которые помогли ей прийти к власти». Так, Л. Джонсон получил миллионы голосов избирателей, представив менее воинственную программу, чем его соперник Б. Голдуотер (1964 г.), а затем выполнил, по существу, программу Голдуотера по эскалации позорной войны во Вьетнаме. Дж. Картер клялся избирателям, что «никогда не будет обманывать» их,

а сам, обещав сократить военные расходы (на 5—7 млрд. долл.), в действительности увеличил их. Р. Рейган обещал сбалансировать бюджет страны, а на деле дефицит бюджета из-за фантастических военных расходов небывало возрос; одновременно Рейган нанес удар миллионам своих обездоленных соотечественников, сократив ассигнования на социальные нужды.

Исследователи внешнеполитической элиты США отмечают, что в ее состав входят, во-первых, кадровые дипломаты, которые рекрутируются из выпускников привилегированных университетов (в частности, Джорджтаунского) и полностью вписываются в портрет типичного представителя американской политической элиты — белый, протестант, выходец из семейства, обладающего значительным состоянием в течение ряда поколений; во-вторых, так называемые «аутсайдеры», непрофессионалы (доля этой части внешнеполитической элиты имеет тенденцию к возрастанию, что отнюдь не означает оздоровления внешнеполитического ведомства США). «Аутсайдеры» — это прежде всего владельцы контрольных пакетов акций крупнейших корпораций и банков. Часто финансовые тузы, не желая доверять эту, приобретающую все более важное значение, сферу политики профессиональным чиновникам, сами занимают стратегические позиции во внешнеполитической иерархии. На престижные посты послов США в ряде крупных стран президенты США нередко назначают капиталистов, внесших крупные денежные вклады в финансирование их избирательных кампаний. Но кто бы ни занимал высшие посты в государственном департаменте США — «инсайдеры» или «аутсайдеры», — монополии прочно держат в своих руках основные рычаги управления внешнеполитическим процессом.

Важную роль в выработке американской внешней политики играет «второй эшелон» административной элиты США, включающий заместителей и помощников членов кабинета, глав ряда ведомств, советников президента, руководящих чиновников государственного департамента. Именно эти люди во многом определяют атмосферу, в которой происходит принятие правительством США важнейших внешнеполитических решений. В администрации Рейгана это, как правило, представители крайне правого фланга американского политического спектра. Не случайно внешнеполитические шаги реигановской администрации имеют откровенно милитаристский, антисоветский характер. Внешнеполитическая элита США несет прямую ответ-

ственность за поворот от разрядки международной напряженности к конфронтации.

Как отмечает американский элитарист А. Бартон, после поражения во Вьетнаме и позора Уотергейта в американской элите произошел серьезный раскол, сменивший существовавший ранее относительный консенсус. На часть либеральной элиты, выступавшую за сдержанность и реализм во внешней политике, стали возлагать ответственность за то, что США, по выражению американских консерваторов, оказались на «позициях слабости», которые следует преодолеть гонкой вооружений и нагнетанием напряженности в отношениях с СССР. В 80-е годы верх взяла группировка, наиболее тесно связанная с военно-промышленным комплексом, группировка, которая отвергает разрядку, ориентируется на обострение международной напряженности, пытается сломать примерный ракетно-ядерный паритет, сложившийся в мире.

Хотя монополистическая буржуазия сумела повлиять на сознание значительных слоев американского населения, навязать им антикоммунистические стереотипы, не следует преуменьшать противоречия между американскими элитами и массами по вопросам внешней политики. Интересное исследование по этому вопросу провели в 1983 году американские социологи Э. Уиткопф и М. Мэджито⁴⁶. Они попытались прежде всего ответить на вопрос: занимают ли элита и массы в США единые позиции по вопросам внешней политики, прежде всего по вопросу о роли США в современном мире. Эмпирическое исследование, проведенное ими, дало однозначный ответ — имеет место существенное различие, достигающее до противоположности. Авторы попытались дать ответ и на вопрос о том, в чем причины этих расхождений. Тут их выводы гораздо менее убедительны. Указанные расхождения они считают следствием функциональных различий между элитой и массами, следствием того, что элита имеет полный доступ к внешнеполитической информации и принимает внешнеполитические решения, а массы слабо разбираются во внешнеполитических вопросах и не слишком стремятся в них разбираться. Авторы не хотят видеть, что выявленные ими различия и противоположности вытекают из противоположности интересов элиты и народных масс.

Ход мирового исторического развития убедительно свидетельствует о том, что империалистическая внешняя политика приходит во все большее столкновение с жизненными интересами широчайших масс трудящихся, осуж-

дается ими. Вместе с тем монополистическая буржуазия ныне не в состоянии осуществлять свое господство, не создавая видимости опоры в массах; она вынуждена систематически апеллировать к «общественному мнению» (искусственно фабрикуемому ею же), стремится оказать всестороннее идеологическое давление. Можно сформулировать положение, которое на первый взгляд — в условиях возрастающего влияния народных масс на мировую политику — выглядит парадоксальным: никогда еще в истории не было периода, когда действиями миллионов людей, судьбами целых народов манипулировали бы столь беззастенчиво, как это делает сейчас империалистическая элита, в руках которой современные средства массовой информации стали невиданными инструментами воздействия на умы и чувства миллионов людей. С помощью этих средств ведется небывалая кампания социально-психологической обработки народных масс. В ее основе лежит стремление примирить их с гонкой вооружений, которая дает якобы работу миллионам людей (хотя экономисты давно подсчитали, что, если средства, вкладываемые в наращивание вооружений, инвестировать в мирные отрасли экономики, число рабочих мест значительно возрастет), приучить их к мысли об «ограниченной» ядерной войне, о возможности победы в атомной битве. Ставки в этой циничной игре элиты чудовищны — угроза глобальной войны, уничтожение сотен миллионов людей.

Западные элитологи, например Л. Филд и Дж. Хайли, справедливо отмечая, что современная эпоха — эпоха жгучих, небывало сложных международных проблем, делают неправомерный вывод о том, что разрешить их по плечу только квалифицированной внешнеполитической элите⁴⁷. Эти элитологи указывают на возрастание роли глобальных проблем в современном мире — экологической, энергетической, продовольственной и др. Но, с их точки зрения, разрешить эти проблемы может только элита. Из всех глобальных проблем современности центральной является, безусловно, проблема войны и мира. Это — поистине вопрос всех вопросов. Как же предлагают решать его элитологи? Их решение не отличается оригинальностью. Оно идет все в том же элитаристском ключе. Те же Филд и Хайли возлагают надежду на элиту, которая в современном хрупком мире должна действовать особенно осмотрительно.

Что ж, можно согласиться с тем, что в условиях наличия оружия глобального уничтожения роль внешнепо-

литической элиты резко возрастает. Но вот вывод о том, что в вопросах войны и мира ныне целиком приходится уповать на ответственность внешнеполитических элит, представляется не только весьма спорным, но и опасным. Считать, что мир во всем мире целиком зависит от внешнеполитической элиты — значит подвергать мир смертельной опасности. Ибо империалистическая элита — во всяком случае ее наиболее консервативные силы — готова во имя своих узкоклассовых целей поставить мир на грань ракетно-ядерной войны. Это в ее недрах родились печально известные лозунги «лучше быть атомизированным, чем коммунизированным» и «есть вещи поважнее, чем мир». Сохранение мира во всем мире гарантирует не «квалифицированная» внешнеполитическая элита, а активность миллионных народных масс, которые берут дело мира в свои руки, а не передоверяют его даже самой искушенной внешнеполитической элите.

Мир ныне — условие самой жизни людей, сохранения человеческой цивилизации, сохранения всего живого на Земле. Это налагает огромную ответственность на народные массы, требует их максимальной включенности в процесс мировой политики, иначе поджигателям войны удастся осуществить свои человеконенавистнические планы. В свое время Наполеон говорил о том, что война — слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверять военным. Перефразируя Наполеона, скажем, что мир — слишком серьезная вещь, чтобы доверять его империалистическим политикам. И чем больше народные массы осознают свою огромную ответственность за дело мира, тем более прочным будет мир.

Следует отметить, что именно угроза термоядерной войны оказывается ныне причиной возрастания интереса к вопросам внешней политики со стороны даже тех слоев населения, которые ранее стояли вне политики. И правящей элите ныне невозможно игнорировать это обстоятельство, что само по себе играет роль сдерживающего фактора по отношению к агрессивным планам империализма. Закон возрастания роли и активности народных масс в историческом процессе в полной мере проявляется в области современных международных отношений. В нашу эпоху впервые в истории человечества широчайшие массы трудящихся осознают свою заинтересованность в вопросах внешней политики; они не желают мириться с тем, чтобы история творилась элитой эксплуататоров, чтобы вопросы войны и мира решались без них и против них.

ГЛАВА V

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ ИЛИ ЕДИНОВЛАСТИЕ ЭЛИТЫ?

Развитие государственно-монополистического капитализма накладывает глубокий отпечаток на характер формирования и структуру политической власти в капиталистических странах, в частности в США. Усиление исполнительной власти, невиданный рост военно-бюрократической машины, вмешательство полицейского аппарата в общественную, а порой и личную жизнь, снижение роли представительных учреждений — все это не может не угрожать традиционным буржуазно-демократическим институтам, вызывает тревогу не только рабочего класса, трудящегося фермерства, широких кругов интеллигенции, но и определенных слоев буржуазии и их идеологов. Эти процессы не могли не получить определенного отражения в буржуазной социологии, где отмечается пересмотр (причем отнюдь не безболезненный) ряда концепций и доктрин, популярных в 50 — 70-х годах. Объектом острой полемики стала, в частности, структура политической власти в развитых капиталистических странах, прежде всего в США. Центральный вопрос этой полемики — является ли политическая система современных Соединенных Штатов образцом «плюралистической демократии» или же это элитарная структура. И в этом случае не является ли концепция политического плюрализма сознательно насаждаемой иллюзией?

Кризис политического плюрализма. Теория политического плюрализма в последние десятилетия была не просто широко распространенной, она практически безраздельно господствовала в буржуазной социологии и политологии, оставаясь и ныне дежурным, наиболее распространенным объяснением и оправданием буржуазной демократии. Плю-

ралистические теории способствовали внедрению в массовое сознание образа справедливой демократической системы учитывающей интересы всех групп населения¹. Этот образ, всемерно популяризовавшийся буржуазными средствами массовой информации, направлен на маскировку действительной власти монополий и выполняет вполне определенные идеологические функции. Плюралистическая концепция как нельзя более импонирует и буржуазным политическим деятелям, и теоретикам политологии академического плана: ее положения выглядят заманчиво либеральными «бесклассовыми», «деидеологизированными». Не случайно плюрализм в современной буржуазной идеологии стал чуть ли не синонимом демократии.

Теоретики плюрализма — Д. Трумэн, С. Липсет, Р. Даль и другие, менее известные, охотно ссылаются на то, что они — наследники демократических философских и политических традиций, связанных с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье отцов-основателей США — прежде всего Т. Джефферсона идеологов либерализма XIX века — Дж. Милля, А. де Токвиля. Казалось, ничто не предвещает заката эры торжества плюрализма. Однако симптомы этого заката уже стали обозначаться.

Один из парадоксов концепций «плюралистической демократии» заключается в том, что ее безраздельное торжество в буржуазной политической науке относится к периоду, когда объяснение социально-политического процесса в капиталистических странах с позиций плюрализма всего уязвимей. Модель плюралистической структуры с ее постулатами дисперсии власти в империалистических государствах обнаружил несоответствие с явно выраженными тенденциями концентрации и централизации власти. Собственно, концепция «плюралистической демократии» никогда не раскрывала сущности социально-политических отношений капитализма. Ее можно рассматривать как модель идеализированной и романтизированной буржуазной демократии периода капитализма свободной конкуренции. Но как раз в прошлом политический плюрализм активно оспаривался в буржуазной политологии. Именно в период государственно-монополистического капитализма, когда плюралистическая модель в наименьшей степени коррелируется с действительностью она оказалась превалирующей в буржуазной политической науке и пронизывающей официальные выступления западных политиков².

Действительно, буржуазные политики охотно рассуждают о плюрализме. Это характерно, в частности для прези-

дентов США — Р.Никсона, Дж. Картера, Р.Рейгана. В речи, произнесенной в университете штата Джорджия 31 августа 1979 г., Дж. Картер подчеркнул: «Мы гордимся нашим многообразием. Наше плюралистическое общество — важный источник жизненной и созидательной силы Америки». Вместе с тем он добавил: «Но мы не должны допустить, чтобы это многообразие вылилось в раскол, в разобщенность»³. Плюрализм допустим только в рамках общего «консенсуса». Итак, плюрализм в дозволенных рамках, в рамках государственно-монополистического статус-кво...

Теория политического плюрализма стала банальным общим местом буржуазной политической науки, неким символом общей веры. Но веры без достаточных оснований. Она торжествует тогда, когда лишь отворачивающийся от действительности не видит превалирующей тенденции политической жизни капиталистических стран — концентрации и централизации власти, упадка значения представительных учреждений и традиционных буржуазно-демократических институтов *. Поэтому торжество это похоже на пир во время чумы. Ибо давно подточены сами основы плюралистических теорий.

В модели «плюралистической демократии» ни один класс или группа населения не обладает монополией власти; организации, выражающие их интересы, выступают как «группы давления» на государственный механизм, который рассматривается как «бесклассовый». В этой модели «диффузии власти» последняя расщеплена между всеми социальными группами; при этом игнорируется социально-классовая природа этих групп, и вся концепция не может не носить явно апологетического характера. Подобная теория преследует цель завуалировать классовую сущность политической власти в условиях государственно-монополистического капитализма, классовую сущность буржуазного государства, представить его как выражение воли всего народа.

Известно, что плюрализм рисует социально-политический процесс в капиталистических странах как конкуренцию и компромисс между множеством «заинтересованных групп», которые соперничают в разделе «сладкого пирога» —

* Подобная «политическая слепота» вообще типична для идеологии, ставшей апологетической, охранительной, отстаивающей статус-кво. По отношению к буржуазной идеологии вполне применима мысль Н. Бердяева о том, что, когда идеология находится в зените своего влияния и распространения, она наверняка уже утратила свои основания.

благ и преимуществ, создаваемых системой «индустриального общества». Взаимная конкуренция этих групп, по мнению сторонников этих теорий, страхует общество от того, чтобы одна из групп «стала доминирующей элитой». Предполагается, что «заинтересованные группы» через свои организации могут влиять на политическую систему, участвовать в социальном контроле и управлении, причем не столько навязывая свою волю другим группам, сколько создавая коалиции, блокируя угрозы своим интересам, возникающие как со стороны государственной власти, так и со стороны других групп.

Модель «плюралистической демократии» претендует на целостное описание «демократического процесса» в современном обществе, в котором якобы «по техническим» (не по классовым!) причинам не может быть осуществлена прямая демократия. Хотя индивидум не участвует непосредственно в выработке политики, предполагается, что он может вступить в формальную организацию, способную влиять на правительство в нужном ему направлении. Плюралисты исходят из того, что дифференцированность современного общества, включающего большое число групп — профессиональных, религиозных, этнических, региональных, — создает потенциал для образования организаций, выражающих их дифференцированные интересы. Вопрос о классовых различиях и классовой борьбе тщательно обходится как «марксистские крайности» (кстати, на этом основании игнорируется и марксистская критика плюралистических теорий). Организации пролетариата — профсоюзы, партии — рассматриваются не как организации для ведения классовой борьбы, а лишь как средство усиления определенных групповых позиций в системе капиталистических отношений, прежде всего на рынке труда.

Классическими работами по проблемам «плюралистической демократии» считают книгу А. де Токвиля «Демократия в Америке», а также труды современных авторов — Д. Трумэна, Д. Рисмена, Р. Даля. Так, Даль пишет: «Основная аксиома в теории и практике американского плюрализма такова: вместо единого центра суверенной власти должно быть множество таких центров, ни один из которых не должен быть полностью суверенным». Он утверждает, что это дает возможность «гражданам и лидерам проявить свое искусство мирного улаживания конфликтов»⁴. Беда лишь в том, что идеализированный портрет буржуазной демократии разительно отличается от государственно-монополистической действительности. Гораздо правдивее

слова Ч. Рейча о «закате свободы и демократии» в США. «Нация, — пишет он, — постепенно превращается в жесткую менеджерскую иерархию с небольшой элитой и огромной массой, лишенной гражданских прав. Демократия быстро теряет почву по мере того, как власть во всевозрастающей степени захватывается гигантскими менеджерскими институтами и корпорациями; решения принимаются экспертами, специалистами и профессионалами, надежно изолированными от народа»⁵.

Отметим, что мы далеки от мысли отрицать относительную самостоятельность государства по отношению к экономическому базису, особенно современного капиталистического государства, роль которого значительно возросла. Но дело в том, что теоретики плюрализма преувеличивают и абсолютизируют эту роль. Можно принять положение плюралистов о том, что различные группы господствующего класса проявляют неодинаковую заинтересованность в решении различных политических проблем, что не одинаково их влияние в принятии тех или иных политических решений. Однако это отнюдь не дает оснований рассматривать государство не как инструмент классового господства, а как орган достижения соглашения между различными группами населения. Можно согласиться с тем, что в современном буржуазном государстве имеет место определенное разделение полномочий между различными социально-политическими организациями, но все дело в том, что это — организации господствующего класса. Столь же мало оснований у плюралистов делать вывод о том, что правящий класс элиминирован, заменен «группами по интересам» со своими элитами, отстаивающими свою функциональную компетентность в руководстве отдельными сторонами жизнедеятельности общества.

А именно так изображает дело признанный теоретик плюрализма Д. Трумэн, для которого политика — функция от отношений заинтересованных групп, а государство выполняет роль «честного маклера». Причем заинтересованные группы стремятся повлиять на государственный механизм, выступая как группы давления. В этом плане американские политологи особо подчеркивают роль лобби-групп, таких как национальная ассоциация промышленников, торговая палата США, национальная организация фермеров, АФТ-КПП и др. Лоббизм принят на вооружение многими либеральными, реформистскими группами, профессиональными ассоциациями и т. д. Однако главное в системе лоббизма — то, что им исключительно активно за-

нимается большой бизнес; и в количественном, и в качественном отношении ему принадлежит здесь господствующее положение⁶. Можно согласиться с американским политологом Э. Шаттшнайдером, отметившим, что система лоббизма недостижима для 90% населения США и, следовательно, идет на пользу верхним 10%, предоставляя им широкий простор для прямого или косвенного подкупа законодателей. Недаром ряд американских конгрессменов выражает опасения по поводу растущей роли лоббистских организаций в финансировании избирательных кампаний законодателей⁷. На избирательную кампанию 1980 года в США было израсходовано около 1 млрд. долл. Дж. Рокфеллер истратил на свое переизбрание губернатором Западной Вирджинии 12 млн. долл. — каждый голос, поданный за него, обошелся в 30 долл. А далеко не все кандидаты в законодательные органы так богаты, как Дж. Рокфеллер. Поэтому легко объяснима их податливость по отношению к богатым лобби-группам.

Как отмечают американские политологи У. Домхофф, Р. Уотсон⁸ и др., лишь незначительное меньшинство американцев может оказать влияние на характер и направление внутренней и особенно внешней политики страны. В результате, по словам Р. Миллса, Соединенные Штаты управляются не самыми лучшими, способными гражданами, но выходцами из узкого круга элиты, главным образом из богатейших семейств Америки.

Р. Миллс своей книгой «Властвующая элита» нанес по идеологии плюрализма ощутимый удар. «Американцы никак не хотят отказаться от представления, что государство — это своего рода автомат, действие которого регулируется принципом взаимовзвешивания противоборствующих интересов», — иронизирует Миллс. «Когда говорят о «равновесии сил», — продолжает он, — это вызывает представление о «равенстве сил», а равенство сил выглядит как нечто вполне справедливое и даже почетное. Но то, что для одного человека фактически является почетным равновесием, для другого часто оказывается несправедливым отсутствием равновесия. Господствующие группы охотно, конечно, декларируют существование справедливого равновесия сил и подлинной гармонии интересов, ибо они заинтересованы в том, чтобы их господство ничем не прерывалось и не нарушалось»⁹. В действительности, как показал Миллс, властвующая элита безраздельно господствует в американском обществе, вследствие чего «все разговоры о демократии в США звучат как издевательство»,

Близкие идеи, хотя и не в столь радикальной форме, развивал Ф. Хантер. Исследуя структуру власти в городе Атланта (штат Джорджия), он показал, что все городские заправилы принадлежат к миру финансистов, что они объединены по интересам в несколько клик, которые сговариваются между собой по важнейшим вопросам. Вывод его был однозначен: настоящая структура власти ущемляет интересы большинства в пользу интересов элиты¹⁰.

Реакция на работы Миллса и Хантера со стороны теоретиков господствующих направлений социологии и политологии была резко враждебной. Тем не менее после выхода в свет книги «Властвующая элита» каждый, пишущий о структуре власти в США с позиций плюрализма, должен был искать аргументы против концепции Миллса. Этими поисками отмечены работы плюралистов конца 50 — начала 60-х годов. Р. Даль обвинял Миллса в «логической неубедительности» и отсутствии эмпирических доказательств¹¹. Не выдвигая убедительных аргументов по существу, Д. Белл назвал взгляды Миллса «вульгарной социологией». Он, в частности, писал: «Даже если, как настаивает Миллс, американская политика определяется элитой, стоит указать, что эта элита... созидательная»¹². В своей нашумевшей книге «Конец идеологии» Белл посвящает целую главу критике концепции Миллса, где утверждает, что автор неточно употребляет термин «элита», что он дает не эмпирический анализ власти в США, а лишь схему, причем «неудовлетворительную». Постоянным нападкам подвергается и книга Хантера. Ее критики, в частности Д. Риччи, утверждают, что «невозможно» доказать власть элиты, ибо она не является явной; что клики, описанные Хантером, не связаны постоянно между собой, а вступают во временные отношения друг с другом¹³. При этом слабость аргументов восполняется сильными эпитетами по адресу Миллса и Хантера.

Одним словом, в 60-х годах в США и Западной Европе резко усиливается критика элитарных концепций, главным образом со стороны плюралистов. Ибо с изданием книг «Властвующая элита» Миллса и «Верхний руководящий слой США» Хантера обнаружилось, что анализ политической структуры современных капиталистических стран, выявляющий дихотомию элита — масса, может служить разоблачению куцега и лицемерного характера буржуазной демократии. С воспеваемого буржуазной идеологией «свободного мира» срывается псевдодемократическая маска, без которой буржуазные теоретики чувствуют себя неуверен-

но. Д. Белл, Р. Даль, Д. Трумэн участвуют в травле Р. Миллса, показавшего, что буржуазная «демократия» предстает фактическим господством элиты финансового капитала.

Д. Трумэн нападает на Миллса, а заодно и на У. Липпмана, анализировавшего политическую систему США с прямо противоположных методологических позиций, за то, что они жестко противопоставляют элиту и Массу, причем Липпман считает американскую систему «всевластием масс», а Миллс — всевластием элиты. Трумэн утверждает, что оба они неправы, что распределение власти в США намного сложнее: между элитой и массами стоят многочисленные ассоциации, «группы давления», профсоюзы, политические партии и т. д.¹⁴. Одна из книг Р. Даля — «Кто правит?» — прямо направлена против Ф. Хантера. Изучая структуру политических отношений в Нью-Хейвене (штат Коннектикут), он сделал вывод, что политическая элита не является одновременно экономической и социальной элитой; сфера каждой из элит ограничена ее компетенцией, причем взаимная конкуренция заставляет их «чутко реагировать на нужды избирателей». Либеральная демократия, с точки зрения Даля, — это и есть «повседневный плюрализм», плюрализм в действии. Этот вывод повторен им в книге «Демократия в Соединенных Штатах — обещания и дела»¹⁵.

Критика Миллса раздалась и со стороны элитаристов, «функциональных» по отношению к государственно-монополистическому капитализму, напуганных его радикальной позицией. Не случайно Дж. Мейсел назвал Миллса «отцеубийцей» старой теории элиты. Потребовались «спасательные работы» по модификации элитаризма, смысл которых заключался в том, чтобы изменить его форму, но сохранить содержание. Большинство западных социологов стали требовать отказаться от понятия единой элиты, годного, по их словам, лишь для низкоорганизованных обществ, и признать множественность элит; они нашли, что «удобнее» говорить не о единой властвующей элите, а о плюрализме элит, о «распылении власти», маскируя, таким образом, господство финансовой олигархии. На IV Международном социологическом конгрессе В. Гэттсмен заявил, что понятие единой элиты не может быть отнесено к «индустриальным обществам», а Дж. Мейсел утверждал, что ясно очерченная дихотомия элита — масса достаточна лишь для начального анализа политических систем и что ее необходимо уточнить и дифференцировать. Он признал, что теория элиты зашла в тупик, что по мере усложнения социально-политической

структуры общества элиты распадаются до понятия, которое становится «саморазрушающимся».

Действительно, когда насчитывают множество элит, когда их находят в любом социальном слое, то общество рассматривается как баланс противоборствующих сил, различных групп (причем интересы каждой социальной группы выражает ее элита). Но о последнем обстоятельстве уже не обязательно упоминать: при данном подходе понятие «элита» настолько измельчено, что его можно вынести «за скобку» и утверждать, что общество представляет собой баланс «заинтересованных групп» (по терминологии Д. Трумэна) или «вето-групп» (термин Д. Рисмена). Элитарные теории оказались интегрированными политическим плюрализмом. В этих концепциях элиминируется понятие «правлящая элита», хотя они и исходят из элитарных установок. Можно согласиться с К. Прюитом и А. Стоуном, которые пишут о существовании в западной социологии плюралистических теорий двух типов: плюрализм I — теории «вето-групп», плюрализм II — теории множества элит¹⁶. Различия их явно несущественны: это «чистый плюрализм» (I) и несколько «разбавленный» (II).

Поэтому явно ошибочна квалификация элитного плюрализма как концепции, находящейся посередине между плюрализмом и элитаризмом, как «разумного компромисса» между этими «крайностями». В действительности теории элитного плюрализма — вариант именно плюралистической идеологии. Столь же малообоснованны попытки на интегрирование элитаризма и плюрализма путем их эклектического соединения, которые предприняли К. Долбеар и М. Эдельман, заявляющие, что «ни элита, ни масса не безвластны»¹⁷ и что решение вопроса о том, на чьей стороне власть, требует каждый раз конкретного анализа конкретных ситуаций.

Промежуточную позицию между элитаризмом и плюрализмом пытаются занять и многие сторонники концепций «социальной мобильности», считающие, что та или иная «общественная страта», опираясь на свою организацию, в определенный момент может участвовать в осуществлении государственной власти. По существу же перед нами всего лишь «ослабленные» варианты плюрализма. Разногласия между «чистым плюрализмом», элитным плюрализмом, теориями «социальной мобильности» — это отнюдь не принципиальные разногласия, а скорее различные способы апологии буржуазной политической системы, создающие лишь видимость серьезной полемики. Так, сторонники тео-

рий «социальной мобильности» исходят из того, что в современном капиталистическом обществе каждый индивид может относительно свободно переходить из низшей страты в высшую, а страты последовательно сменяют друг друга у руля государственного правления (что вполне вписывается в концепции как «открытого общества», так и политического плюрализма).

Чем же объясняется влияние различных вариантов плюралистической идеологии, в том числе элитного плюрализма? В значительной мере тем, что она формально учитывает определенные реальные процессы функционирования государственно-монополистической системы в условиях сохранения буржуазной демократии, подчеркивает усложнение механизма властных отношений, некоторую автономию тех или иных социальных групп внутри господствующего класса. Но этим моментам придается преувеличенное значение, и вся концепция выступает как утонченная форма оправдания социально-политической структуры современного капитализма. Демократические свободы, по этой теории, обеспечиваются взаимными разногласиями и равновесием элит. Функции «ограничения», «сдерживания» по отношению друг к другу выполняют политическая, экономическая, культурная, военная элиты. Каждая из них представляет собой относительно замкнутую группу, строго охраняющую от «аутсайдеров» свои прерогативы и привилегии. Этот баланс элит объявляется единственно возможным ныне типом демократии.

Разделяя элиты по функциональному признаку, западные социологи скрывают классовую сущность каждой отдельной группы; они представляют эксплуататорский класс раздробленным на изолированные, конкурирующие между собой части (монополисты, политики, генералитет и т. д.), чье соперничество якобы вытекает из «противоположности» функций управления. Как будто бы все они не осуществляют в своих областях одну главную функцию — обеспечение условий для эксплуатации трудящихся масс монополистической буржуазией!

Например, С. Келлер утверждает, что в западном обществе лидерство принадлежит не одной элите, «а скорее комплексной системе специализированных элит, связанных с социальным порядком и друг с другом различными способами». Магнаты бизнеса, политики, культуры — «все влиятельны, но в различных сферах; различны их ответственность, источники власти, способы избрания. Этот плюрализм элит отражает и поддерживает плюрализм современ-

ных обществ»¹⁸. Келлер признает все же, что не все элиты одинаково влиятельны, и предлагает использовать термин «стратегические элиты» в отношении «тех элит, которые получили или добиваются влияния на общество в целом в противоположность сегментарным элитам». Границы между «сегментарными» и «стратегическими» элитами Келлер не считает четко выраженными. Она признает, что тенденция к плюрализму элит противоречит «давно замеченной тенденции» к монополизации власти, но тем не менее настаивает на своем главном тезисе, что в «либеральных плюралистических системах» лидерство осуществляется высокоспециализированными, функционально независимыми элитами.

Р. Даль сформулировал теорию «полиархии» — множества центров власти (а значит, и элитных групп) в «демократическом» обществе. Демократией он называет систему, в которой власть дисперсна, в противоположность диктатуре — власти немногих. Даль утверждает, что, хотя политические влияния в обществе распределены неравномерно, это не означает, что верна гипотеза об элите, которая представляется «циничной по отношению к демократии»¹⁹. Отрицание правящей элиты он обосновывает тем, что, во-первых, люди, имеющие власть, часто несогласны между собой и, во-вторых, власть различных групп людей является специализированной. Даль вводит понятие «кумулятивного неравенства» — когда контроль над одним из ресурсов общества, например политической властью, ведет к контролю над другими видами социальных ресурсов, таких как богатство, военная мощь и т. д. Оправдывая буржуазную демократию, он силится доказать, что она не приводит к «кумулятивному неравенству», сохраняя конкуренцию различных сфер общественной жизни.

Плюралистическая теория опирается на известную концепцию «разделения власти» в буржуазно-демократических странах (законодательной, исполнительной и судебной), благодаря чему в обществе якобы выработана система «противовесов», с помощью которой одни органы власти могут удерживать от «крайностей» другие. Ныне даже буржуазные государствоведы вынуждены признать, что осуществить действительное равновесие исполнительной и законодательной власти, не говоря уже о судебной, никогда не удавалось; экспансионизм исполнительной власти — это труднооспоримый факт.

Теории элитного плюрализма имеют определенные основания, ОНИ связаны с усложнением социальной структуры

капитализма, которое имеет следствием нетождественность экономической и политической власти, экономической и политической структуры общества. Выше уже говорилось о разделении социальных ролей в господствующем классе: его члены выполняют и функции владельцев средств производства, и связанные с ними функции организации экономической жизни, и функции руководства политической жизнью, а также военные, культурно-идеологические и т. д. Но все это — разделение ролей и соответственно выделение различных социальных групп и слоев внутри господствующего класса. Ставить же на одну доску классовые противоречия и внутриклассовые отношения, как это делают теоретики элитного плюрализма, — значит совершать принципиальную ошибку или же сознательно фальсифицировать суть дела.

Нетрудно видеть, что концепция «плюралистической демократии» искажает сущность буржуазной государственной машины, создает извращенную картину взаимоотношений организаций различных классов с этой машиной. Достаточно отметить, что она рассматривает организации господствующего класса, такие как союзы предпринимателей и др., и организации рабочего класса как однопорядковые, «равноудаленные» от государства. Но совершенно очевидно, что характер взаимоотношений организаций господствующего класса с государством («политическим комитетом» того же самого класса) коренным образом отличается от взаимоотношений с ним организаций трудящихся.

Неоэлитизм. Модели политической структуры развитых капиталистических стран. В 70—80-х годах ряд американских и западноевропейских политологов (Т. Дай, Х. Цайглер, У. Домхофф и др.) предпринимает фронтальную атаку на плюралистическую концепцию политической структуры капиталистических стран. Они ставят под сомнение, в частности, исходное положение плюрализма о том, что индивид в капиталистической системе может воздействовать на политику государства, участвуя в организованных группах, и что поэтому население «демократических стран» инкорпорировано в многочисленные группы и организации. Американская действительность, в частности, весьма далека от этого норматива, как было продемонстрировано в ряде эмпирических исследований. Так, исследования А. Алмонда и С. Вербы показали, что в США только 1 % опрошенных заявил, что надеется воздействовать на те или иные решения правительства через свое участие в деятельности политической партии, и только 4% — через различные формальные орга-

низации, включая профсоюзы. Таким образом, лишь ничтожное меньшинство «мыслит в терминах плюрализма». Большинство же не верит в постулаты плюрализма, является в своих воззрениях «доплюралистическим» и в общественной практике ориентируется на индивидуальные действия. И дело тут не только в том, что большинство населения «не имеет непосредственного контакта с организациями, которые могли бы обеспечить представительство их интересов». Как доказывают сторонники концепции «массового общества», которую Р. Гамильтон называет «паталогической инверсией плюралистической теории», в современных Соединенных Штатах наблюдается как раз упадок автономных ассоциаций, которые в условиях государственно-монополистического капитализма неизбежно бюрократизируются и не снимают отчуждения индивидуума. Более того, сами эти группы, вращаясь в бюрократическую социальную структуру, служат не защите личности, но, напротив, оказываются дополнительным орудием в руках манипуляторской элиты.

К тому же «добровольные», «демократические» ассоциации в действительности далеко не демократичны (прежде всего это относится к буржуазным политическим партиям). «Предположение, — пишет Гамильтон, — что формальные организации являются демократическими, — одно из главных допущений теории плюрализма»²⁰. И добавим от себя, одно из самых шатких. Критики плюрализма отталкиваются от знакомой нам теории Михельса о том, что в любой демократической организации с течением времени складывается элита, неподконтрольная массе членов, и тогда демократическая структура уступает место элитарной. А если ассоциации, формальные организации служат интересам элиты, то, как отмечает У. Домхофф, направление их влияния будет противоположно тому, на которое рассчитывают плюралисты²¹.

Подводя итоги критики рассматриваемой концепции, Гамильтон пишет, что «теория плюрализма обнаруживает свою полную неадекватность». В описании того, как работает политический механизм капиталистических стран, она оказывается лишь «частично годной». «В лучшем случае, — отмечает он, — можно говорить об ограниченном плюрализме, или плюрализме для высшего или высшего среднего (upper-middle) классов»²². Вот это замечание кажется нам весьма примечательным: «плюралистическая демократия» оказывается на поверку не демократией народа, а демократией господствующих классов капиталистического общест-

ва. Оно, помимо желания автора, подтверждает марксистское положение о том, что буржуазная демократия носит куцый, ограниченный характер, что это демократия для меньшинства, для эксплуататоров. Будучи исторически прогрессивной по отношению к феодальному государству, буржуазная демократия остается, как писал В. И. Ленин, «раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»²³.

К. Прюит и А. Стоун ищут спасение демократии в ассоциациях, группах, которые квалифицируются ими как посредники между элитой и трудящимися массами. Тиранические элиты и атомизированные массы вряд ли возможны в условиях активной жизни групп²⁴, пишут они, повторяя концепцию У. Корнхаузера, Д. Рисмена и других плюралистов (хотя сам плюрализм описывается ими в терминах элитаризма, организация рассматривается как связь между элитами и неэлитами).

Наконец, следует отметить несостоятельность претензий теории политического плюрализма на «деидеологизированность». Даже многие западные социологи признают, что данная концепция — это идеология защиты капиталистического статус-кво, ее идеал — замена классовой борьбы компромиссом различных сил и реформистской деятельностью властей. Гамильтон замечает, что, хотя плюралистическая теория «претендует на то, что представляет собой деидеологизированный реализм, она сама обнаружила себя исключительно полезной и удобной идеологией»²⁵. Удобной, разумеется, для капитализма.

Ее сторонники представляют плюрализм как систему, регламентирующую конкуренцию заинтересованных групп в рамках буржуазно-демократических институтов и процедур. Все эти участвующие в конкуренции группы принимают общие «правила игры» (а этими правилами и являются правила капиталистической общественно-экономической формации). И лозунг сторонников этого направления — «плюрализм в рамках консенсуса», согласия о сохранении системы, таких «правил игры», чтобы демократизм не «перехлестывал через край», то есть не задевал основ власти капитала.

Однако сравнительно легко было достигнуть консенсуса в период относительной стабильности капитализма — в 50—60-е годы. И совсем иное дело — пытаться поддерживать его » кризисные 70—80-е годы, в условиях резкого ухудшения экономического и политического положения капитализма и его оплота — США. Характерно, что влиятельный амери-

канский журнал «Дедалус» один из своих номеров 1980 года полностью отвел проблеме поиска консенсуса американскими элитами в 80-х годах. Вопрос ставится так: как спасти консенсус во время бури? Как пишет американский социолог А. Бартон, общий консенсус «групп интересов» и функциональных элит США со времен окончания второй мировой войны и до кризиса 1973—1974 годов включал в себя антикризисную кейнсианскую политику, «работающую» конкуренцию между монополистическими объединениями, антикоммунистическую внешнюю политику. «Только беднейшие 20%, другая Америка, выпадали из этого консенсуса»²⁶, — замечает Бартон. В 70—80-х годах ситуация меняется — внутриполитические противоречия резко обостряются. Среди них Бартон выделяет торможение роста производительности труда, рост цен на горючее, инфляцию в сочетании с огромной безработицей. Он указывает и на изменение соотношения в мировом балансе сил, установление примерного паритета в военных потенциалах СССР и США, пишет об «общей нестабильности» международных отношений, прежде всего на Ближнем Востоке. И вот в этих условиях плюралистический консенсус не мог не дать трещину. Углубляются социальные антагонизмы, растет политическая нестабильность. И вместе с ними дает трещину и плюралистическая концепция.

Все более явное несоответствие плюралистической модели реальному социально-политическому процессу в капиталистических странах предопределяет ослабление ее идеологических функций по оправданию капиталистической политической системы. Похоже на то, что плюралистическая теория перестает быть тем «фиговым листком» для прикрытия механизма буржуазной политической системы, каким ей надлежит быть по замыслу ее сторонников. Не случайно в буржуазной политологической литературе последних лет отмечается, что «поток плюралистической ортодоксии становится объектом все ширящейся критики»²⁷, что начинается нечто вроде «антиплюралистической революции».

Альтернативным по отношению к плюралистической идеологии выступает элитаристское мировоззрение *. Не случайно критиков плюралистических концепций Т. Дая,

* Л. Филд и Дж. Хайли пишут, что в течение полувека — с 1925 по 1975 год — элитарная парадигма мало разрабатывалась, сменившись парадигмой «государства благоденствия», недооценивавшей роль элит. Зато ныне последняя вновь сменяется элитарной парадигмой, которая становится популярной (см. Field L., Higley J. Op. cit, p. 4—18).

Х. Цайглера и других близких к ним социологов называют «неоэлитистами». По словам Дая и Цайглера, они «бросили вызов» плюралистам, «поставив под сомнение эмпирическую обоснованность их теории, а тем самым подрывая их претензии на нормативные предписания»²⁸. Не отрицая того, что в американских правящих кругах существуют различные группы со специфическими интересами, они резонно замечают, что различия между этими группами касаются, в сущности, частных вопросов, тогда как в основных, существенно важных для поддержания существующей социально-политической системы — интересы элитных групп едины; между ними существует фундаментальное согласие. От себя добавим, что это — согласие, базирующееся на общности интересов, проистекающих из того, что они — члены правящего класса.

Книга Дая и Цайглера «Ирония демократии», о которой речь шла выше, сопровождается характерным подзаголовком «Необычное введение в американскую политику». «Необычность» эта заключается в том, что книга «не основана на плюралистской идеологии». Нужно отметить, что в критике плюрализма авторы занимают сильные позиции. Но их позитивная программа крайне скудна: это не что иное, как консервативно-романтическая мечта о «хорошей», «мудрой», «дальновидной» элите, которая может вывести капитализм из кризиса *. Впрочем, и сам этот кризис трактуется крайне ограниченно, как кризис лидерства, ответственность за который возлагается на недальновидных политиков, прикрывающих теорией политического плюрализма свои эгоистические интересы.

Дай справедливо пишет, что плюрализм — это апологетическая теория, «пытающаяся доказать демократический характер американского общества... Она развивалась как идеология примирения идеалов демократии с реальностями индустриального технократического общества». Плюрализм рисует «открытую систему лидерства», которая позволяет

* К тому же авторы полемизируют друг с другом. Так, Дай считает, что методом реформ в США можно установить подлинно демократическую систему, при которой каждый участвовал бы в принятии политических решений (и это без ломки капиталистических отношений!). Утопизм этой точки зрения бросается в глаза. Цайглер же, в противоположность Даю, возлагает надежды на систему «просвещенного лидерства, способного сохранить личные свободы и собственность», полагая при этом, что «хорошо организованное общество, управляемое образованной элитой, предпочтительнее нестабильности массового общества» (см. Dye T., Zeigler H. Op. cit., p. VIII—IX).

выходцам из низших классов подняться наверх. Дай показывает, что эти утверждения полностью противоречат действительности, что «огромная власть в Америке сосредоточена в руках горстки людей». Это, по существу, закрытая элита, причем несменяемая, ибо ее положение не зависит от таких эфемерных явлений, как смена администрации. Подлинная элита США — Рокфеллеры и Меллоны, а не тот или иной формально избранный лидер. В составе этой элиты ведущую роль играют собственники и высшие менеджеры гигантских промышленных корпораций и банков, в нее входят владельцы средств массовых коммуникаций, правительственная верхушка (причем ее члены, как правило, сделали карьеру в промышленных и финансовых корпорациях). Однако элитарист Дай не столько осуждает такое положение, являющееся насмешкой над демократией, сколько оправдывает его. Установки Дая весьма консервативны. Ссылаясь на то, что «Соединенные Штаты не уникальны в концентрации власти в руках немногих» (такое положение существует и в других капиталистических странах), он выводит необходимость элиты из «общей нужды в поддержании общественного порядка»²⁹.

С иных, леворадикальных позиций критикуют теорию политического плюрализма Ф. Ландберг и У. Домхофф. Если бы теория политического плюрализма была состоятельной, отмечает Ландберг, если бы важнейшие политические и экономические решения в США были бы результатом компромисса между примерно равными по силе конкурирующими группами и каждая группа принимала бы участие в выработке решений, тогда наблюдалось бы гораздо большее равенство между различными группами населения в распределении денег, влияния, престижа. «Если решения, касающиеся распределения основных экономических средств, принимаются сообща, чем же тогда объяснить, что это распределение столь неравномерно?» — задает вопрос Ландберг. С позиций плюрализма такое положение вещей необъяснимо. Зато оно вполне объяснимо, если признать, что эти важнейшие решения принимает элита США — магнаты финансового капитала и их ставленники на правительственных постах. Причем «почти все попытки представителей других... элит приобщиться к социально-политическим решениям финансово-политической элиты оказываются тщетными... Вся финансово-политическая элита и ее окружение — это сложное переплетение родственных отношений, наподобие тех, которые связывают старейшие аристократические семьи Европы»³⁰.

Ответить на поставленный Ландбергом вопрос пытается и У. Домхофф, который показывает, как собственники и менеджеры огромных банков и промышленных корпораций осуществляют свое господство в США. Он отмечает, что фальшивые, апологетические теории политического плюрализма всячески маскируют политический процесс, посредством которого «правлящий класс осуществляет свое господство над правительством». Не в последнюю очередь из-за подобных концепций, которые популяризируются и пропагандируются в США, многие американцы «даже не имеют понятия о существовании этого высшего класса».

Действительную власть в современном капиталистическом обществе осуществляет монополистическая буржуазия. Но механизм ее осуществления достаточно сложен и хорошо закамуфлирован. Определенную роль в этом играют и плюралистические теории. «Плюралисты полагают,— пишет Домхофф,— что различные группы, включая профсоюзы, организации фермеров, потребителей, защитников окружающей среды, имеют возможность влиять на политические решения... и что нет такого явления, как правящий класс Америки»³¹. Все это чаще всего сознательное искажение реального положения вещей. В одной из своих книг У. Домхофф исследует сплоченность правящего класса США, проявляющуюся, в частности, в создании им аристократических частных клубов, куда допускаются лишь «избранные». Как отмечалось выше, важнейшие для страны решения по политическим, экономическим и иным вопросам сначала зреют и обсуждаются в кулуарах подобных элитных клубов и лишь затем проводятся через соответствующие буржуазно-демократические институты, становятся достоянием общественности. В интересах правящего класса и осуществляются внутренняя и внешняя политика США, независимо от смены администраций. Политика, которую проводят «команды» Никсона, Форда, Картера, Рейгана, в действительности определяется этим классом. Таким образом, грубо попираются права американского народа, который фактически отстранен от формирования политики, отчужден от нее.

«Члены этого привилегированного класса,— пишет Домхофф,— как свидетельствуют исследования социологов и журналистов, живут в хорошо охраняемых апартаментах, их соседями являются такие же избранные, они посылают своих детей в частные школы, выводят своих дочерей в свет, посещают клубы для избранных..., их называют «патрициями», «брахманами», «аристократами», «бурбонами» в зависимости от того, как давно они разбогатели». Вот эти-то

«избранные», имеющие совершенно отличный от масс доход и ведущие иной образ жизни, и определяют внутреннюю и внешнюю политику США, прежде всего через организации господствующего класса, которые, с одной стороны, маскируют их власть, а с другой — делают ее более прочной (ибо, как отмечают западные исследователи, власть элиты тем прочнее, чем менее она заметна).

* *
*

Властвующая элита или элитный плюрализм? Это центральная проблема в полемике о структуре власти в США. «Каков характер этой власти?» — задают вопрос Б. и П. Бергеры. Справедлива ли теория властвующей элиты бизнеса или же многофакторная теория?³²

В 50—60-х годах в фокусе внимания находилась полемика между Р. Миллсом и Д. Рисменом, которую подытожил видный американский политолог У. Корнхаузер³³. Миллс показал, что реальную власть в США осуществляет узкий верхушечный слой, в то время как народ фактически бесправен. По Рисмену, вопрос, кто властвует в США, носит спорный характер; «ситуация гораздо более неопределенна», чем кажется на первый взгляд. Сущность американской политической системы, подчас искажаемую в реальности, Рисмен видит в распределении власти между различными автономными группами, обладающими правом вето в сфере своих интересов. Он считает «упрощенным» мнение «радикалов» о том, что Америкой управляет Уолл-стрит. Утверждение, что в США правит или должно править меньшинство, он отвергает как «марксистский экстремизм» (в первом случае) и элитарный аристократический подход (во втором), допуская, однако, что последний был справедлив в прошлом. Несоответствие американской действительности своей схеме он склонен объяснять всякого рода досадными упущениями, расстройством соответствующих механизмов контроля и т. д. Буржуазная ограниченность не позволяет ему ставить вопрос о принципиальной невозможности осуществления его модели в условиях господства монополий.

Миллс рисует пирамиду власти в США, включающую три уровня: «высший» — реальная власть осуществляется властвующей элитой; «средний» — отражает групповые интересы, играет второстепенную роль, наиболее заметную в кулуарах конгресса; наконец, уровень «фактического бес-

правья» масс. Пирамида власти, предлагаемая Д. Рисменом, состоит из двух уровней, которые приблизительно соответствуют второму и третьему уровням модели Миллса. Верхний уровень пирамиды Рисмена — «вето-группы», занятые прежде всего защитой своих интересов; низший — «неорганизованная публика». «Вето-группы» пытаются не столько господствовать над «публикой», сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против угрозы ущемления своей юрисдикции. Поэтому Рисмен утверждает, что существует плюрализм структур власти, что власть в США представляется ситуационной и подвижной.

Миллс приводит огромный материал, свидетельствующий о том, что реальная власть в США концентрируется в руках элиты, отстраняющей от управления страной народные массы. Рисмен отрицает наличие правящей элиты, настаивает на «аморфности» структуры власти, отражающей разнообразие интересов главных «организованных групп» (политических партий, профсоюзов, организаций бизнеса, фермерских блоков и т. д.). Он впадает в крайний субъективизм, заявляя, что главное — не столько материальные возможности и границы власти, сколько психическое состояние — насколько человек чувствует себя сильным или, наоборот, зависимым. «Если бизнесмены чувствуют себя слабыми и зависимыми, они действительно становятся слабее и зависимее безотносительно к ресурсам, которыми они располагают»³⁴. В то время как Миллс приближается к пониманию реальной структуры власти в США, показывая, что господство элиты базируется на единстве и переплетении интересов корпораций, политических и военных институтов, Рисмен уходит от анализа классовой сущности власти, настаивая на ее «дисперсии».

Обе концепции имеют определенные корни в современной капиталистической действительности. Дело в том, что все большая концентрация власти в руках финансовых магнатов сопровождается тщательной маскировкой этого процесса, стремлением придать ему «демократические» формы, прикрыть пропагандистской деятельностью гигантского масштаба. Миллс выявляет существенную тенденцию в развитии современного капитализма — концентрацию власти в руках финансовой олигархии и зависимых от нее элитных групп. При этом, однако, он зачастую отвлекается от внешней формы процесса, от важных для социологического анализа проявлений сущности. Если сущность политической структуры США элитарна, то ее оболочка внешне демократична. Механизм этого сокрытия может быть предметом со-

циологического и социально-психологического исследования. Рисмен и обращает главное внимание на зависимости, которые обеспечивают маскировку господства монополистической элиты, на внешне демократичный и обезличенный механизм осуществления элитой власти, на «превращенную форму» определенного общественного отношения.

При социологическом анализе необходимо учитывать оба этих аспекта. Важно показать, что современное американское общество элитарно по своей сущности (это удалось Миллсу), но необходимо раскрыть и социально-психологический механизм господства элиты (оказавшийся в фокусе внимания Рисмена и абсолютизированный им). Можно отметить, что Миллс порой слишком прямолинеен и недооценивает сложных окольных путей, используя которые элита реализует свою власть. Процесс, сущность которого вскрыл Миллс, на поверхности выступает так, как его описал Рисмен. Оба рассматривают один и тот же предмет, но первый — его сущность, второй — его внешние проявления.

В 70—80-х годах этот незаконченный спор перерастает в полемику неоэлитаристов с теоретиками элитарного плюрализма³⁵. Неоэлитаристы рисуют следующую модель структуры политической власти в США:

1. Власть вытекает из распределения ролей и позиций внутри социально-экономической системы. Люди получают власть, занимая ключевые позиции в экономических, финансовых, военных и правительственных институтах.

2. Власть «структурна», то есть отношения власти продолжают существовать во времени независимо от частных изменений в периоды выборов; одни и те же лидирующие группы продолжают осуществлять власть в обществе независимо от исхода выборов.

3. Существует явное различие между элитой и массами. Представители масс могут войти в элиту, только заняв высокий пост в институциональных структурах общества. Члены масс не могут свободно продвигаться в ряды элиты.

4. Различие между элитой и массами основано в первую очередь на контроле за экономическими ресурсами общества: индустриальные и финансовые лидеры образуют главную часть элиты.

5. Существует конвергенция на уровне верхушки политической системы; небольшая группа оказывает преобладающее влияние в большинстве секторов американской социальной жизни — индустрии, финансах, военных делах, внешней и внутренней политике.

6. Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения системы в ее существенных моментах такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой.

7. Элита не подвержена влиянию масс или подвержена ему в малой степени (через выборы или иные формы политической активности масс).

Иную модель структуры власти в США рисуют сторонники плюрализма:

1. Власть — атрибут индивидов в отношениях между ними, возникающих в процессе выработки решений. Независимо от своей социальной и экономической позиции каждый индивид имеет власть в достаточной мере, чтобы побудить другого сделать то, что тот иначе не сделал бы.

2. Отношения власти не обязательно сохраняются во времени. Сеть отношений власти, формируемая для конкретного решения, может быть заменена другой сетью, когда вырабатывается иное решение.

3. Различия между элитой и массами могут размываться. Индивиды относительно легко входят в ряды людей, принимающих решения (в зависимости от характера решения).

4. Различия между элитами и массами основываются главным образом на заинтересованности в принятии того или иного решения. Лидерство флюидно, мобильно. Доступ к принятию решений может быть открыт через овладение искусством лидерства, информацию о проблеме, знание демократических процедур. Богатство и экономическая власть открывают доступ к политике, но это — лишь один из путей к ней.

5. Существует множественность элит. Люди, реализующие власть через принятие некоторых решений, не обязательно имеют влияние при принятии иных решений. Нет элиты, доминирующей во всех областях жизни.

6. Существует конкуренция между элитами. Хотя элиты обычно разделяют общее согласие относительно «правил игры» в демократическом обществе, они преследуют различные политические цели. Политика — это искусство компромисса между конкурирующими группами.

7. Массы могут оказать значительное влияние на элиты через выборы, «группы давления». Конкуренция элит ведет к их отчетности перед массами.

Сравним обе модели. Вряд ли можно сомневаться в том, что первая из них ближе к истине. Тем не менее различие между ними весьма относительно. Сторонники обеих защи-

щают буржуазно-демократические институты и больше всего боятся роста активности народных масс, расходясь между собой в основном в путях обуздания этой активности.

Мы проследили, как отражается политическая система США в зеркале американской политологии и социологии, главным образом через полемику плюралистов и элитаристов. В этом зеркале полуправда сочетается с угодливой апологетикой, прагматическая полезность для политиков — с функциональностью по отношению к социально-политической структуре. Анализируя современную буржуазную политологию, можно видеть, как за частоколом теоретической полемики проглядывают суровые реальности капиталистической политической системы, где плюрализм является той полой формой, которая скрывает весьма монистическое содержание — безраздельное господство монополий.

Плюрализм или элитаризм? Для буржуазного социолога это антиномия. Он не осознает лишь, что это антиномия буржуазного сознания. Это те пределы, в которых буржуазный исследователь ищет сущность той или иной политической системы. Однако именно потому, что это феномены буржуазного сознания, они и не являются противоположностями. Оттого-то у них так много точек соприкосновения, взаимных переходов, полутонов. В конечном счете эти концепции не альтернативны, а комплементарны. Достаточно выявить методологические принципы обеих концепций, чтобы обнаружить их фундаментальную общность, которая проявляется, во-первых, в непонимании или игнорировании классовой сущности политической системы, в изображении государства «бесклассовым» органом порядка; во-вторых, в утверждении, что народ не способен управлять государством, что функция управления всегда выполняется политически активным меньшинством; в-третьих, в том, что и та, и другая концепция защищают капиталистические отношения. Различие между ними заключается лишь в том, какая форма буржуазной политической системы предпочтительнее. Обе концепции противостоят подлинному народовластию, которое может быть достигнуто лишь с ликвидацией отношений эксплуатации и угнетения, с переходом общества к коммунистической общественно-экономической формации. Итак, действительно противоположными являются концепции буржуазной демократии (в плюралистической и элитарной формах) — демократии для эксплуататорского меньшинства и социалистической демократии — демократии для широчайших народных масс, становящихся подлинным субъектом социального процесса.

ГЛАВА VI

ЭЛИТАРНАЯ И «МАССОВАЯ» КУЛЬТУРЫ

Противопоставление элитарной и «массовой» культур давно уже стало общим местом буржуазной социологии, культурологии, искусствоведения. В этом противопоставлении находит свое выражение антинародный характер современной буржуазной идеологии, отрицающей способность народных масс создавать подлинные духовные ценности, развивать культуру, что всегда было и остается одним из главных аргументов, оправдывающих существование эксплуататорского меньшинства в обществе. С другой стороны, дилемма: элитарная или «массовая» культура — имплицитно содержит в себе стремление выдать эти формы буржуазной культуры за всеобщие характеристики современного «массового общества», прикрыть действительную противоположность буржуазной и социалистической культуры.

Одним из распространеннейших обоснований элитаризма является тезис о том, что элита имеет право на существование и необходима для общества именно потому, что она — «творец культуры», «носитель цивилизации». Взгляды элитаристов на развитие культуры как на результат деятельности элиты проще квалифицировать либо как ошибочные, либо как преднамеренную клевету. Но нельзя не видеть, что они представляют собой отражение, пусть превратное, действительных процессов, происходящих в обществе, расколотом на враждебные классы. В антагонистических формациях эксплуататорские классы рассматривают область культуры как свою вотчину, призванную подкрепить их экономическое и политическое господство. При антагонистической форме разделения труда творческая активность в сфере культуры становится привилегией узкого слоя ду-

ховной элиты, тогда как народные массы обрекаются на беспощадную эксплуатацию, сопровождаемую политическим и духовным подавлением. Причем эти особенности антагонистических формаций, концентрирующих творческие начала в руках меньшинства, а нетворческие исполнительские функции возлагающих на плечи эксплуатируемого большинства, объявляются элитаристами всеобщими характеристиками социокультурных процессов. Таким образом, социальные корни концепций элитарной культуры лежат в структуре классово-антагонистических формаций, для которых характерна прогрессирующая утрата взаимопонимания между деятелями культуры и народными массами. С антагонистической формой разделения труда связано и растущее отчуждение, противопоставление двух сторон человеческой деятельности — материального и духовного производства, отчуждение, достигающее своего апогея в период империализма. Идеологи монополистической буржуазии рассматривают народные массы как пассивного потребителя духовной продукции, производимой владельцами индустрии «массовой культуры».

Концепции элитарной культуры. Говоря об истоках современных концепций элитарной культуры, отметим традиции просветительской идеологии, в соответствии с которыми просвещенная элита «осчастлививляет» массу, неся ей культуру. Однако представители консервативно-аристократического варианта теорий элитарной культуры обычно добавляют, что при передаче от элиты к массе культура профанируется, «омассовляется», теряет свою «подлинность» и что поэтому цель элиты — просвещая массу, не опускаться до нее, сохраняя эзотеричность, исключительность высокой культуры. Именно «аристократический» вариант послужил «азбукой» доктрины элитарной культуры, и никакие последующие перелицовки и оговорки не могли изменить существа концепции.

Традиции теорий элитарной культуры заложены консервативными немецкими романтиками, А. Шопенгауэром и Ф. Ницше, О. Шпенглером, Н. Бердяевым, Х. Ортегой-и-Гассетом, Т. Адорно. Шопенгауэр обличал «скучный мир утилитаризма», мир «людей пользы», «скопища бездарностей», среди которых «люди гения» — редчайшее исключение, парадоксальное отклонение от нормы. Он считал, что гениальные произведения обречены на непонимание публики, что «самые благородные создания гения для тупого большинства всегда останутся книгой за семью печатями»¹.

Концепция элитарной культуры явным образом направ-

лена на апологию социального и культурного неравенства в обществе. Это откровенно признавал Ницше, исходивший из того, что высокая культура возможна лишь там, «где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных, способных к истинному досугу; или, выражаясь сильнее, каста принудительного труда и каста свободного труда»². Ницше явился, пожалуй, наиболее ярким выразителем «бунта против массы». Его утверждение, что главную роль играет масса, а она преклоняется перед всем заурядным, могут взять в качестве эпиграфа все последующие «аристократические» критики «массовой культуры». Ницше сумел зафиксировать определенные реальные стороны культурной ситуации эпохи кризиса капитализма, показал ту «филистеризацию» культуры, которая характерна для этого общества, но дал неадекватное объяснение данного процесса и его причин. Он противопоставил поверхностную, незрелую, торопливую филистерскую культуру культуре «аристократии духа»; он обличал художников, опускавшихся до уровня «толпы», профанирующих искусство.

Шпенглер, как и Ницше, связывает декаданс буржуазной культуры с феноменом «омассовления». Цивилизация заменяет культуру; подлинная духовная элита уже не может утвердить себя в «омассовленном» искусстве, она заменяется псевдоэлитой толстосумов и политиков. Он восхищался эпохами, отличавшимися, по его мнению, «высшей степенью изысканности и исключительности». Их идеи, язык их форм понятны лишь малочисленному классу «людей высшего типа». Шпенглер утверждал, что Возрождение было «созданием Медичи и отдельных избранных умов»³. Как видим, он весьма однобоко и тенденциозно трактовал историю культуры, в частности эпохи Возрождения, лучшие произведения которой глубоко народны.

Близкие идеи развивал и русский консервативный философ-экзистенциалист Н. Бердяев с его концепцией «катакомбной» элитарной культуры, которая, выходя на поверхность, умирает в «омассовлении». «Высокая культура нужна лишь немногим. Для средней массы человечества нужна лишь средняя культура,— высокомерно рассуждал он.— Демократическим путем не могут создаваться науки и искусство, твориться философия и поэзия... Закрывание аристократических источников культуры есть исчезновение всяких источников». Огромное воздействие на современную буржуазную культурологию оказали идеи З. Фрейда, считавшего, что культура навязывается массе элитой, что индивид в мас-

се — примитивное существо, варвар, конформист, что масса не стремится к истине, а жаждет иллюзий и удовольствий»⁴.

Целостная концепция элитарной культуры в противопоставлении «массовой» представлена в трудах Ортеги-и-Гассета. Он ратовал за чисто элитарное искусство, искусство для профессионалов, а не для масс, противопоставлял элитарный тип эстетического восприятия массовому, обыденному. Ранее масса «знала свое место, не претендовала на участие.., ныне же она решила двинуться на авансцену социальной жизни, захватывая место меньшинства, вытесняя его»⁵. И в этом Ортега видит трагедию современной культуры. Согласно концепции Ортеги, интересы массы целиком материальны; они грубы, вульгарны; их «низменным побуждениям» противопоставляются возвышенные идеалы, носителем которых является «подлинная элита». Ортега прогнозирует, что, если процесс вторжения масс в область культуры будет продолжаться, мир вернется в состояние варварства. Указывая на существование угрозы для человеческой культуры, Ортега принципиально ошибался в вопросе о том, откуда исходит эта угроза. Она исходит от монополистической элиты, а именно народные массы обеспечивают возможности для прогрессивного развития культуры.

Отстаивание элитарной культуры, презрение к массе красной нитью проходит через сочинения большинства буржуазных теоретиков культуры XX века. Как писал Дж. Сантаяна, «культура находится в затруднительном положении: если она глубока и благородна, она должна оставаться редкой, если же она распространена, она должна быть посредственной... Уничтожить аристократию в смысле общественных привилегий и санкционированной власти означало бы уничтожить источник, из которого проистекает культура». Аристократический снобизм буржуазных культурологов достаточно откровенно сформулировали поэты и публицисты Т. Элиот и Э. Паунд, считавшие, что культура — дело исключительно духовной элиты, которая не только не связана с народом, но, напротив, враждебна ему, ибо «косная толпа» подавляет индивидуальность и новаторство творца культуры.

Список классиков элитарной культурологии будет неполным, если обойти Т. Адорно, взгляды которого, несмотря на либеральные и даже леворадикальные заявки, в целом примыкают к указанному направлению. Адорно также рассматривает массовость культуры как синоним безликости и ангажированности, а элитарность — как поиск и утверждение

личностного и творческого начала. Противоположность «массовой» и элитарной культур — в том, что первая поверхностна, пошла, клиширована (и потому популярна), вторая сложна, серьезна, закодирована (и потому непопулярна); элитарная культура является самовыражением ее творцов, а «массовая культура» производится на потребу публики, это — потребительская культура. Адорно считал, что дилемма элитарной и «массовой» культур не общесоциологический, а исторический феномен, ибо «массовая культура» («масскульт») — явление беспрецедентное в истории, а элитарная культура не причина, а скорее следствие возникновения «масскульт»; это убежище, в которое уходит художник, не желающий снижать уровень своих произведений до массовых стандартов. Подлинная культурная элита — не та, которая стремится господствовать над массой, но та, которая, напротив, предпочитает отгородиться от «грубой» массы, замкнуться в себе, обособиться. Взгляды Адорно отражают позицию части буржуазно-либеральной интеллигенции, которая, с одной стороны, протестует против конформистской культуры государственно-монополистического капитализма, а с другой — проявляет себя как анархизирующая группа, не имеющая связей с прогрессивными силами, даже страшась этих связей, которые, как она считает, грозят ей опасностью догматизма и конформизма.

Ленинскому лозунгу «искусство принадлежит народу» буржуазные культурологи противопоставляют лозунг «искусство принадлежит элите». Американский социолог Ж. Барзан пишет как о чем-то само собой разумеющемся, что большинство людей далеки от культуры, и прогнозирует, что так будет и в будущем. То состояние, на которое обрекает массы капитализм, объявляется вечным, и вина за него перекладывается на сами массы с якобы присущим им нежеланием интересоваться высоким искусством. Сколь цинично звучат подобные рассуждения в устах буржуазных социологов! Ведь именно капитализм лишает трудящихся возможностей пользоваться всеми плодами культуры, а его апологеты лицемерно рассуждают о «врожденной отсталости» масс и их «неспособности» развивать духовную культуру.

Т. Элиот с тоской вспоминает «доиндустриальное» общество, где массы «знали свое место» и где в силу этого элита смогла создать высокие образцы классической культуры. Современное «массовое общество» растаптывает культурное наследие, отвергает высокие традиции элитарной куль-

туры, ибо в этом обществе элита утрачивает свой авторитет. При этом «аристократические» критики «масскульта» не преминут заметить, что имеют в виду не правящую элиту Запада — экономическую, политическую, которая «вульгаризовалась», сплошь и рядом состоит из парвеню, выскочек из «вульгарной массы», сохранивших привычки «толпы», но «элиту духа». Что ж, для сомнений в духовном облике правящей элиты у этих критиков имеются основания. Элита финансовой олигархии, как показали исследования буржуазных социологов, характеризуется весьма низкими культурными стандартами. В социологическом исследовании «Почему бизнесмены не читают серьезных книг» отмечалось, что круг чтения бизнесменов ограничен, как правило, низкопробным чтивом, в основном развлекательным; более того, если в этой среде оказывается человек с широкими культурными запросами, он, скорее всего, не сделает карьеры, ибо коллеги отнесутся к нему с недоверием и подозрением, как к человеку «не их круга».

В мире «массовой культуры» с неизбежностью снижаются и стандарты культурной элиты, которая испытывает на себе разлагающее влияние господствующей культуры, не будучи в состоянии полностью изолироваться от нее. Американский социолог Л. Ловинджер пишет в этой связи: «В прошлом интеллектуальная элита жила преимущественно в мире, отдаленном от народа, не сталкивалась с массовыми вкусами и не стремилась... навязывать свои вкусы массам. Радио и телевидение меняют это положение. Поскольку интеллектуальная элита слушает радио и смотрит телепередачи, она с неизбежностью сталкивается с массовыми вкусами»⁶. С ним согласен Г. Фейрли, считающий, что выразители «донкихотских аристократических настроений» на деле несвободны от господствующей «массовой культуры»⁷. Эти наблюдения буржуазных социологов лишь подтверждают марксистское положение о том, что в условиях антагонистических формаций культурный прогресс, как и социальный прогресс в целом, внутренне противоречив: обрекая трудящиеся массы на отчуждение от культуры, он вместе с тем духовно калечит, уродует и то меньшинство, которое монополизирует творческую деятельность в обществе.

Приведенный выше длинный ряд высказываний буржуазных теоретиков культуры необходим для того, чтобы показать, что дихотомия: элитарная или «массовая» культура — не просто одна из концепций буржуазной культурологии, но концепция ведущая. До 70-х годов она была абсолютно превалирующей в буржуазной философии и социо-

логии культуры. Однако в последние годы положение стало заметно меняться.

Конвергенция буржуазных культур и буржуазная культурология. Марксистские философы вскрыли несостоятельность буржуазных теорий, абсолютизирующих различие между элитарной и «массовой» культурами⁸. Подлинно научным критерием дифференциации культур является не массовость или эзотеричность их, а классовое содержание. Но классовый критерий отвергается буржуазной культурологией; ее пафосом является именно борьба против принципов классовой, партийности культуры. Тем не менее в 70—80-х годах буржуазные теоретики оказались вынужденными пересмотреть устоявшиеся культурологические стереотипы. Марксистский тезис о поверхностности противопоставления элитарной и «массовой» культур получил неожиданное (для буржуазных социологов, разумеется) эмпирическое подтверждение. Уже в 60—70-х годах обнаружился процесс, не вмещающийся в традиционную схему элитарной или «массовой» культур и свидетельствующие об условности и относительности границ между ними.

Попробуем показать это на примере культурологии Ортеги-и-Гассета. Абсолютизируя различия между элитарной и «массовой» культурами, он выделял искусство популярное (которое отвергал), непопулярное, но со временем могущее стать популярным, и «принципиально непопулярное», которое никогда не будет популярным. Только последнее, с его точки зрения, подлинно элитарно и представляет собой непреходящую ценность. В качестве примера он называл живопись Пикассо и Брака, драмы Пиранделло, музыку Дебюсси и Стравинского. Если бы Ортега дожил до наших дней (он умер в 1955 г.), то сам смог бы убедиться, насколько поверхностна эта классификация. Ибо произведения перечисленных им деятелей культуры ныне тиражируются в миллионах экземпляров; их популяризуют среди широкой публики, правда, порой в несколько адаптированном виде.

В 60-х годах Т. Адорно создает более гибкую типологизацию художественного сознания населения капиталистических стран, беря за основу, как и Ортега, ориентацию на элитарную и «массовую» культуры. Он вычленяет восемь типов слушателей музыки—начиная с «чисто элитарного» (эксперта и высокообразованного слушателя, ориентированных на высокую культуру) и кончая «эмоциональным» и «развлекающимся» типами слушателей, восхищающихся шлягером. Адорно пришел к выводу, что чисто элитарных или «массовых» типов сознания почти нет, а преобладают

смешанные типы (и это, как мы считаем, лишний раз доказывает, что «массовая» и элитарная культуры не есть нечто обособленное, но представляют собой единый культурный феномен буржуазного общества, хотя и расчлененный внутри себя).

В тенденциях к конвергенции элитарной и «массовой» культур нет ничего неожиданного. Они давно зрели в недрах буржуазной культуры. Они подготавливались экспансией «массовой культуры», поглощавшей одну субкультуру буржуазного общества за другой и добравшейся уже до элитарной, авангардистской культуры, которая, как выяснилось, также не в состоянии противостоять ей долгое время. В буржуазной культурологии это нашло выражение в резкой смене оценок «массовой культуры», в переходе от критики ее к апологетике. Еще два десятилетия назад пишущие о «массовой культуре» были преимущественно ее критиками, ныне же официальная буржуазная культурология перешла к ее оправданию и даже восхвалению, а критики «массовой культуры» оказались на периферии буржуазной идеологии.

Критика «массовой культуры» не могла долго превалировать в буржуазной социологии. Во-первых, монополистическая буржуазия крайне заинтересована в манипулировании сознанием миллионов людей. Само существование капитализма в значительной мере зависит от того, насколько монополистической буржуазии удастся ввести в заблуждение массы относительно их собственных интересов, навязать им нужные элите стереотипы сознания и поведения. Западные социологи единодушно отмечают падение роли и значения традиционных рычагов манипулирования массами, прежде всего религии. Новым подобным рычагом и становится «массовая культура», роль которой в системе духовного производства современного капиталистического общества непрерывно возрастает.

Во-вторых, «массовая культура» приносит прибыль, и было бы неразумным «резать курицу, приносящую золотые яйца». Владельцам средств массовых коммуникаций нужна не критика их продукции, а, напротив, ее широкая реклама. И социологи получают соответствующий заказ. На социологический рынок выбрасывается в больших количествах литература, восхваляющая «массовую культуру» и ограждающая ее от критики со стороны тех, кто жалуется на ее низкий уровень. Эти критики третируются как «интеллектуальные снобы», к тому же как антидемократы, ибо стремятся навязать свои узкогрупповые вкусы публике, которой

нравится искусство, может быть, и не глубокое, зато развлекательное ее, дающее отдых, расслабление, а также выход ее «агрессивным влечениям». Все протесты либералов и левых радикалов, их попытки противопоставить свою «контркультуру» объявляются неконструктивными и даже «непатриотичными». Напротив, «патриотично» одобрять культуру «хороших американских парней», которые хотя и предпочитают Баху «Роллинг стоунз», а Шекспиру — Яна Флеминга, но являются опорой «американской демократии» и способны бороться за американское лидерство в мире. 3. Бжезинский даже связал с «массовой культурой» вклад США в мировую цивилизацию: «Если Рим дал миру право, Англия — парламентскую деятельность, Франция — культуру и республиканский национализм, то современные США дали миру научно-технический прогресс и массовую культуру»⁹.

Голос критиков «массовой культуры», таких как К. Гринберг, Б. Розенберг¹⁰, заглушается ее апологетами. Стоило английской писательнице П. Джонсон выступить в журнале «Инкаунтер» с осуждением «масскульта», сказать о развращающем влиянии на аудиторию характерного для него смакования сцен насилия, порнографии¹¹, как Дж. Колдер, Б. Леви вступили с ней в полемику, называя ее позицию «мандаринизмом» и высокомерием, а «массовую культуру» пытаясь выдать за «демократическую культуру»¹². В дискуссии, организованной журналом «Коммэнтари», органом неоконсерваторов США, его редактор Н. Подгорец горой встал на защиту «масскульта», уверяя, что страхи перед ним преувеличены, а критика его односторонняя. Д. Белл называет критику «массовой культуры» любимым развлечением «снобов, длинноволосых интеллектуалов и гомосексуалистов с Ист-сайда». Он нападает на «авангардистскую культуру» интеллектуалов и «нигилистов», прежде всего на «контркультуру», которая, по его мнению, «проистекает исторически из модернистского движения и несет знамя антибуржуазных ценностей». По мнению Белла, беда в том, что авангардистский критицизм заполнил культуру «высоколобых». Впрочем, он считает, что «восстание» авангардизма, а затем «контркультуры» против буржуазности иллюзорно.

С этим положением можно было бы согласиться, ибо авангардизм никогда всерьез не боролся против капитализма, но несостоятельной оказывается аргументация Белла, уверяющего, что «буржуазная культура давно исчезла»¹³. В целом смысл его взглядов по данному вопросу сводится к оправданию «массовой культуры», функциональной по от-

ношению к государственно-монополистическому капитализму в его современном варианте, который он именует «пост-индустриальным обществом».

Белл пишет о широчайшем распространении «среднело-бой» культуры в США во второй половине XX века, связывая это с «процветанием средних классов». Констатируя растущее сближение элитарной и «массовой» культур (хотя и возражая против их отождествления), Белл видит причину этого в «демократизации» элитарной культуры, долгое время бывшей эзотерической и эстетствующей, а ныне якобы превратившейся в культуру, ориентированную на широкие круги образованной публики, порожденной научно-технической революцией. В этом процессе, считает он, большую роль сыграли интеллектуалы, которые, хотя и насмехались над «массовой культурой» и ворчали по ее адресу, в действительности творили ее как режиссеры, актеры, сценаристы. Отметим, что в условиях обострившейся борьбы за умы и убеждения людей для монополистической буржуазии изоляция модернистской культуры от масс становится нежелательной. Постмодернизм 70—80-х годов ищет пути преодоления разрыва между элитарной и «массовой» культурами, а Д. Белл, Э. Шилз и другие апологеты государственно-монополистического капитализма пишут о «единых» (т. е. буржуазных) ценностях, которые несут эти культуры.

Модернизм, согласно Беллу, перерос в постмодернизм, существенно переродился. Модернизм был «чисто элитарен», ориентирован на узкопрофессиональные круги приобщенных к «святому таинству» искусства, а постмодернизм «демократичнее», он готов считать субъектами творческой активности «все большее число людей»; в модернизме были элементы оппозиционности, постмодернизм же вполне функционален по отношению к существующей социальной структуре. Элитарная культура трансформируется, поворачиваясь от чисто эстетических к более массовым формам человеческой деятельности и тем самым к «массовой культуре». Если в своих первых, «классических» формах модернизм рассматривал действительность через эстетическую призму, считал искусство единственной формой самореализации личности, то постмодернизм выходит за рамки «чистого искусства», захватывая другие формы общественного сознания, включая политику, правосознание, религию. Он ориентирован на изменение «стиля жизни», на отказ от устаревших табу путем высвобождения подсознательных инстинктов и эротизма, на замену пуританской этики гедонизмом и потребительством. Белл утверждает, что в буржуаз-

ной «культуре большинства» не нашлось творческих сил, способных противостоять авангардистскому меньшинству, и в результате последнее одержало победу. Вместе с тем, пишет он, «мы исчерпали творческий импульс в виде модернизма.. Ставшее банальным утверждение, что сегодня не существует сколько-нибудь значительного искусства авангарда.., которое шокировало бы общество, означает, что авангард одержал победу»¹⁴. Он якобы сделал свою культурную символику языком культуры всего западного общества, облагородил «массовую культуру».

В схеме Белла постмодернизм во многом поглощает остальные культурные сегменты, в том числе «маскульт». Но справедливо прямо противоположное суждение: это «массовая культура» одерживает новые и новые победы, включая неоавангардизм в сферу своего влияния; экспансионизм «маскульты» приводит к абсорбированию в нем неоавангардизма. В самом деле, какими идеями авангардизм «обогастил» «массовую культуру»? Белл называет темы насилия и жестокости, гипертрофию шума в музыке, интерес к сексуальным извращениям. Но любой исследователь «массовой культуры» имеет право прервать Белла и заявить, что именно эти тенденции характерны и для «маскульты». И наиболее правильным будет считать, что в направлении этих мотивов двигались как элитарная, так и «массовая» культуры, лишняя раз обнаруживая свою внутреннюю общность. Отрицание авангардизмом и «контркультурой» «массовой культуры» — это псевдоотрицание; само это отрицание ныне интегрировано «маскультом» и только укрепило его. «Контркультура» не боролась с капиталистическим обществом, а эпатировала его, что этому обществу в известном смысле даже выгодно. Интегрировав эту якобы антибуржуазную культуру, «маскульт» еще более расширил сферу своего воздействия, свои регулятивные функции, вовлекая в свою сферу ранее оставшиеся вне ее слои буржуазной интеллигенции. «Массовая культура» паровым катком прошла по всей духовной жизни капиталистического общества, подминая под себя субкультуры, сохранившиеся в условиях государственно-монополистического капитализма. Экспансионизм «маскульты» сыграл злую шутку с элитаризмом в культурологии: элитарная культура все более поглощается «массовой». В конце 60-х годов «авангардистская культура», претендовавшая на эзотеричность, на то, что это культура меньшинства, «непонятого толпой», сама стала модной и была включена в значительной своей части в «маскульт», который всегда объявляла своим злейшие

врагом. Попутно выяснилось, что, как и отмечали марксистские исследователи, эти две формы вовсе не антагонистичны, что размежевание в культуре идет не по линии элитарность — массовость, а по классовым критериям.

В 70—80-е годы продолжался процесс «приручения» «массовой культурой» как «авангардизма», так и «контркультуры» — тех псевдореволюционных форм, родство которых с капитализмом было лишний раз доказано поглощением их всеядным «масскультом». «Революционные» идеи в «контркультуре» прочно срослись с наркотиками, сексом, причем главным образом с сексопатологией, с насилием. В глазах буржуазного обывателя, телезрителя «революционеры» предстали как носители насилия. Можно согласиться с французским социологом А. Туреном, заметившим, что критика «массовой культуры» представителями элитарного «авангарда» лишь совершенствует первую, способствуя «функциональному улучшению» ее институтов.

Как правило, вся борьба сторонников и критиков «массовой культуры» — от «аристократических» до леворадикальных — это борьба внутри буржуазной идеологии, борьба «по одну сторону баррикад». В сущности, «массовая культура» — это способ движения потребительских и меновых стоимостей в сфере духовного производства капиталистического общества. Капитализм индустриализирует, ставит на конвейер производство и распределение духовных ценностей, что является своеобразным способом эксплуатации им трудящихся масс. Поэтому борьба против «массовой культуры» с позиции защиты капитализма бесперспективна.

Характерно фактическое поглощение «массовой культурой» культуры хиппи. Сначала последняя эпатировала буржуазию, но вскоре та поняла, что она отнюдь не опасна для капитала, более того, может быть «функциональной», служить для отвода стихийного недовольства определенных групп населения в русло, безопасное для капитализма. Выяснилось, что капитализм может позволить «критиковать» его культуру, причем такая критика не причиняет ему вреда. Господство «массовой культуры» и означает интегрирование в ней многочисленных субкультур (что соответствует интересам владельцев средств массовых коммуникаций, заинтересованных в расширении своей аудитории, в гомогенизации вкусов людей). Ряд маргинальных субкультур в капиталистическом обществе претендует на то, что они вышли за пределы коммерческой и вульгарной «массовой культуры», но на деле они оказываются включенными в завтрашние варианты «масскульта».

В 70-х годах американские и западноевропейские социологи начали говорить об условности деления культуры на элитарную и «массовую», о подвижности границ той и другой (У. Эко), стали выражать сомнения по поводу правомерности подобного жесткого деления (Э. Шилз, Г. Ганс). Книга Г. Ганса «Популярная культура и высокая культура», по его собственным словам, представляет собой «критическое исследование, защищающее популярную культуру от атак на нее некоторых социологов, особенно тех, которые считают культурой только высокую культуру, а популярную — лишь массовым феноменом». Но они обе — в равной мере культуры, отмечает Ганс, причем «поп-культура» выражает эстетические и иные потребности гораздо большего числа людей. Упрекая критиков «поп-культуры» в том, что они требуют, чтобы все жили по стандартам высокой культуры, Ганс пишет, что это требование недемократично и «неоправданно в плюралистическом обществе», что люди «имеют право на ту культуру, которую они предпочитают», что культуры равноправны; «одинаково правы те, кто предпочитает абстрактный экспрессионизм, и те, кому больше нравятся картинки из календаря». Однако за концепцией «равноправия культур» Ганса явно проглядывает апология «массовой культуры», на которую возлагаются надежды по стабилизации капитализма. Защищая «маскульт», Ганс отвергает обвинения в том, что он способствует разгулу насилия, и утверждает, что «маскульт» стимулирует склонность к насилию лишь «иногда» и «у некоторых людей»¹⁵.

Ганс признает, что культура в буржуазном обществе стратифицирована (не может быть эгалитарной культуры в неэгалитарном обществе), и считает это естественным (нельзя всем дать хорошие школы и хороших учителей). Причем он утверждает, что положение вещей в области культуры намного лучше, чем в социально-политической области. «В американской классовой иерархии высший и высший средний классы более могущественны, чем средний и рабочий классы... В иерархии же вкусовых культур средняя Америка наиболее мощна»¹⁶. Итак, да здравствует «поп-культура», якобы уменьшающая разрыв между элитой и массами и даже, как уверяет Белл, «спланивающая» американское население!

Как видим, буржуазная культурология (в частности, американская), прошла сложный путь — от проклятий в адрес «маскульта», преобладавших в литературе 50—60-х годов (Д. Макдональд, Ван ден Хааг, Э. Фромм и др.) до его апологии, преобладающей в 70—80-е годы (Д. Белл,

Э. Шилз, Г. Ганс и др.). Впрочем, полемика вокруг сущности «массовой культуры» и ее роли в обществе не утихает в буржуазной социологии. Б. Розенберг имеет основания писать по этому поводу: «Является ли массовая культура мерзостью, безобидным успокаивающим средством или же благословением божьим? Это вопрос... острых дискуссий, в которых никто не уступает. Даже теперь, когда большинство из нас страшно устало от полемики друг с другом, вопрос этот остается нерешенным»¹⁷.

Пути конвергенции двух разновидностей буржуазной культуры. В недавнем прошлом «массовую культуру» обычно определяли как низкопробную культурную, точнее, псевдокультурную продукцию, как тот духовный ширпотреб, который получил наименование «кич»¹⁸. Эволюция «масскульта» последних двух десятилетий показала, однако, ограниченность этого подхода; она показала, что феномен «массовой культуры» не является монолитным и нерасчлененным внутри себя, а напротив, представляет собой неоднородное явление, обладающее сложной и изменяющейся структурой. «Кич» оказывается лишь одним из элементов этого феномена, хотя и преобладающим количественно; другими элементами являются «мидкультура», «кемп», «сайентифициро-ванная», «эстетизированная» и «этизированная» формы «массовой культуры». Причем соотношение между этими элементами не является чем-то постоянным; оно изменяется, и общей тенденцией оказывается уменьшение удельного веса «кича». Эти элементы «масскульта» различаются между собой по ряду параметров, в том числе по степени близости к элитарной культуре. Их даже пытаются классифицировать по этому признаку: от наиболее далекого от элитарной культуры «кича» — к «промежуточной» культуре («миду», «кемпу») и далее к наиболее тонким подделкам под элитарную культуру в виде эстетизированного «масскульта».

Анализ форм, в которых осуществляется процесс конвергенции «массовой» и элитарной культур, необходимо осуществлять в социальном контексте, в рамках которого развились новейшие разновидности «массовой культуры». Исследования показали, что в 70—80-х годах уровень «кич-культуры» не удовлетворяет не только западную интеллигенцию, но и квалифицированных рабочих; на него ориентируется уже не большинство, а подчас даже меньшинство населения — люди с самым низким образовательным уровнем. И «масскульт» пытается приспособиться к новой ситуации, идти «в ногу с веком». Чтобы существовать в 80-е годы, «массовая культура», если она не хочет быть оттесненной

на культурные задворки, должна менять свой фасад, выглядеть более респектабельной. Но парадокс состоит в том, что облагородиться для «масскульта» означает изжить самого себя. Поэтому избирается средний путь, позволяющий ей подняться на ступеньку от самого низа. В отличие от любой другой культуры «масскульт» стыдится самого себя, ищет образцы для подражания главным образом не внутри, а вне себя. Отсюда и тенденция маскироваться под элитарную культуру, черпать оттуда темы и моды. Ныне мимикрия «массовой культуры» доведена до высокой степени совершенства.

Заметим, что отождествление «массовой культуры» и «кича» было в определенный период правомерным и оправданным, ибо «масскульт» и «кич» — близкие, перекрещивающиеся понятия: «кич» — часть «масскульта» и вместе с тем первый этап в его развитии. «Кич-культура» изменялась, наполнялась новым содержанием, создавала новые формы. Можно констатировать, что средний уровень подделок «массовой культуры» в 70—80-е годы возрос. Однако перестала ли она выполнять свои важнейшие социальные функции оболванивания масс, манипулирования их сознанием? Отнюдь нет. Эти функции лишь стали осуществляться более утонченными, рафинированными методами.

Большинство западных исследователей считает, что в 70—80-х годах в США, ФРГ, Англии, Франции количественно преобладает культура среднего уровня («мидкульт»). Для телепрограмм, радиопередач, журналов уровня «мид-культа» характерно соединение в одном контексте образцов высокой культуры и «кича» — пьес Шекспира и Чехова в исполнении выдающихся актеров с рекламой зубной пасты и предсказаниями астрологов, фильмов Феллини и Антониони с дешевками типа «Изгнания дьявола» и приключениями гигантской обезьяны Кинг-Конг. «Мидкульт» делает модными определенные образцы подлинного высокого художественного творчества (например, романы Камю или Фолкнера), создает моду на науку, старину, спорт. «Мид-культура» разнообразнее и представительнее «кича» и по жанрам, и по проблематике.

Сдвиги в структуре и содержании «масскульта» не остались незамеченными такими известными буржуазными культурологами, как А. Моль, У. Эко, которые описывают их именно с точки зрения соотношения «массовой» и элитарной культур. Моль вычленяет две формы «кича»: собственно «кич» — самый низкий уровень культуры, включающий халтурные, дешевые подделки «под культуру», рассчи-

тайные на самую нетребовательную аудиторию, и «неокич», рассчитанный на более образованные слои населения, рожденные научно-технической революцией. Собственно «кич» преобладал в первой половине и середине XX века, а ныне на первый план выступает «неокич». Последний стремится не отстать от элитарной культуры, но не может отмыть «ржавых пятен» самого вульгарного «кича»¹⁹. А. Моль и У. Эко пишут также о близком явлении — «кемпе», который также представляет собой имитацию элитарной культуры, где ирония смешана с сентиментальностью (таков, в частности, стиль «ретро»). Эко справедливо замечает, что границы между элитарной и «массовой» культурами подвижны, что нельзя изображать взаимодействие этих культур как одностороннее влияние элитарной на «массовую», последняя оказывает и обратное воздействие на элитарную культуру²⁰. Отсюда и смешение типов восприятия культуры, описанное еще Т. Адорно, отсюда, между прочим, и само название статьи Эко «Низколобый высоколобый, высоколобый низколобый». Можно понять сомнения У. Эко, Г. Ганса и др. по поводу правомерности деления культуры капиталистического общества на элитарную и «массовую». Произвольность этого деления они связывают и с тем, что само это деление осуществляют «высоколобые», выдвигающие свои культурные критерии в качестве общезначимых и абсолютных, в то время как они относительны и выражают вкусы определенной социальной группы.

Указывая на то, что «массовая культура» все искуснее имитирует элитарную, Дж. Гросс замечает, что в последние годы критики «масскульта» оказались перед лицом новой ситуации. В свое время объектом их нападок была явно низкосортная продукция — «кич». Позднее они начали выявлять более коварные методы, присущие новым формам «масскульта», изощренно имитирующим элитарную культуру. Отметим, что некоторые представители элитарного «мид-тарта» пытаются протестовать, заявляя, что «массовая культура» обкрадывает элитарную, другие же активно подыгрывают данному процессу. Многие искусствоведы громко протестуют против того, что копии Джоконды Леонардо да Винчи, причем низкого качества, украшают флаконы духов и коробки конфет. Но С. Дали миниатюризирует свои картины для рекламных этикеток. Происходит смешение традиционных жанров элитарной культуры с «массовой». Так, «пocket-букс», зародившись как дешевое чтение низкого пошиба (преимущественно детективные и порнографические романы), ныне расширили свой ассортимент, включив и

серьезные произведения — классику, социологическую и психологическую литературу. Отметим, что поп-музыка последнего времени, включая рок-оперы, все чаще обращается к серьезным социальным проблемам.

Среди средств, позволивших «масскульту» подняться на новую ступень, трансформироваться, не изменившись по существу, на первом месте стоит «сайентификация» (онаучивание), проявившаяся в трех разнородных явлениях. Это и внедрение научных методов (социологических, психологических) определения эффективности массовых коммуникаций, и разработка на их основе «научной» системы манипулирования сознанием масс; это и общая зависимость «массовой культуры» от технических средств массового общения, от коммуникативной техники и науки, на которой строится эта техника. Как известно, М. Маклюэн считал, что новые технические средства преобразуют человеческую психику, а социальный процесс он называл функцией от изменяющихся технических средств. Наконец, под «сайентификацией» имеют в виду определенное изменение содержания «масскульта» под влиянием прогресса науки, роста интереса к ней со стороны широкой общественности, общего роста культурного уровня и научной осведомленности аудитории, на которую нацелены массовые коммуникации. Отмечается включение в арсенал «масскульта» научных мотивов и сюжетов — от информации об открытиях в науке и технике до научной фантастики. Наука широко пропагандируется «масскультом», пусть на уровне, граничащем с профанацией (хотя владельцы средств массовой информации достаточно богаты, чтобы иметь самых квалифицированных экспертов от науки). Поднявшись на ступеньку «полунауки», «масскульт» стал еще опаснее, ибо если от «кича» отшатнется большинство образованных людей, то «полукультуру» многие примут в той или иной форме и мере. Под флагом науки «масскульт» распространяет множество псевдонаучных — обычно весьма консервативных — мифов, которые принимает «онаученный» обыватель²¹.

Для концепций «массовой культуры» 70—80-х годов характерны попытки ее «этизации». Общеизвестно, что «масскульт» разлагающе влияет на аудиторию: пропаганда насилия, порнографии, наркотиков превратилась в его атрибут. Как заметил один американский кинокритик, кино и телевидение стали учебными пособиями в школе превращения миллионов подростков в преступников. И вот среди теоретиков «массовой культуры», считающих ее «неизбежностью» в «технизированном мире», стали раздаваться призывы под-

нять ее моральный уровень, пресечь наиболее отрицательные ее стороны. «Этизацию» «масскульта» связывают обычно с ростом влияния интеллигенции на аппарат управления, с государственным регулированием культуры. Морализаторы от «масскульта» обращаются к своим коллегам — сценаристам, режиссерам, создающим продукты этой культуры, с призывом не допускать аморализма (как будто дело в них, а не в капиталистических заказчиках). Эти концепции — типично либеральные иллюзии представителей буржуазной интеллигенции. Разумеется, призывы «этизировать» «массовую культуру» остаются в мире капитала гласом вопиющего в пустыне.

«Массовая культура» движется в направлении элитарной и путем «эстетизации» — одной из важнейших тенденций развития «масскульта» последних лет. Под этой формой «облагораживания» «масскульта» имеется в виду придание социальным проблемам эстетических черт, распространение эстетических критериев на области общественной жизни, не являющиеся эстетическими. «Неважно, какой это имеет социальный эффект, лишь бы было красиво», — лозунг новейших эстетствующих теоретиков «масскульта». Средства массового общения подают информацию о социальных, политических явлениях как «зрелища», своего рода театрализованные представления. Предметами «массовой культуры» становятся студенческие волнения и демонстрации протеста, «сексуальная революция» и движение хиппи — лишь бы это было «забавно»: всем этим явлениям придается подобие игры. Сторонники эстетизированной «массовой культуры» учитывают потребность человека в социальной активности и отсутствие возможностей для ее реализации в капиталистическом мире, где он — объект манипуляций элиты. И вот ему предлагают суррогат активности в форме «хэппенинга» — включение в театрализованное представление, в политическую игру. Форма «хэппенинга», по мнению создателей «нового массового искусства», ломает границы между жизнью и искусством, включает любые формы социального опыта непосредственно в сферу художественного творчества. Как пишет неоконсерватор Д. Белл, ломаются границы между искусством и политикой, ибо произведения искусства непосредственно становятся политическим актом, а политические массовые действия смотрятся сквозь призму эстетических критериев и оформляются как «хэппенинг», и в результате остается «игра в революцию»²². Совсем как у леворадикального теоретика Дж. Рубина, по которому жизнь — учитель, улица — сцена, а революция — театр на

улице²³. При этом преследуются далеко идущие цели — заменить действительную революцию театрализованным революционным представлением.

Режиссеры «массовой культуры» применяют изощренную тактику борьбы с прогрессивными движениями. Телестудии с удовольствием транслировали, даже смаковали сцены борьбы студенческой молодежи, но, как правило, под определенным углом зрения: как шоу, как сцены буйства, щедро оплачивая при этом услуги отдельных «солистов». Некоторых активистов студенческого движения США, Франции, ФРГ согрели лучи сомнительной славы: фотографии на первых полосах газет и обложках журналов, телеинтервью, перемежающиеся песнями рок-групп. Один из американских молодежных лидеров заметил, что «массовая культура» извращает любые революционные, замыслы — подлинный протест при совместном вмешательстве искусства и средств массовой информации превращается в эстрадное шоу. Очевидно, что оформление протеста средствами «масскульта» для правящей элиты — отнюдь не игра. «Для чего может быть нужен отказ от обычной политики в пользу театрализации, — спрашивает американский леворадикальный социолог Т. Розак, — как не для политики, которая не похожа на политику как таковую и которой поэтому невозможно противостоять средствами обычной физической и социальной защиты?»²⁴.

Ложность дилеммы. Буржуазные социологи не в силах замолчать глубокий кризис, который переживает буржуазная культура. Но они пытаются объявить его кризисом общечеловеческой культуры, обеляя капитализм, перекладывая вину за этот кризис на народные массы, вторгающиеся в «святыню» элиты — область духовного творчества, диктующие элите свои «вульгарные вкусы», подменяя высокую культуру, культуру элиты, массовой. Подобные взгляды находятся в вопиющем противоречии с действительностью. Именно народ дает содержание всему лучшему, что создано мировой культурой. Подлинная причина упадка и разложения буржуазной культуры коренится не во «вторжении» масс в сферу культуры, а напротив, в отрыве культуры от народных масс, в антинародном характере буржуазной культуры.

Дихотомия: элитарная — «массовая» культура, ставшая привычным клише буржуазной социологии, — это не что иное, как подмена главных социальных и культурных противоречий капиталистического общества. Подобные взгляды, как мы видели, имеют свои классовые корни. С раско-

лом общества на классы культура с необходимостью раскалывается на культуру господствующих классов и культуру народных масс — демократическую, а в определенный исторический период социалистическую. Говоря об этом делении, В. И. Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры»²⁵. Разумеется, во всех культурных формах классово-антагонистических обществ обнаруживается влияние господствующих классов; вместе с тем культуре эксплуататорских классов противостоит культура трудящихся, эксплуатируемых масс.

Однако это отнюдь не тождественно дихотомии: элитарная — «массовая» культура. Дилемма, перед которой, по утверждению буржуазных теоретиков культуры, стоит человечество — ложная дилемма. Ложность ее заключается прежде всего в том, что «массовая культура» отождествляется с демократической культурой масс; псевдодемократическая, буржуазная по своему характеру «массовая культура» демоagogически выдается за народную и противопоставляется высокой культуре, которая, в свою очередь, незаконно отождествляется с элитарной. Истина заключается в том, что и «масскульт», служащий целям оболванивания масс, подчинения их буржуазной идеологии, и элитарная культура, рассчитанная на снобов из высших классов, представляют собой две стороны буржуазной культуры. Первая обращена к эксплуатируемым массам, вторая — к элите капиталистического общества, обе они антинародны по содержанию, обе — противоположны подлинно народной социалистической культуре. И модернистская культура — от прозы Гертруды Стайн до антироманов А. Роб-Грийе, — ищущая популярности у узкого круга «культурной элиты», и литературный «кич» типа антикоммунистических поделок Микки Спилейна и Яна Флеминга, предназначенный для массового потребителя, с равным правом представляют культуру загнивающего капиталистического общества.

Буржуазному же сознанию элитарная и «массовая» культуры видятся как абсолютные противоположности. Это связано с буржуазной ограниченностью авторов этих концепций, которые игнорируют классовое содержание культу-

ры, ее социально-классовый контекст. В их интерпретации понятие «массовость» характеризует не народность, а чисто количественные параметры — распространенность — как основание для различения этих типов культуры. Критерий этот оказывается чисто формальным. «Непримиримость» элитарной и «массовой» культур — непримиримость мнимая. Выше мы видели, что эти культуры прекрасно уживаются друг с другом, дополняют друг друга, переходят одна в другую. И сама «массовая культура» — в сущности, творение не масс, а определенной элитной группы интеллектуалов: режиссеров, сценаристов, операторов, продюсеров, актеров, нанятых и оплачиваемых элитой владельцев средств массовых коммуникаций. В этом плане можно согласиться с английским социологом А. Суингвудом, который пишет об элитарности, во-первых, самих теорий «массовой культуры», создаваемых западными социологами, и, во-вторых, процесса создания «масскульта», что является делом буржуазной интеллигенции²⁶. Итак, «массовая культура» — отнюдь не создание масс; в этом отношении она качественно отличается от фольклора; она буржуазна по своему характеру.

Буржуазные социологи, такие как Белл, Моль, Эко, заметив (с опозданием) процесс конвергенции элитарной и «массовой» культур, интерпретируют этот процесс превратным образом. Для большинства из них сущность этой конвергенции — в «утечке информации» от элиты к массе. Телевидение, кино стали пособиями по этикету, через которые массы перенимают вкусы, одежду, привычки, образ жизни элиты. «Массовая культура» — культура «под элитарную»: значительная часть дешевых подделок «масскульта» служит имитацией потребления более высоких социальных групп, в том числе элиты бизнесменов и кинозвезд. Неслучайно «массовая культура» в США широко пропагандирует «американскую мечту» — обогатиться. Она стимулирует самоутверждение с помощью потребления тех товаров, которые символизируют определенный статус человека²⁷. Таким образом, «масскульт» — имитация (и профанация) элитарной культуры, это культура «для масс», мечтающих выбиться в элиту.

Отношение буржуазных социологов к «массовой культуре» в 80-е годы часто амбивалентно. С одной стороны, система тиражирования культуры, это детище НТР, дает возможность приобщиться к ней массам; с другой стороны, в процессе тиражирования она превращается в «кич», при этом страдает как элитарная культура, так и фольклор; «массовая культура», полагают они, созвучна индустриаль-

ной социальной структуре, ломающей «традиционное» общество, сельскую общину; она космополитична, отрицает государственные границы, грозя стать универсальной культурой мира.

Социологи, признающие процессы конвергенции элитарной и «массовой» культур, ожесточенно спорят о роли массовых коммуникаций в дуализме культур²⁸. Одни считают, что именно массовые коммуникации, «тиражирующие» культуру, одновременно профанируют ее, переплавляя элитарную культуру в «кич». Другие, напротив, полагают, что массовые коммуникации нивелируют элитарную и «массовую» культуры; благодаря им элитарная культура становится достоянием масс; элитарная культура становится источником, поставляющим материал для «масскульта».

Кто прав из борющихся сторон? Неправы все. И первая, и вторая концепции обнаруживают непонимание того, что культурная дифференциация в классово-антагонистическом обществе в решающей степени зависит не от средств массовой информации, а от социально-классовых процессов. Сама дихотомия элитарной и «массовой» культур является отражением классовой дифференциации капиталистического общества на кучку привилегированных и массу эксплуатируемых, ограбленных буржуазной цивилизацией, лишенных доступа к высокой культуре и вынужденных довольствоваться эрзац-культурой. Критика «массовой культуры» буржуазными социологами — временами острая и яркая — страдает отсутствием анализа ее классового содержания, неумением и нежеланием связать ее с сущностью современного капитализма. Объективно же критика ими «масскульта» подтверждает глубокую мысль К. Маркса о враждебности буржуазного общества культуре.

ГЛАВА VII

ЭЛИТАРИЗМ И АНТИКОММУНИЗМ

Элитаризму всегда была присуща антисоциалистическая, антикоммунистическая направленность. Ныне эта функция элитаризма приобретает все большее значение. В условиях нового «крестового похода» против коммунизма, начатого администрацией Рейгана, в условиях наступления неоконсервативной волны в капиталистических странах в 80-е годы влияние элитаристского компонента антикоммунизма возрастает. Один из лидеров неоконсерваторов США Н. Подгорец упрекает либералов за «нерешительность» в борьбе с коммунизмом, за то, что они не отстаивают «здоровый элитаризм», что у них притупилось чувство «коммунистической опасности»¹.

Известно, что обострение идеологической борьбы в современном мире связано с активизацией антикоммунизма, который все шире используется империализмом в качестве важнейшего орудия борьбы против роста влияния мирового социализма, усиления коммунистических партий, против дальнейшей активизации прогрессивных сил всего мира, добивающихся разрядки международной напряженности и разоружения. При этом преследуется реакционная цель оклеветать реальный социализм, ослабить его притягательную силу в глазах народных масс капиталистических и развивающихся стран.

Одна из специфических особенностей антикоммунизма заключается в том, что в нем полностью отсутствуют собственные, оригинальные концепции. И поскольку сам антикоммунизм бесплоден в теоретическом отношении, он заимствует свои концепции из модных буржуазных социологических, политологических теорий, паразитируя на них,

стараясь приложить их к своей области, использовать для своих целей.

Это полностью относится и к элитарным теориям. Постулаты элитаризма, сформулированные в условиях капитализма, теоретики антикоммунизма пытаются экстраполировать на социалистические *страны*. Американский империалистический идеолог У. Уэлш, отмечая, что «изучение политической элиты важно для понимания любой социальной системы», утверждает, что «это особенно важно для изучения коммунистического общества». Тут все поставлено с ног на голову: исследование элит необходимо именно при анализе антагонистических социально-политических структур, *особенно* капитализма. Сам Уэлш не отрицая! того, что поиск «элит» в социалистическом мире имеет целью компрометацию последнего. Не случайно он признает, что большая часть исследований политической системы в социалистических странах начиналась прежде всего с попыток обнаружить там элиту². Элитарные теории рассматриваются Дж. Пэрри и другими антикоммунистами как альтернатива марксизму³.

Антикоммунисты широко используют элитаризм, ставший интегральной частью буржуазной идеологии, причем они чутко реагируют на новейшие веяния внутри самого элитаризма. Так, теории о «неизбежности и необходимости» господствующей элиты немедленно нашли отклик в среде антикоммунистов: они стали усиленно искать «правлящую элиту» в социалистическом обществе, объявляя ею то интеллигенцию, то коммунистическую партию, то работников государственного аппарата. Например, в США в период преобладания концепций элитного плюрализма Д. Белл, Р. Энджелл и их коллеги пытались отыскать в социалистических странах «конкурирующие элитные группы»⁴.

Схема рассуждений антикоммунистов достаточно примитивна: элитаризм — «всеобщий» принцип социальной структуры; в условиях социализма «не может не существовать элиты», ибо народ «не способен» к самоуправлению. Они силятся доказать, что любая социальная революция «бессмысленна» с точки зрения интересов народных масс, ибо может привести лишь «к смене правящей элиты». Сердцевиной элитаристского антикоммунизма является попытка «опровергнуть» всемирно-историческую миссию пролетариата, извратить руководящую роль рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии в построении социалистического общества. Антикоммунисты лихорадочно ищут новые аргументы взамен обветшалых, ском-

прометированных, «не работающих». Но элитаризм не может вдохнуть жизнь в их лживые построения, эта версия антикоммунизма так же фальшива, как и все остальные.

Когда правоверный элитарист сталкивается с феноменом социалистического общества — живым опровержением его априорных схем, он ведет себя, как чеховский Семи-Булатов, заявляя, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Нет элиты? Значит, ее плохо искали. Значит, надо продолжать поиски. И ищут. Прежде всего для того, чтобы спасти концепции элитаризма, чтобы попытаться скомпрометировать социализм.

В поисках элиты. В 1973 году в США состоялась «научная» конференция, посвященная «исследованию элит в социалистических странах». Поскольку участники конференции заранее исходили из постулата о неизбежности существования элит в любом обществе, нетрудно было предугадать вывод конференции. В вопросе о том, кого относить к «элите», у участников дискуссий возникли разногласия; компромиссным решением было эклектическое соединение разных точек зрения. В точном соответствии со схемами элитного плюрализма антикоммунисты сконструировали модель конкуренции отдельных «элитных групп», которые они якобы обнаружили в социалистических странах⁵.

Однако рассмотрим более последовательно «доводы» элитаристов, и в первую очередь тезис о ненужности социальной революции. Если с точки зрения марксизма революция — высшая форма классовой борьбы, переход государственной власти в руки более прогрессивного социального класса, то с точки зрения элитаризма — это всего лишь борьба элит за власть. Прежде всего революция рассматривается элитаристами как «аномалия» развития, ибо исторический процесс, как пишут Т. Дай и Х. Цайглер, — это «постепенное изменение элиты, связанное с движением в нее определенных элементов из контрэлиты». Они считают, что «открытая элита, обеспечивающая медленную и постепенную модификацию правящего класса необходима для сохранения существующей системы и для того, чтобы избежать революции»⁶.

Итак, революция — это «аномалия» развития, уверяют антикоммунисты; причем эта «аномалия», по их мнению, во-первых, носит «сугубо временный характер» — с течением времени обстановка «нормализуется» («нормой», как мы помним, является деление общества на элиту и массу)

и, во-вторых, не устраняет, а лишь видоизменяет дихотомическое деление, постулируемое ими.

С точки зрения элитаристов, любая революция, если даже она и мыслится как антиавторитарная, в итоге приходит к тому, что на смену старой элите масса возводит на престол новую; именно она компрометирует старую элиту в глазах масс, подстрекает их к революционным волнениям, использует для разрушения прежней и социальной структуры, чтобы лишит старую элиту власти и захватить ее самой; массы же всякий раз оказываются обманутыми.

Таким образом, антикоммунисты стремятся абсолютизировать исторический опыт буржуазии, которая в период буржуазных революций действительно использовала народные массы для штурма феодальных порядков, а затем, придя к власти, усилила их эксплуатацию. Эту классовую практику буржуазии элитаристы экстраполируют и на социалистическую революцию, в частности Великую Октябрьскую социалистическую революцию, к которой эти схемы абсолютно неприменимы.

Известно, что глубочайшей экономической основой революции является противоречие между возросшими производительными силами и узкими рамками старых производственных отношений; известно, что Россия в 1917 году была слабым звеном в цепи империализма, средоточием империалистического, военно-феодального, национального, гнета, что указанные противоречия многократно усиливались империалистической войной; известно, что движущими силами Октябрьской революции были широчайшие народные массы — рабочий класс, беднейшее крестьянство, полупролетарские элементы города и деревни — во главе с пролетариатом и его революционным авангардом. Однако антикоммунисты приписывают большевикам ориентацию на узкий слой профессиональных революционеров и недоверие к массам рядовых рабочих⁷. При этом нарочито игнорируются особенности исторической обстановки царской России, репрессии, обрушившиеся на партию, необходимость нелегальной работы. Тактику, которую партия была вынуждена применять в конкретных исторических условиях, антикоммунисты стремятся выдать за ее организационные принципы, хотя хорошо известно, что принципом построения коммунистической партии является демократический централизм, предусматривающий широкую внутрипартийную демократию. Достойный отпор врагам партии, искажавшим, в частности, содержание работы «Что делать?», дал В. И. Ленин. Он писал: «Брошюру «Что делать?» часто

упоминают теперешние противники большевиков... Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии»⁸.

Антикоммунисты не останавливаются перед самой бесстыдной фальсификацией.

Известный антисоветчик А. Майер обнаруживает «противоречие», заключающееся якобы в том, что в периоды революции коммунистические партии «отвечают антиавторитарным настроениям масс», выступающих против власти, а затем, после победы революции, «берут власть в свои руки, оправдывая этот шаг перспективой быстрой политической трансформации»⁹. Тут явная подтасовка понятий.

Да, коммунистические партии возглавляют борьбу народных масс, руководимых рабочим классом, против политической власти, но не политической власти вообще (это анархическая позиция), а политической власти буржуазии, против буржуазного государства, угнетающего массы. Коммунистические партии возглавляют борьбу народных масс за строительство новой власти, принципиально новой социалистической политической системы, которая не угнетает народные массы, но напротив, обеспечивает их широчайшее привлечение к управлению обществом, поднимает их до уровня сознательных творцов политической истории, возглавляет их борьбу за строительство нового общества. К тому же коммунистические партии пользуются огромным авторитетом в массах именно потому, что представляют собой не «организации элиты», но сами массы, являясь плотью от плоти их. Как видим, антикоммунисты злобно клеветают на социалистическую революцию, которая превратила трудящиеся массы из объекта эксплуатации в сознательных творцов нового мира, обездоленное большинство, лишенное собственности, — во владельцев средств производства, привлекла их к управлению государственной жизнью. Именно социалистическая революция дала трудящимся все блага и богатства культуры, открыла путь к неуклонному повышению материального и культурного уровня широчайших народных масс.

Итак, все элитаристы сходятся в том, что поскольку-де без элиты общество не может существовать, в странах социализма не может не быть «элиты». Единоы они и в отрицании руководящей роли рабочего класса в социалистическом обществе, ибо такое признание подрывало бы сами

устои элитаризма (ведь признание элитой класса, составляющего большинство населения, было бы с точки зрения элитаризма нелепым противоречием). Но кто же является элитой в социалистическом обществе — тут у элитаристов-антикоммунистов обнаруживаются разногласия, возникает полемика.

Характерно обилие различных вариантов элитарной трактовки социально-политической системы социализма, множество различных ответов на главный интересующий элитаристов вопрос. Такое положение не может нас удивить. Поскольку элитаристам непременно нужно найти «элиту» в социалистических странах — без этого рушатся все их построения, — ввиду отсутствия реального объекта им приходится конструировать фиктивный объект, своего рода квазиобъект, который необходим для последующего критического обстрела. Отсюда и огромный разноречивостью в элитаристских концепциях, обилие вариантов и точек зрения, порой конкурирующих друг с другом, опровергающих друг друга, а в чем-то — «дополняющих» одна другую.

Если правда одна, то ложь многолика. Если правильный ответ на тот или иной вопрос может быть только один, то всякого рода неправильных, ложных ответов может быть дано великое множество. В этом — одно из гносеологических оснований плюрализма антикоммунистических элитаристских теоретик, их большой пестроты. Одни авторы видят «элиту» социалистических стран в государственном аппарате, другие — в интеллигенции, третьи — в коммунистической партии.

Как правило, все элитаристы-антикоммунисты ссылаются прежде всего на теорию «нового класса». Авторство этой теории большинство из них приписывают М. Джиласу. В действительности концепция Джиласы малооригинальна; он, по существу, лишь воспроизводит точку зрения троцкистов, с одной стороны, и теорию «менеджерской революции» Дж. Бернхэма — с другой (впрочем, можно отметить, что оба источника взаимосвязаны, не случайно профессор Бернхэм в молодости своей определенное время был троцкистом).

Джилас перепевает известную концепцию Бернхэма о том, что собственность на средства производства в современных условиях теряет свое значение, уступая место контролю над ними, повседневному управлению ими. Эта концепция, весьма удобная для апологии капитализма, для снятия с него ответственности за язвы и пороки капиталистического общества и перекладывания ее на наемных ме-

неджеров, пригодилась и для Целей антикоммунизма. По Джиласу, государственная собственность — это «коллективная собственность бюрократической элиты, которая монополизирует область политики и через нее управляет экономикой, прежде всего в интересах обеспечения своих привилегий». Доказательства этих положений либо полностью отсутствуют, либо заменяются домыслами. Аргументация не является сильной стороной Джиласа, как и других антикоммунистов, в работах которых она заменяется эмоциями.

Такова в общих чертах та лживая концепция, которую в разных вариантах повторяют антисоветчики, иногда пытаясь «углубить» Джиласа или «подправить» его кое в чем. Так, антисоветчик С. Стоянович, по существу, полностью перепевает Джиласа, выводя «новый класс» из «монополии на управление экономикой»¹⁰. Другие антикоммунисты, соглашаясь с концепцией Джиласа в целом, выражают сомнение по ряду конкретных вопросов, признавая, что социалистическая действительность не укладывается в схемы Джиласа. И. Нейгл упрекает Джиласа за то, что тот пользуется понятием «класс», а не «страта»¹¹. А. Гиденс отмечает, что если при социализме и имеется какой-то «новый класс», то его состав отличается от того, который называет Джилас¹². Д. Лейн указывает на слабость концепции Джиласа, отмечая, что она не способна объяснить, как описываемая Джиласом политическая элита может «институтизировать свое господство»¹³. Однако все это критика Джиласа по частным вопросам. Ни один буржуазный социолог не ставит вопрос о том, что данная концепция носит антинаучный, фальсификаторский характер, воспроизводит стереотипы буржуазного сознания, буржуазной и мелкобуржуазной ненависти к социализму.

Несостоятельны также попытки элитаристов извратить, понизить роль рабочего класса в социалистическом обществе, представить его «объектом эксплуатации», противопоставить рабочему классу его авангард — коммунистическую партию. Известно, что коммунистические партии — партии рабочего класса, выражающие его коренные интересы, формирующие его мировоззрение. Но интересы рабочего класса совпадают с коренными интересами всех трудящихся масс, ибо пролетариат не может освободить себя, не освобождая от эксплуатации все общество. Рабочий класс является естественным авангардом народных масс, руководителем их борьбы за революционное переустройство мира. Будучи по природе своей классовыми, коммунистические партии всегда отвергали сектантскую замкнутость;

они вбирали в свои ряды выходцев из других классов и слоев населения, если те принимали политическую и идеологическую платформу пролетариата. В условиях социализма коммунистические партии превращаются в авангард всего народа, средоточие его мудрости, отнюдь не утрачивая при этом своего классового характера. Это полностью относится к КПСС — испытанному руководителю советских трудящихся, которая была и остается партией рабочего класса. Как отмечалось на XXVI съезде нашей партии, лучшие представители рабочего класса составляют 59% всего партийного пополнения. Анализ социального состава КПСС убедительно свидетельствует о том, что это отнюдь не «элитарная» партия, как утверждают антикоммунисты, а партия рабочего класса, партия трудящихся, выражающая интересы и волю всего советского народа.

Принижение роли рабочего класса, характерное для антикоммунизма, искажение характера политической системы социализма преследуют две цели: во-первых, ослабить притягательный пример социализма для рабочего класса капиталистических стран; во-вторых, попытаться инспирировать противоречия между классами и социальными группами внутри социалистического общества.

Поскольку элитаристы единодушны в отрицании руководящей роли рабочего класса в социалистическом обществе, большинство из них склоняются к тому, чтобы объявить «элитой» интеллигенцию. В теориях «постиндустриального» общества подчеркивается, что роль этой элиты непрерывно возрастает, причем этот процесс оценивается позитивно. Элитарная трактовка интеллигенции стала традицией буржуазно-либеральных теоретиков последних десятилетий. К. Маннгейм отрывал интеллигенцию от других классов, возводя ее до уровня «слоя, находящегося в свободном движении», подлинной духовной элиты. За Маннгеймом в этом вопросе идут не только собственно буржуазные социологи, но и реформисты, ревизионисты, в частности идеологи чехословацкой контрреволюции 1968 года. Для ревизиониста М. Йодля, например, интеллигенция должна быть подлинной элитой общества и освободиться от «служебно-инструментальной функции», от зависимости по отношению к рабочему классу. М. Крал писал, что положение о руководящей роли рабочего класса «неприменимо к эпохе НТР»; роль народных масс уменьшается, возрастает роль интеллектуальной элиты, которой только и можно доверить управление обществом. И. Свитаك развивал идеи «сциенократии» — прихода к

власти научной элиты, что, по его мнению, отвечает требованиям НТР. Он писал, что это будет власть «продуктивной элиты», «нетоталитарной элиты»¹⁴. Элитарная структура общества для него — норматив.

Во многом аналогичный подход продемонстрировали теоретики польской контрреволюции. Находившееся под влиянием Я-Куроня и А. Михника «Независимое объединение студентов» выступило в 1981 году против предоставления льгот при поступлении в вузы выходцам из рабочих и крестьянских семей, подтвердив тем самым свою ориентацию на элитарность высшей школы. Однако элитаризм идеологов КОС — КОР был тщательно прикрыт демагогическими лозунгами «защиты рабочих».

Собственно, взгляды ревизионистов, мелкобуржуазных элитаристов — всего лишь перепев концепций технологического детерминизма, неразрывно связанного с элитаризмом. Советологи, поддерживавшие концепции «деидеологизации», «наведения мостов», давно уже лелеют надежду на то, что «интеллектуальная элита» социалистического общества оттеснит от руководства обществом рабочий класс и заменит марксизм «научно-техническим мышлением». А. Пэрри мечтает о том, что ученые и технические специалисты превратятся в «элиту» социалистического общества и отбросят революционную идеологию¹⁵. З. Бжезинский добавляет, что это приведет к «трансформации» социализма¹⁶. С позиций технологического детерминизма пытается интерпретировать феномен развитого социализма английский советолог А. Эванс. Ход его рассуждений таков: поскольку «доминирующими моментами» развитого социализма являются «технические и экономические» (Эванс нарочито игнорирует социальные аспекты), «определяющую роль в этом обществе играют технические эксперты, ибо именно они осуществляют управление экономикой»¹⁷.

Отметим, что левацкие антикоммунистические концепции, авторы которых выступают против «роста влияния интеллигенции» в социалистических странах, лишь на первый взгляд противоположны взглядам технократического элитаризма. Еще В. Махайский объявлял интеллигенцию «враждебным пролетариату классом, стремящимся к власти, превращающимся в элиту знаний и порабащающим массы». Ныне подобные теории воспроизводит ряд советологов, в том числе весьма консервативных по своей ориентации. Они с готовностью объявляют интеллигенцию «привилегированным слоем», из которого якобы формиру-

ется «элита» социалистических стран, аппарат управления¹⁸.

Однако у элитаристов опять не сходятся концы с концами. Ведь, по их собственным теориям, элита отличается от неэлиты тем, что обладает рядом институционных привилегий, главными из которых являются богатство, власть, статус. Обладает ли социалистическая интеллигенция подобными привилегиями по отношению к другим социальным группам и классам социалистического общества? В странах, где власть принадлежит трудовому народу, такой вопрос является абсолютно надуманным. Действительно, по своему отношению к средствам производства интеллигенция не отличается от рабочих. Заработная плата подавляющего большинства лиц умственного труда в СССР не превышает заработка высококвалифицированного рабочего. Большая часть поступающих в высшие учебные заведения СССР — рабочие, колхозники и дети рабочих и колхозников. В условиях социализма трудящийся избирает характер деятельности не исходя из своей социальной, классовой принадлежности, а в соответствии со своими склонностями, способностями. Как подчеркивается в решениях XXVI съезда КПСС, социальная политика нашей партии и Советского государства направлена на то, чтобы содействовать сближению рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, постепенному преодолению существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Цель этой политики — создание бесклассового коммунистического общества. XXVI съезд сделал важный вывод о том, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма.

Быстрый рост числа людей с высшим образованием в СССР и других социалистических странах отнюдь не означает формирования нового привилегированного класса, как это пытаются доказать антикоммунисты. Численность интеллигенции в СССР растет быстрее, чем численность других социальных групп и классов. Ныне в СССР каждый четвертый работающий связан в основном с умственным трудом¹⁹. Не только в области культуры, но и в области материального производства интеллигенция играет все возрастающую роль. Вместе с тем в деятельности рабочих и колхозников физический и умственный труд все теснее переплетаются. Повышение культурно-технического уровня рабочего класса, колхозного крестьянства соз-

дает условия для их подлинно творческого труда, способствует стиранию классовых различий.

Сами антикоммунисты, стремящиеся изобразить интеллигенцию «элитой» социалистического общества, «привилегированной» социальной группой, сталкиваются с непреодолимыми трудностями. Английский экономист Э. Маколей притворно сетует на «неравенство в распределении доходов» в Советском Союзе, заявляя, что заработная плата интеллигенции значительно выше заработной платы рабочих. Но для доказательства этого тезиса он искусственно сопоставляет зарплату рабочих низкой квалификации с высокооплачиваемыми группами наиболее квалифицированной интеллигенции. Характерно, однако, что даже при таком весьма тенденциозном сравнении Маколей вынужден признать, что распределение доходов в СССР является «значительно более равномерным, чем в Соединенном Королевстве или в США»²⁰. Американский советолог У. Коннор, задаваясь вопросом, какая группа людей «получает большие награды при социализме» и, таким образом, является «элитой», также указывает на интеллигенцию, противопоставляя ее рабочим и колхозникам, которых он называет «лицами рутинного физического труда». Как видим, он игнорирует то важнейшее обстоятельство, что автоматизация, комплексная механизация в промышленности и сельском хозяйстве социалистических стран приводит к тому, что на смену неквалифицированному, тяжелому ручному труду все более приходит высококвалифицированный труд таких категорий рабочих, как механизаторы, наладчики автоматических линий, водители электровозов и тепловозов и т.д. Любопытно, однако, что его же собственные подсчеты различий в заработной плате трудящихся в СССР не подтверждают его предположений и он с удивлением отмечает, что большие различия оказываются между трудящимися, работающими в разных секторах народного хозяйства, чем между рабочими и интеллигенцией, занятыми в одной сфере. Коннор отмечает «относительно высокие заработки в отраслях тяжелой (металлургической и горнодобывающей) промышленности и в строительстве». На этом основании логично было бы объявить «элитой» социалистического общества металлургов, шахтеров, верхолазов-монтажников и т. д. Но это ломало бы элитаристские стереотипы мышления Коннора и его буржуазных коллег.

Характерно, что антисоветчики, ищущие элиту в социалистическом обществе, сплошь и рядом вынуждены де-

лать многочисленные оговорки. Когда они проводят сравнения между положением дел в условиях капитализма и социализма, сравнения эти оказываются отнюдь не в пользу капитализма. Так, тот же Коннор вынужден признать, что «главное различие в мобильности при капитализме и социализме заключается в том, что во втором случае большинство интеллигентов являются выходцами из рабочих и крестьян»²¹, в то время как при капитализме это выходцы преимущественно из привилегированных или, во всяком случае, более обеспеченных слоев. Эти данные лишний раз свидетельствуют о бесплодности и бесперспективности поисков «привилегированной элиты» в социалистических странах.

На V Международном социологическом конгрессе советологи Л. Лабетц (эмигрант из Польши, ныне проживающий в Англии) и Л. Фойер (США) попытались объединить в понятии «элиты социалистического общества» интеллигенцию и Коммунистическую партию. Так, в докладе Лабетца «Партия, интеллигенция и образование в Советском Союзе» утверждалось, что в СССР «господство и контроль, то есть функции элиты, выполняют партия и интеллигенция». Причем, по мнению Лабетца, рост образовательного уровня членов КПСС подтверждает то, что партия становится все больше «организацией элиты». При этом он обошел молчанием тот общеизвестный факт, что в Советском Союзе в целом происходит быстрый рост образовательного уровня трудящихся, в том числе рабочих и колхозников, что, естественно, находит свое отражение в социальном составе КПСС.

Да, уровень образования членов КПСС неуклонно возрастает (подавляющее большинство коммунистов имеет высшее и среднее образование). Возрос образовательный уровень и руководящих кадров партии. На XXV съезде КПСС отмечалось, что 99,5% секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии имеют высшее образование²².

На XXVI съезде партии указывалось, что три четверти секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, две трети секретарей горкомов и райкомов партии имеют инженерно-техническое, экономическое или сельскохозяйственное образование²³. Но делать на этом основании вывод об «элитарном» характере партии — значит сознательно фальсифицировать проблему, игнорировать быстрый рост образовательного уровня всего советского народа.

Для антикоммунистов характерны тщетные попытки «вырвать» советскую интеллигенцию из социалистической социальной структуры. Они прокламируют «тождество» ее интересов с интересами буржуазной интеллигенции, упорно стремятся исказить ее мировоззрение, поставив под сомнение верность советской интеллигенции идеалам социализма. Отметим, что советологи совершенно искусственно исключают из интеллигенции, а также рабочего класса и крестьянства партийный и государственный аппарат социалистических стран, объявляя его «элитой», противостоящей массам²⁴.

Идеологи антикоммунизма экстраполируют на социалистические страны теорию элитного плюрализма, пытаясь обосновать ее, в частности, ссылками на дискуссии по ряду вопросов, происходящие в них, таких, например, как о совершенствовании образования в СССР и других социалистических странах²⁵. Много домыслов такого рода строится в связи с хозяйственными реформами в этих странах. Таким образом, поиск оптимальных решений конкретных проблем, возникающих в процессе социалистического строительства, и неизбежная при этом творческая дискуссия выдаются за борьбу за влияние «конкурирующих элит».

Антикоммунистическая направленность концепций элитного плюрализма не вызывает сомнений. Очевиден и антикоммунистический смысл требований плюралистических «моделей социализма», которые выдвигают элитаристы ревизионистского толка, в частности чехословацкие. Буржуазные социологи лишь более откровенны. Как пишет советолог В. Леонгард, «признание плюралистического социализма... означает... отказ от советской концепции руководящей роли партии»²⁶.

Тезис о руководящей роли коммунистической партии в социалистической революции, в строительстве социализма и коммунизма — главная мишень критики антикоммунистов. И это не случайно, ибо антикоммунисты понимают, что руководящая роль компартии — решающее условие всех достижений социализма. Отсюда и обвинения в адрес коммунистических партий в «элитаризме». Приводимые доводы — чисто софистические: партия — политический авангард, но политический авангард и есть «политическая элита», следовательно, партия не может не быть «элитой». Тут явная подмена диалектики софистикой, ибо антикоммунисты нарочито отвлекаются от классовой сущности партии, от того, интересы какого класса или каких

классов она выражает — интересы народных масс или, напротив, эксплуататорского меньшинства.

Объявляя Коммунистическую партию «элитной группой», элитаристы ссылаются на «авторитет» Моски, считавшего, что элита — это организованное меньшинство, руководящее неорганизованным большинством. Как и Мос-ка, современные элитаристы игнорируют роль отношений собственности на средства производства, сводя социально-политическую структуру общества к отношениям властвования и подчинения. По Беллу, социальная дифференциация идет не по линии владения или невладения средствами производства, а по линии обладания или необладания политической властью; причем, как пишет он, искусство обладания властью — главное богатство элиты, основа ее власти²⁷. Один из самых влиятельных на Западе советологов, И. Бохенский, утверждая вечность правления элиты, пишет, что не «собственники средств производства являются эксплуататорами, но те, кто осуществляет функции власти»²⁸. Таким образом, отношения угнетения и эксплуатации, характерные для антагонистических социальных структур, объявляются социальным нормативом и экстраполируются на социализм. Раз управление — социальная необходимость, а оно осуществляется элитой, то отсутствие элиты равнозначно анархии. Попытки изобразить КПСС «элитой» советского общества представляются советологам вдвойне соблазнительными: во-первых, им хотелось бы обнаружить «привилегированную элиту» в СССР, чтобы скомпрометировать социализм; во-вторых, это дало бы им возможность для нападок на руководящую роль партии — основу завоеваний социализма.

Социалистическая действительность начисто опровергает измышления антикоммунистов об «элитарности» КПСС и других братских партий. Тщетны попытки элитаристов изобразить руководящую роль коммунистической партии как «отказ от демократии». Политика коммунистических партий носит подлинно демократический характер, она отвечает интересам всех слоев социалистического общества. Нелепой карикатурой на нашу действительность выглядят попытки противопоставить Коммунистическую партию Советского Союза народу. У партии нет других интересов, кроме интересов, трудящихся. Она не стоит «над обществом», не является замкнутой организацией; она объединяет его передовые силы. КПСС насчитывает 17,5 млн. членов. Из них 43,4% — рабочие, 12,8 — колхозники, 43,8% — представители научной, технической

и творческой интеллигенции, работники просвещения, здравоохранения, культуры, аппарата управления, военнослужащие²⁹. Партия — направляющая, руководящая сила социалистического общества — есть творение самих народных масс, их авангард, вобравший в себя их передовых представителей.

Функции партии носят не властно-административный, а политический, идеологический, организаторский характер. Ее методы — это убеждение, воспитание, организация с целью максимального развития самостоятельности трудящихся масс. В своей работе партия опирается на высочайший идейный, нравственный авторитет, завоеванный ею за десятилетия самоотверженной борьбы за интересы трудящихся, на свой политический опыт, на умение предвидеть, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, ход исторического процесса и активно влиять на него. Важнейшие вопросы социальной жизни партия решает путем вдумчивого анализа опыта многомиллионных масс, данных науки.

Сила руководства партии — в связи с массами. Свою руководящую роль КПСС завоевала и подкрепляет бескорыстным служением народу, умением полно и точно выражать его интересы. Сложившееся за годы социализма нерушимое единство партии и народа выступает могучей созидательной силой строительства коммунистического общества. Являясь политическим руководителем масс, КПСС сама учится у народа, черпает свой революционный оптимизм, энергию в живом роднике народного творчества. Разработка политической линии партии и контроль над ее проведением в жизнь осуществляются наиболее демократическим путем на всех уровнях, начиная с производственных ячеек и кончая центральными органами партии.

Период развитого социализма характеризуется дальнейшим возрастанием роли Коммунистической партии в жизни общества. В процессе строительства коммунизма, когда закономерно возрастает роль субъективного фактора, растет воздействие партии на все стороны общественной жизни в интересах трудящихся. Возрастающая роль партии как руководящей силы социалистического общества обуславливается прежде всего тем, что она опирается на марксистско-ленинскую теорию, творчески развивая и обогащая ее. Именно это великое учение является научной основой разработки политической линии Коммунистической партии. Будучи высшей формой общественно-поли-

тической организации, партия сплавляет все массовые организации трудящихся, оказывает направляющее влияние на их деятельность, на дальнейшее развитие социалистической демократии. Основное направление партийного руководства Советами, профсоюзами, комсомолом и другими массовыми организациями состоит в том, чтобы поднимать их роль в коммунистическом строительстве, в обучении всего населения делу государственного управления.

Для современного этапа коммунистического строительства характерно неуклонное возрастание творческой активности и инициативы широчайших народных масс во всех областях общественной жизни — экономике, политике, культуре. Построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума. Этот гармоничный, подлинно человеческий социальный строй является продуктом творческой активности народных масс. Коммунизм не может быть построен узким кругом «избранных», он строится народом и для народа, его победа может быть достигнута только упорным трудом народа, при условии огромного роста его активности.

Коммунистическая формация, в отличие от предшествовавших, складывается не стихийно, а в результате сознательной и целеустремленной деятельности народных масс; стихийное общественное развитие уступает место сознательной организации социальной жизни. По мере продвижения общества к коммунизму расширяется объективная основа сознательного творчества народа, возрастает степень целесообразного изменения народными массами общественных отношений в соответствии с закономерностями коммунистической формации. Развивая инициативу масс, партия вовлекает в активную созидательную работу миллионы трудящихся, воспитывает у каждого сознание высокой ответственности за общее дело.

Закономерностью развитого социализма является все большее привлечение широчайших масс к непосредственному руководству всей государственной жизнью, народным хозяйством, культурным строительством, расширению прав самостоятельных организаций трудящихся. Непрерывно повышается роль Советов, профсоюзов, комсомола, всех массовых общественных организаций. Самые массовые и авторитетные организации трудящихся — Советы сочетают в себе черты государственной и общественной организации при самом широком участии масс в их деятельности. Актив Советов превышает 20 млн. человек. Повышается роль и других массовых организаций, действующих

щих в различных сферах производственной, общественно-политической и культурной жизни и являющихся проводными ремнями от партии к массам. Возрастает роль профсоюзов как школы управления, школы хозяйствования, школы коммунизма. Более 20 млн. человек насчитывается в рядах профсоюзного актива. Возрастает роль комсомола — общественной организации молодежи, объединяющей более 40 млн. юношей и девушек, призванной развивать их активность, творческую инициативу. Повышается роль кооперативных организаций как формы вовлечения масс в коммунистическое строительство, воспитания масс и общественного самоуправления. Получают дальнейшее развитие и другие общественные организации трудящихся — научно-технические, культурно-просветительские, спортивные. Необходимый элемент социалистической демократии — всеобъемлющий народный контроль над деятельностью органов управления и должностных лиц.

Возрастание роли народных масс в развитом социалистическом обществе тесно связано с повышением руководящей роли Коммунистической партии. Антикоммунисты, стремящиеся дискредитировать социализм, пытаются трактовать это положение как абсурдное противоречие. Опираясь на понятия, характерными для капитализма, когда конкурирующие буржуазные партии осуществляют государственное руководство, отводя народным массам роль наблюдателей в их «эффектной, но бессодержательной дуэли», буржуазные идеологи стараются представить дело таким образом, будто возрастание роли партии может происходить только за счет умаления роли народных масс. Но они обнаруживают лишь свою классовую ограниченность. В условиях социализма возрастание роли Коммунистической партии происходит отнюдь не за счет умаления активности народных масс. Дело обстоит как раз наоборот. Ибо партия, которая является частью и авангардом народа, тем успешнее осуществляет свою руководящую роль в строительстве коммунизма, чем выше активность масс, строящих коммунизм, чем выше размах их общественной деятельности, максимальное развитие которой и является целью партии. Возрастание роли народных масс и руководящей роли партии в период строительства коммунизма — единый, гармоничный процесс. Именно поэтому одной из главных причин повышения роли партии в жизни советского общества является подъем творческой активности масс, вовлечение новых миллионов

трудящихся в управление государственными делами и производством. В единстве партии и народа — важнейший источник революционной преобразующей силы социалистического строя. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, изучая и обобщая опыт миллионов, партия ставит перед народом научно обоснованные задачи, своей практической деятельностью развивает в массах коммунистическую сознательность, создает максимально благоприятные условия для всемерного развития их творческой активности и инициативы. Коммунистическая партия — это та сила, которая концентрирует волю, энергию и усилия нашего народа. В ленинской партии советские люди видят боевого организатора и политического вождя, который уверенно ведет народ по пути к коммунизму.

Изображение антикоммунистами партии как «элиты» социалистического общества выливается в прямые фальсификации. Только люди, не имеющие представления о социалистической действительности, могли всерьез отнестись к утверждениям антикоммуниста Уитта на V Международном социологическом конгрессе, что все члены партии «занимают руководящие должности» и имеют иные привилегии в социалистических странах. Имеют ли члены партии какие-либо юридические, имущественные или другие привилегии перед беспартийными? Наивна сама постановка этого вопроса. Ибо единственная привилегия члена партии — быть впереди, быть там, где труднее всего.

Противопоставляя руководящих работников рядовым членам партии, элитаристы стремятся дискредитировать первых. Известно, что руководящие работники КПСС — это наиболее авторитетные, подготовленные, политически зрелые представители рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции; они избираются членами партии демократическим путем, они подотчетны им и сменяемы. Выходцами из рабочих и крестьян являются свыше 80% нынешних секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партий³⁰.

Ряд антикоммунистов-элитаристов относят к «элите» социалистического общества работников как партийного, так и государственного аппарата. У. Коннор называет «элитой» советского общества «начальников всех рангов»³¹. Близкую позицию занимают П. Суизи и Дж. Армстронг³². Заведомый отказ от классового анализа понятия «элита» ведет к тому, что результаты советологических исследований этой проблемы скорее напоминают должностные списки, чем социальный анализ. Если элитаристы хо-

тят доказать, что в условиях социализма существуют руководители, включая руководителей высокого ранга, то они ломаются в открытые двери. Да, социализм не уничтожает социальных различий между людьми, хотя он делает важный шаг в преодолении этих различий. При социализме существует разделение на руководителей и исполнителей. Но вот можно ли назвать руководителей в социалистическом обществе «элитой» — это совсем другой вопрос.

Отметим прежде всего, что социализм радикально демократизирует институт руководства делами общества. Он в огромной мере расширяет число людей, участвующих в управлении. Важным показателем демократичности управления является возможность трудящегося человека стать государственным руководителем. В классово-антагонистическом обществе государственные лидеры — это представители привилегированных господствующих классов или те немногочисленные выходцы из «низов», которые интегрируются верхами и выражают их интересы. Система различных привилегий, неравенство в получении образования и т. д. служат надежным барьером, преграждающим путь представителям рабочего класса, крестьянства к государственному руководству. Подлинный демократизм социалистической общественной системы и выражается, в частности, в том, что у руководства делами страны стоят наиболее талантливые, передовые представители трудящихся. Выше отмечалось, что большинство депутатов Верховного Совета СССР, Верховных и местных Советов союзных республик — рабочие и колхозники³³.

Выборочные социологические исследования показывают, что в СССР свыше половины директоров заводов и руководителей промышленных министерств начинали свой путь с рабочих профессий. Так, на машиностроительных заводах Ленинграда 80% руководителей коллективов (от мастера до директора) — выходцы из рабочих и крестьян, а 65% из них начали свою деятельность рабочими³⁴. Интересен перечень первых профессий членов Советского правительства, которые руководят различными отраслями народного хозяйства страны: рабочий маслозавода, наладчик автоматов, ученик слесаря, телеграфист, помощник машиниста паровоза, летчик, слесарь, инженер, электромонтер, столяр, сменный химик, механик, плотник, старший инженер, подручный мастера, машинист хлопкозавода, чертежник, выборщик породы, чернорабочий (заметим, что чернорабочим начинал свою деятельность руководитель

одной из ведущих в условиях НТР отрасли промышленности — министр электронной промышленности СССР А. И. Шокин).

Интересно сопоставить эти данные с данными опроса 576 управляющих высокого ранга в западноевропейских странах. Среди них выходцы из народа составили: 2,7% (Франция), 11,0% (ФРГ), 3,1% (Италия). Сравнение это явно свидетельствует об огромных преимуществах социализма.

Выше отмечалось, что буржуазные социологи стремятся подменить социально-классовый анализ элиты абсолютным противопоставлением элиты и масс. Данная дихотомия представляется им вечной и неизменной. Это — типично метафизический, исторический и потому глубоко ошибочный подход. Элитой можно назвать часть господствующего эксплуататорского класса, непосредственно осуществляющую государственное управление, участвующую в принятии важнейших для общества решений. Это как бы штаб господствующего эксплуататорского класса, который принимает решения в интересах этого класса, вырабатывает его политику.

Таким образом, термин «элита» можно использовать лишь применительно к классово-антагонистическим системам. Действительно, если называть элитой любых руководителей или людей, готовящих и принимающих важные для страны решения, непосредственно осуществляющих государственное руководство, такое определение применимо к любой развитой социальной структуре. Но тогда оно будет чисто формальным, лишенным социально-классового смысла.

Если употреблять термин в социально-классовом смысле — а только в этом контексте он имеет право на существование — и понимать под элитой верхушку эксплуататорского класса, управляющую обществом в интересах этого класса, то сама постановка вопроса об элите социалистического общества неправомерна. Это понятие «не работает» применительно к социализму, поскольку в условиях этого общества не существует антагонистических классов и эксплуатации человека человеком. Руководители в социалистическом обществе являются не выразителями интересов эксплуататорского меньшинства, это — наиболее опытные представители самих масс. Решения, которые они подготавливают, соблюдая принцип коллективности руководства, принимаются в интересах народных масс при их непосредственном и активном участии.

Отметим, что характер современного производства и, при социализме не снимает еще отрицательных последствий разделения труда для личности, включенной в социальный процесс — прежде всего через выполнение своих производственных функций; эта односторонность должна компенсироваться другими формами социальной деятельности — участием в управлении производством и т. д. Человек не может рассматриваться лишь как агент производства, он — субъект всех социальных отношений, носитель функции управления. Было бы ошибочным фетишизировать феномен руководства обществом в условиях социализма; социальное руководство — феномен исторический, развивающийся. Мы не считаем, что человек будущего будет специалистом во всех областях человеческой деятельности, но есть функции, неотчуждаемые от всесторонне развитой личности; это прежде всего участие в управлении социальной жизнью, которое означает максимальную включенность личности в социальный процесс. В. И. Ленин писал, что в будущем обществе «все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»³⁵. Тут, разумеется, речь идет не об обществе без управления, а о самоуправляемом обществе, в котором будет отсутствовать особая группа людей, постепенно выполняющих функцию управления.

Реализация этого требования связана с увеличением свободного времени, которое, как писал К. Маркс, и будет истинным мерилom богатства общества. Научно-техническая революция объективно создает возможности такого сокращения рабочего времени, которое обеспечивает участие трудящихся в социальном управлении, начиная с управления производством и кончая обществом в целом; масса исполнителей, функционирующая по внешнему принуждению, перестанет существовать, каждый труженик будет деятелем, участвующим в управлении, активно воздействующим на социальный процесс, формирующим себя как всесторонне развитую личность.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали, что в классово-антагонистическом обществе разделение труда приводит к исключительной концентрации таланта в отдельных индивидах и подавлению его в массах (отсюда и социальные корни элитаризма). Напротив, в коммунистическом обществе создаются условия для всестороннего развития талантов, способностей всех членов общества, причем без приковывания их к одному виду деятельности. «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются живописью».

как одним из видов своей деятельности»³⁶. Несколько перефразируя эту мысль, скажем, что в коммунистическом обществе не будет людей, профессионально управляющих общественной жизнью, будут только люди, занимающиеся управлением как одним из видов своей деятельности.

Каждый человек коммунистического общества — общества всесторонне образованных, гармонически развитых людей — будет часть своего времени уделять вопросам руководства социальной жизнью. И это будет не его второй профессией, а его долгом, его общественной обязанностью и вместе с тем одной из его потребностей, одним из необходимых средств самоутверждения личности.

Марксизму чужд неисторический подход к общественным явлениям, в том числе к факту существования и особой роли эксплуататорских меньшинств на определенных этапах общественного развития. Это было связано с исторически определенными формами общественного труда, уровнем развития производительных сил, и носило характер исторического прогресса, пусть глубоко противоречивого. Как отмечал Ф. Энгельс, переход к классовому обществу даже для рабов был определенным прогрессом: военнопленные, из которых во многом и вербовались рабы, оставались, по крайней мере, в живых, тогда как прежде их убивали. Однако с ростом производительных сил общества, с обострением противоречия между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением, когда исторический процесс с необходимостью поставил вопрос о замене капитализма социализмом, существование эксплуататорского меньшинства, превратившегося в паразитическое меньшинство, не только перестало отвечать потребностям общественного развития, но и превратилось в его тормоз. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел..., для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами; при этом он никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод..., взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого

так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс, более того: он стал прямым препятствием для общественного развития; и только теперь он будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал³⁷. Коммунистическая формация кладет конец антагонистическому разделению труда, ликвидирует эксплуататорские классы с их элитой, превращает трудящиеся массы в подлинный субъект истории.

Как отмечалось выше, антикоммунизм использует элитарные концепции для того, чтобы, во-первых, оправдать отношения эксплуатации и угнетения, объявить их «вечными»; во-вторых, попытаться скомпрометировать реальный социализм, «опрокинув» на него схемы элитаризма, и доказать, что в условиях социализма якобы тоже существует «элита» (при этом антикоммунисты прибегают к прямой фальсификации). Оба эти положения не выдерживают научной критики. Теории о «неспособности» народных масс управлять общественной жизнью, о «необходимости» господствующего меньшинства — всего лишь идеологическая конструкция эксплуататорских классов.

Целью элитаризма всегда было стремление доказать невозможность существования общества, основанного на социальном равенстве, общества без элиты, без эксплуатации человека человеком. Но именно в последние годы антикоммунизм все более становится основным содержанием элитаризма. Антикоммунизм требует объявления вне закона общества, в котором нет эксплуатации (а значит, нет «свободы для элиты»), которое уничтожило привилегии, основанные на богатстве и социальном происхождении (т. е. в котором нарушается «традиционная законность»), где народ обладает действительным полноправием (что на языке элитаризма означает приход к власти «массы», «толпы»). И тут же, после всех этих обвинений, в нарушение элементарной логики антикоммунисты обвиняют реальный социализм в элитаризме. Исходный тезис элитаристов — отрицание творческой роли народных масс в истории, изображение их «деструктивной» силой, приписывание творческих начал узкому верхушечному слою — закрывает им путь к анализу всемирно-исторических перемен, которыми характеризуется наша динамичная эпоха.

Третирование народных масс — это классовая позиция эксплуататоров, отрицающих способность трудящихся уп-

равлять обществом без элиты. Антикоммунисты стремятся подорвать веру трудящихся в свои силы, сводя их роль либо к пассивному исполнению решений элиты, либо к «бессмысленным» и «неконструктивным» бунтам против элиты, ведущим якобы к власти новой элиты. Они не мыслят мира без элиты. Отсюда и стремление опорочить социалистическую действительность, представить ее как вариант близкого их сердцу элитаризма. Именно по адресу такого рода идеологов В. И. Ленин писал: «"Они" думают, что «простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция»³⁸.

Элитаристы, приписывая массам «антидемократические», «экстремистские» тенденции, пытаются изобразить поборником демократических ценностей элиту капиталистического общества. Именно по вопросу о социалистической демократии антикоммунисты пытаются дать бой реальному социализму; их цель — скомпрометировать социалистическую демократию, изобразить ее в виде «тирании масс». Клевета на социалистическую демократию стала характерной чертой современного антикоммунизма, как и изображение буржуазной «плюралистической демократии» в качестве «идеала» политической системы. С антикоммунизмом в этом вопросе сомкнулся ревизионизм: его «модели социализма» означают подрыв руководящей роли Коммунистической партии, ведут к замене действительной социалистической демократии формальной и куцей буржуазной демократией. При этом и те и другие толкуют о «либерализации», «размягчении» социализма, манипулируют фразами о «чистой», внеклассовой демократии. Известно, что В. И. Ленин характеризовал эти фразы как либеральную сладенькую ложь,, направленную на обман рабочих, учил, что определяющим принципом марксизма при анализе того или иного типа демократии является классовый подход.

Подлинный демократизм социалистического общественно-политического строя обеспечивается прежде всего тем, что основой всей государственной власти являются широкопредставительные органы, которым подчинены органы исполнительные. Принципом социалистической государственности является демократический централизм, органически сочетающий демократизм, то есть полновластие и самостоятельность народных масс, с централизмом — руководством

из единого центра, планомерностью, дисциплиной при выполнении поставленных задач. Демократический централизм означает гигантское расширение демократии для миллионных народных масс. При этом создаются широчайшие возможности для роста их самостоятельности, рождаются и развиваются новые побудительные силы их активности. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности..., — писал В. И. Ленин, — социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»³⁹. Субъектом исторического движения оказывается не элита, а народные массы.

Объективным законом исторического развития является закон возрастания роли народных масс в истории. Этот важнейший социальный закон, открытый К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитый В. И. Лениным, определяет прямую зависимость глубины исторических преобразований от масштабов участия в этих процессах народных масс, объясняет ускорение темпов общественного развития, связанных с возросшей ролью трудящихся. В. И. Ленин писал, что это «одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»⁴⁰.

Важнейшим противоречием исторического прогресса до социализма было то, что, хотя новая ступень достигалась благодаря труду и борьбе народных масс, он с неизбежностью обострял классовые антагонизмы, в том числе противоположность между умственным и физическим трудом, классовую поляризацию управляющих и управляемых, концентрацию творческой деятельности на одном полюсе и забитости, нужды, бескультурья — другом. Большая степень свободы для меньшинства достигалась за счет усиления эксплуатации трудящихся (положение, являющееся социальной базой элитарных теорий, причем авторы этих теорий провозглашают эту трагедию людей труда социальной нормой).

В периоды, когда народные массы в наибольшей степени отстранены от участия в политической жизни, темпы истории замедлены; когда же они «все знают, во все вмешиваются», то есть при социализме и коммунизме, история идет вперед семимильными шагами. В. И. Ленин отмечал:

«Мы всегда говорили: освобождение трудящихся от угнетения не может быть принесено извне; они должны сами, своей борьбой, своим движением, своей агитацией, научиться решать новую историческую задачу, и, чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач»⁴¹. Сколь мелки в этом свете положения элитаристов, объявляющих Октябрьскую революцию результатом «заговора группы революционеров», или писания ревизионистов типа Гароди, утверждающего, что социализм в СССР построен «верхами»!

Выход на историческую арену рабочего класса и движение *его* к социализму привело к огромному возрастанию роли народных масс в историческом процессе. В современную эпоху рабочий класс является главной силой, противостоящей эксплуататорам, ведущей силой общественного прогресса. Его классовые интересы совпадают с коренными интересами всех трудящихся, и их борьба ведет к победе нового общественного строя. Социализм ликвидирует эксплуатацию человека человеком, соединяет непосредственных производителей со средствами производства; совпадение цели социалистического производства с интересами непосредственных производителей обуславливает гигантский подъем творческой инициативы, политической активности широких народных масс.

Капиталистическая элита лишается собственности на средства производства, политической власти, монополии на культуру, всех своих привилегий, но общество вместо того, чтобы погибнуть, как следует из прогнозов элитаристов, достигает невиданного прогресса во всех областях социальной жизни. Только при социализме трудящиеся массы, а не «верхние десять тысяч», получают возможность самостоятельно и безраздельно распоряжаться всей совокупностью материальных и духовных ценностей, накопленных человечеством. Переход к коммунистической формации означает становление нового типа социальных отношений, знаменует собой коренные изменения в форме массовой деятельности, превращение народных масс в подлинного субъекта истории. Именно это и не устраивает идеологов монополистической буржуазии, которые всячески пытаются принизить и скомпрометировать опыт реального социализма.

Известно, что в классово-антагонистическом обществе активности трудящихся противостоит активность эксплуататорских классов как фактор функционирования соответ-

ствующей классово-антагонистической формации. Если для «нормального» функционирования капиталистического общества необходима активность буржуазии и относительная пассивность масс (как отмечал В. И. Ленин, «буржуазия держится *не* только насилием, а также несознательностью, рутиной, забитостью, неорганизованностью масс»⁴²), то функционирование и развитие социализма обеспечиваются широчайшим подъемом активности и инициативы масс.

Рост активности трудящихся выступает как важнейший фактор утверждения, функционирования и развития социализма. Таким образом, общесоциологический закон возрастания роли народных масс в историческом процессе впервые при социализме обретает полный простор для своего действия. Коммунистическая формация может развиваться только через постоянный подъем активности народных масс. Именно качественно возросшая роль народных масс в условиях социализма составляет основу исторически нового, высшего- типа демократии — социалистической демократии. В свою очередь, неуклонное развитие социалистической демократии есть условие повышения творческой активности масс, открывающей путь к коммунистическому общественному самоуправлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 29.
- ² См. **Ашин Г. К.** Критика современных буржуазных теорий о роли народных масс и личности в истории. М., 1973.
- ³ См. подробнее **Ашин Г. К.** Доктрина «массового общества». М., 1971.
- ⁴ См. подробнее **Ашин Г. К.** Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978.
- ⁵ *Elites in a Democracy*. Ed. by P. Bachrach. N. Y., 1971, p. 13, 14.
- ⁶ См. **Prewitt K., Stone A.** *The Ruling Elites. Elite Theory, Power and American Democracy*. N. Y., 1973, p. 3.
- ⁷ См. **Berger P., Berger B.** *Sociology. A Biographical Approach*. N. Y., 1976, p. 292; **Field L., Higley J.** *Elitism* L., 1980, p. 18.
- ⁸ См. **Brzezinski Z.** *Between Two Ages. America's Role in the Techno-tronic Era*. N. Y., 1970, p. 115—116.
- ⁹ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 18, с. 380.

Глава I

- ¹ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 23, с. 47.
- ² **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 35, с. 198.
- ³ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 20, с. 186.
- ⁴ Там же, с. 493.
- ⁵ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 433.
- ⁶ **Аптекер Г.** О сущности свободы. М., 1961, с. 41.
- ⁷ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 31—32.
- ⁸ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 20, с. 163.
- ⁹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 31.
- ¹⁰ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.
- ¹¹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 283—284.
- ¹² **Gottschling E.** *Herrschaft der Elite? Gegen eine reaktionare Theorie*. B., 1958, S. 10—11.
- ¹³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.
- ¹⁴ См. **Dye T.** *Who's Running America?* New Jersey, 1978, p. 20.
- ¹⁵ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 27, с. 321.
- ¹⁶ См. **Ландберг Ф.** Богачи и сверхбогачи. М., 1971, с. 34.
- ¹⁷ **Dye T.** *Op. cit.*, p. 3.
- ¹⁸ **Миллс Р.** Властвующая элита. М., 1959, с. 484.
- ¹⁹ **Фостер У.** Закат мирового капитализма. М., 1961, с. 66.
- ²⁰ Американский социолог М. Глайссер признает: «Если подсчитать количество людей, занятых у нас в полиции городов, графств, в ФБР, то получится, что даже Гитлер в свои лучшие времена вместе с гестапо не имел таких шпионских организаций, какие мы имеем в США» (**Gleisser M.** *The World of Cyrus Eaton*. N. Y., 1965, p. 178).

- ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 93.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.
- ²⁶ Там же, с. 379.
- ²⁷ Платон. Государство. — Соч., т. 3, ч. 1. М., 1963, с. 383.
- ²⁸ Там же, с. 203.
- ²⁹ Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982, с. 436.
- ³⁰ Отметим, что на Локка обычно ссылаются как на своего предшественника современные теоретики «баланса элит». А. Шлезингер считает Локка основоположником теории демократического элитаризма как антитезы авторитарной власти (См. Schlesinger A. On Heroic Leadership.—Encounter, 1960, vol. 15, No. 6, p. 4).
- ³¹ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938, с. 396.
- ³² На что, между прочим, он получил от своего оппонента А. Гамильтона реплику: «Сударь, ваш народ — скот!» Заметим, что сегодняшнему американскому обывателю Джефферсон кажется слишком «левым». Когда предприимчивый газетный репортер в городе Медисон написал петицию, составленную из отдельных пунктов Декларации независимости (как известно, ее автором является Джефферсон) и конституционных поправок, гарантирующих равноправие всех граждан, независимо от их политических убеждений и цвета кожи, то из 112 граждан, к которым он обратился, только один согласился поставить под ней свою подпись. Почти все остальные объяснили свой отказ боязнью плохих последствий, если они подпишут петицию.
- ³³ Jefferson T. Memoirs, Correspondence and Private Papers, vol. IV. N. Y., 1965, p. 452.
- ³⁴ Цит. по: Dye T. Op. cit., p. 20.
- ³⁵ Цит. по: Mintz M., Cohen J. Power, inc. N. Y., 1976, p. 4.
- ³⁶ Ницше Ф. Поли. собр. соч., т. IX. М., 1909, с. 298.
- ³⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1900, § 259.
- ³⁸ Ницше Ф. Поли. собр. соч., т. IX, с. 126.
- ³⁹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла, § 258.
- ⁴⁰ Pareto V. Trattato di sociologia generale, v. 1. Florence, 1916, p. 317.
- ⁴¹ Pareto V. Mind and Society, vol. IV. N. Y., 1935, p. 2027—2031.
- ⁴² Pareto V. Les systemes socialistes. P., 1902, p. 34.
- ⁴³ Pareto V. Mind and Society, vol. III, p. 1423, 1430.
- ⁴⁴ См. Blau P. Inequality and Heterogeneity. N. Y., 1977, p. 212.
- ⁴⁵ Mosca G. The Ruling Class. N. Y., 1939, p. 50.
- ⁴⁶ Ibid., p. 53.
- ⁴⁷ Mosca G. Elementi di scienza politica. Bari, 1953, p. 212.
- ⁴⁸ См. Albertoni E. Gaetano Mosca e la teoria della classe politica. Firenze, 1974, p. 9.
- ⁴⁹ См. Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N. Y., 1962, p. 340.
- ⁵⁰ Ibid., p. 6.
- ⁵¹ Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses. N. Y., 1981, p. 13—23, 119.
- ⁵² См. подробнее Ашин Г. К. Доктрина «массового общества».
- ⁵³ См. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907.
- ⁵⁴ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 310.
- ⁵⁵ М. Шелер, один из основателей социологии познания, также считал, что именно элита определяет ценностную ориентацию челове-

- ских коллективов. Масса приобщается к общественному сознанию, принимая идеологические установки, выработанные элитой. Причем поскольку идеология, по Шелеру,— искаженное понимание мира, то «освобождение человеческого сознания» можно ожидать только от «новой элиты», способной противостоять стихийно складывающимся предрассудкам масс.
- ⁵⁶ Подобные взгляды весьма характерны для современной буржуазной политической науки. Так, американский политолог Ч. Макнейл гипертрофирует роль мифа до главной движущей силы истории. Он пишет: «Миф лежит в основе человеческого общества» (*Foreign Affairs*, 1982, No. 1, p. 1).
- ⁵⁷ Цит. по: **Беккер Г.**, Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961, с. 802.
- ⁵⁸ *The American Journal of Economics and Sociology*, 1960, No. 4, p. 404.
- ⁵⁹ **Sartory G.** *Democratic Theory*. Westpoint, 1976, p. 41.
- ⁶⁰ См. Beetham D. *From Socialism to Fascism*. — *Political Studies*, 1977, vol. XXV, part I, p. 3—27; part II, p. 161—181.
- ⁶¹ См. **Bennett R.** *The Elite Theory as Fascist Ideology. A Reply to Beetham's Critique of R. Michels*.—*Political Studies*, 1978, vol. XXVI, p. 474, 475, 487.
- ⁶² **Barkly R.** *The Theory of the Elite and the Mythology of Power*.— *Science and Society*, 1955, vol. XIX, No. 2, p. 97.
- ⁶³ Они ссылаются, в частности, на то, что при франкистском режиме работы Ортеги находились под запретом.
- ⁶⁴ Теоретик «демократического элитаризма» П. Бахрах сетует на то, что термин «элита» непопулярен в демократических странах, поскольку фашизм и другие антидемократические движения придали ему «специфический оттенок» (см. *Elites in a Democracy*. Ed. by P. Bacharach, p. 14).
- ⁶⁵ **Gottschling E.** *Op. cit.*, S. 19.
- ⁶⁶ **Dreitzel H.** *Elitebegriff und Sozialstruktur*. Stuttgart, 1962, S. 8.
- ⁶⁷ См. *Schrittenreihe der Bundeszentrale für Heimatdienst*, 1955, Heft 12, S. 6, 9.
- ⁶⁸ Позиция «национального альянса», ультраправой организации США (см. *Attack!* 1983, No. 57, p. 3).
- ⁶⁹ Позиция неонацистской партии «итальянское социальное движение» (см. *Rinascita*, 1979. N 24, p. 6).
- ⁷⁰ Слова неонациста из ФРГ А. Эрхарда, по существу, повторяющего фашиста А. Розенберга (см. *Nation Europa*, 1966, Mai 5, S. 3).
- ⁷¹ См. *Правда*, 1983, 8 авг.
- ⁷² См. **Murray P.** *Margaret Thatcher*. L., 1980.
- ⁷³ См. **Bell D.** *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y., 1976, p. 223.
- ⁷⁴ См. Schelsky H. *Die Arbeit und die Anderen*. Oplagen, 1975.
- ⁷⁵ **Allais M.** *Classes sociales et civilisations*. — *Economies et sociétés*, t. 8. P., 1974, p. 285, 377.
- ⁷⁸ *Ibid.*, p. 277.
- ⁷⁷ *Science and Society*, 1956, vol. XX, No. 1, p. 11, 15.
- ⁷⁸ См. *Politics and Society*, 1980, No. 3, p. 327.
- ⁷⁹ См. **Sinai J.** *Decadence of the Modern World*. Cambridge (Mass.), 1978, p. 54.
- ⁸⁰ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.
- ⁸¹ См., например, **Marcuse H.** *An Essay on Liberation*. Boston, 1969, p. 52—64; **Debray R.** *La critique des armes*. P., 1974. Э. Фромм рисует

леворадикальную утопию, ратуя за всемирный совет деятелей культуры — элиту, гуманистов, к которой должна перейти от капитала власть (неясно, каким образом, см. **Fromm E.** To Have or to Be? L., 1979).

⁸² См. **Masson B.** Crise des institutions.— *Economie et politique*, 1974, N° 5, p. 24—28.

⁸³ См. *Liberte et organisation dans le monde actuel*. P., 1973, p. 253.

⁸⁴ Этот термин использует прогрессивный американский социолог профессор А. Сингхэм (см. *The Hero and the Crowd in a Colonial Policy*. New Haven — London, 1984).

⁸⁵ См. **Jodl M.** *Teorie elity a problem elity*. Praha, 1968.

⁸⁶ См. **Нарта М.** Теория элит и политика. М., 1978, с. 42. Книга М. Нарты является наиболее полным монографическим исследованием ревизионистского варианта элитаризма.

⁸⁷ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 433.

Глава II

¹ См. **Колбановский В. В., Осипов Г. В.** Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960; **Каленский В. Г.** Политическая наука в США. М., 1969; **Ашин Г. К.** Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966 и др.

² См. **Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.** Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974, с. 424—425.

³ См. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 1, с. 271.

⁴ Там же, с. 270.

⁵ См. **Keller S.** *Beyond the Ruling Class*. N. Y., 1965, p. 25; **Bottomore T.** *Elites and Society*. Middlesex, 1966; **Ippolito D., Walker T., Kolson K.** *Public Opinion and Responsible Democracy*. New Jersey, 1976, p. 122.

В философском словаре, изданном в ГДР, отмечается, что понятие «элита» возникло в военной области и служит и поныне для характеристики выдающихся военных руководителей. В общеязыковом употреблении оно применяется в спортивной области. Исходя из общего употребления, идеологи империализма применяют это понятие, чтобы создать представление, что в каждой области человеческой деятельности — политике, экономике и т. д. — имеются «избранные», «лучшие» (см. *Philosophische Worterbuch*. Leipzig, 1965, S. 128).

⁶ См. **Reading H.** *A Dictionary of the Social Sciences*. L., 1978, p. 74; **Safire W.** *Political Dictionary*. N. Y., 1978, p. 200.

⁷ См. **Ippolito D., Walker T., Kolson K.** *Op. cit.*, p. 122.

⁸ См. **Higly J., Moore G.** *Elite Integration in the United States and Australia*.— *The American Political and Science Review*, 1981, vol. 75, No. 3, p. 582.

⁹ **Runciman W.** *Social Science and Political Theory*. Cambridge, 1969, p. 69.

¹⁰ См. **Dye T.** *Op. cit.*, p. 3.

¹¹ См. **Sorokin P.**, *London W. Power and Morality*. Boston, 1959.

¹² **Keller S.** *Op. cit.*, p. 5.

¹³ **Klotzbach K.** *Das Elitproblem in politischen Liberalismus*. Koln — Opladen, 1966, S. 3.

¹⁴ См. **Bottomore T.** *Op. cit.*, p. 38.

¹⁵ **Allais M.** *Classes sociales et civilisations*. — *Economies et socieles*, t. 8, p. 336—341.

- ¹⁶ См. Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, vol. 1—2. L., 1959.
- ¹⁷ Так, Мартин отмечает, что большинство элитаристов, начиная с Парето, отрицают деление общества на классы; некоторые — типа Бернхэма — пытаются сочетать концепции классов и теории элиты; другие — например, профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин — оперируют термином «класс», возражая против термина «элита». Действительно, по мнению Цейтлина, концепция классовой структуры общества несравненно глубже дихотомии элита — масса (См. **Martin R.** The Sociology of Power. L., 1977, p. 191; Political Power and Social Theory. Ed. by M. Zeitlin. Greenwich, 1981, p. IX).
- ¹⁸ **Prewitt K., Stone A.** Op. cit., p. 4.
- ¹⁹ **Kourvetaris G., Dobratz B.** Political Sociology. New Brunswick (USA) — L., 1980, p. 5.
- ²⁰ См. **S. H. Ng.** The Social Psychology of Power. N. Y. — L., 1980, p. 65.
- ²¹ Нарта М. Указ. соч., с. 144.
- ²² Таким образом, неправильно отождествлять элиту и правящий класс. Но еще большая ошибка — отрицать связь между ними, как это делает большинство элитаристов, в частности П. Блау, считающий, что «нет границ между теми, кто принадлежит, и теми, кто не принадлежит к господствующему классу» (**Blau P.** Op. cit., p. 232).
Можно согласиться с западногерманским социологом С. Херкоммером, считающим, что понятие «элита» имеет смысл «лишь в отношении к понятию класс» и что слои — «моменты внутреннего разделения классов» (Die Krise in der Soziologie. Koln, 1975, S. 133, 136).
Представляет интерес анализ соотношения между концепциями правящей элиты и правящего класса, проведенный американским леворадикальным социологом У. Домхофом. Он пишет: «Понятие «правлящий класс» относится к социальному высшему классу, который является собственником непропорционально большой доли общественного богатства и выдвигает непропорционально большое число претендентов на позиции лидерства. Правящая элита, с другой стороны, включает всех, кто находится на командных позициях в институтах, контролируемых членами высшего (правлящего) класса. Какой-то член правящей элиты может и не быть членом правящего класса» (**Domhoff W.** Who Rules America? New Jersey, 1967, p. 9—10).
- ²³ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 46.
- ²⁴ См. **Весоловский В.** Классы, слои и власть. М., 1981, с. 103—117.

Глава III

- ¹ **Barkly R.** The Theory of the Elite and the Mythology of Power. — Science and Society, 1955, Spring, p. 97.
- ² Ibid., p. 102—103.
- ³ **Bottomore T.** Op. cit., p. 32.
- ⁴ **Field L., Higley J.** Op. cit., p. 18—19.
- ⁵ **S. H. Ng.** Op. cit, p. 65.
- ⁶ **Dye T.** Op. cit, p. 5.
- ⁷ Ж. Лакруа утверждает: «В течение тысячелетий общество жило благодаря элите и для элиты, ибо человечество могло развить сознание только у бесконечно малого меньшинства своих детей. Понятие «элита» варьировалось соответственно времени и месту, но всегда сохранялось в той или иной форме». Дж. Бернхэм, претендуя на то, что он «на базе прошлого создает модели будущего», утверждает вечность различий между элитой и массой, причем первая защищает свои привилегии всеми способами, включая ложь и насилие. А. Тойнби одним

- из основных выводов своего исследования истории называет определяющую роль элиты, которая «создала цивилизацию и изменяет ее».
- ⁸ **Green A.** Sociology. An Analysis of Life in Modern Society. N. Y., 1952, p. 269.
- ⁹ **Barkly R.** The Theory of the Elite and the Mythology of Power.—Science and Society, 1955, Spring, p. 106.
- ¹⁰ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 21, с. 171.
- ¹¹ См. **Prewitt K., Stone A.** Op. cit., p. 5.
- ¹² **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.
- ¹³ См. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 3, с. 602.
- ¹⁴ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 2, с. 39.
- ¹⁵ См. **Munier E.** Le Personalisme. P., 1965.
- ¹⁶ **Freund.** Das Elitproblem in der modernen Politik.— Politische Bildung. Munchen, 1954, Heft. 46, S. 237, 238.
- ¹⁷ В этой связи интересно высказывание известнейшего политического и военного деятеля Франции генерала де Голля: «Престиж не может сохраняться без таинственности, ибо то, что слишком хорошо известно, не побуждает к преклонению. Необходимо, чтобы в замыслах, манерах, в проявлениях ума содержалось нечто непонятное для других... Среди тех, кто командует, люди незначительные держатся просто и откровенно...» (цит. по: **Молчанов Н.** Генерал де Голль. М., 1972, с. 82—83).
- ¹⁸ **Weber M.** The Theory of Social and Economic Organisation. N. Y., 1947, p. 67, 358—359.
- ¹⁹ См. **Shils E.** Charisma, Order and Status.— American Sociological Review, 1965, Apr., No. 2, p. 213—214.
- ²⁰ Ряд политологов пытаются взять под сомнение связь элитаризма с фашизмом (см. **Bennett R.** Op. cit., p. 474).
- ²¹ Attack! 1983, No. 57, p. 3, 4.
- ²² **Weyl N.** The Creative Elite in America. Wash., 1966, p. 1.
- ²³ **Дубинин Н. П.** Наследование биологическое и социальное.— Коммунист, 1980, №11, с. 67.
- ²⁴ Так, бывший президент Франции **В. Жискара д'Эстэн**, обосновывая социальное неравенство и иерархическую структуру капиталистического общества, ссылается на то, что «среди животных существует иерархия». Впрочем, он тут же демагогически пишет о том, что Франция движется к большей социальной однородности (см. **Giscard d'Estaing V.** Democratie Francaise. P., 1976, p. 145).
- ²⁵ **Huxley A.** Brave New World. L, 1980, p. 4, 18, XII.
- ²⁶ **Корсак Ф.** Бегство Земли. М., 1972, с. 219.
- ²⁷ **Gittler J.** Social Dynamics. N. Y., 1952, p. 148.
- ²⁸ См. **Cronbach J.** Essentials of Psychological Testing. N. Y., 1966.
- ²⁹ См. **Freud S.** Ausgewalte Schriften. B., 1969, S. 120—129, 191—192, 264.
- ³⁰ **Fromm E.** Escape from Freedom. N. Y., 1965, p. 19—27, 167—168, 173.
- ³¹ **Fromm E.** The Anatomy of Human Desfructiveness. N. Y., 1973, p. 142, 295.
- ³² Примером подобного подхода является книга **Б. Мерлиш и Э. Даймонда** «Джимми Картер. Объяснительная биография», утверждающая, что личность Картера с ее «необъяснимыми противоречиями» была сформирована под влиянием сильного, консервативного, требовательного отца (дети боялись его и восхищались им) и сравнительно либеральной матери (см. **Marlish B., Diamond E.** Jimmi Carter. Interpretive Biography. N. Y., 1980). В рецензии на эту книгу **Э. Ванден Хааг** пишет, что «авторы не смогли различить подлинного Кар-

- тера и той роли, которую он играл» (Fortune, 1980, June 2, p. 117).
- ³³ См. **Perrow Ch.** Complex Organizations. L., 1972, p. 192.
- ³⁴ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 1, с. 271—272.
- ³⁵ Там же, с. 201.
- ³⁶ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.
- ³⁷ См. **Burnham J.** The Managerial Revolution. N. Y., 1941, p. 80—125.
- ³⁸ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 23, с. 343.
- ³⁹ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 27, с. 356.
- ⁴⁰ См. подробнее **Меньшиков С. М.** Миллионеры и менеджеры. М., 1965; **Беглов И. И.** США: собственность и власть. М., 1971.
- ⁴¹ См. Business Week, 1979, May 14.
- ⁴² **Миллс Р.** Указ. соч., с. 162—163.
- ⁴³ См. **Kahn H., Wiener A.** The Year 2000. A Framework for Speculations in the Thirty Three Years. N. Y. — L., 1968.
- ⁴⁴ См. Politics and Society, 1980, No 3, p. 353.
- ⁴⁵ См. **Bottomore T.** Op. cit., p. 69.
- ⁴⁶ **Galbraith J.** Economics and the Public Purpose. Boston, 1973, p. 82.
- ⁴⁷ Ibid., p. 41.
- ⁴⁸ **Bell D.** The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973, p. 14, 52, 119, 165-266, 339—368.
- ⁴⁹ См. U. S. News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 65, 69.
- ⁵⁰ **Toffler A.** The Third Wave. N. Y., 1981, p. 10, 419, 441.

Глава IV

- ¹ **Bottomore T.** Op. cit, p. 9.
- ² **Hucker A., Westin A., Wood R.** Politics and Government in the United States. N. Y., 1965, p. 135.
- ³ Цит. по: **Стародубский Б. А.** Буржуазная демократия: миф и действительность. М., 1977, с. 31.
- ⁴ **Spitz D.** Patterns of Anti-Democratic Thought. Glencoe, 1965. p. 19.
- ⁵ **Mosca G.** Op. cit., p. 157.
- ⁶ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.
- ⁷ Коммунизм и демократия. Прага, 1964, с. 170—180.
- ⁸ **Barkly R.** The Theory of the Elite and the Mythology of Power.— Science and Society, 1955, Spring, p. 100.
- ⁹ См. **Bachrach P.** The Theory of Democratic Elitism. A Critique. Little, Brown and Co, 1967, p. 15.
- ¹⁰ **Schumpeter J.** Capitalism, Socialism and Democracy. L., 1961, p. 246, 291.
- ¹¹ **Mannheim K.** Essays on the Sociology of Culture. L., 1956, p. 179, 200.
- ¹² См. Hoover Institute Studies. Series «B». Ed. by Ff. Lasswell. Preface. Stanford, 1952.
- ¹³ **Bachrach P.** Op. cit., p. 1.
- ¹⁴ Elites in a Democracy. Ed. by P. Bachrach, p. 8—10.
- ¹⁵ **Bachrach P.** Op. cit., p. 6—8.
- ¹⁶ **Sartory G.** Op. cit., p. 119.
- ¹⁷ См. **Brzezinski Z.** Op. cit., p. 115—116.
- ¹⁸ **Allais M.** Classes sociales et civilisations.— Economies et socieles, t. 8, p. 11.
- ¹⁹ **Dye T., Zeigler H.** The Irony of Democracy. An Uncommon Introduction to American Politics. Belmont, 1981, p. 2.
- ²⁰ **Popper K.** The Open Society and Its Enemies. L., 1962.
- ²¹ **Hertzler J.** Society in Action. A Study of Basic Social Processes. N. Y., 1981, p. 275, 238.

- ²² См. **Миллс Р.** Указ. соч., с. 143—147, 382—390.
- ²³ **Ландберг Ф.** Указ. соч., с. 46, 48.
- ²⁴ См. **Babbie E.** *Society by Agreement*. Belmont, 1977, p. 95.
- ²⁵ **Ландберг Ф.** Указ. соч., с. 409.
- ²⁶ **Domhoff W.** *The Bohemian Grove and Other Retreats. A Study in Ruling Class Cohesiveness*. N. Y., 1974.
- ²⁷ См. подробнее **Замошкин Ю. А.** *Личность в современной Америке*. М., 1980.
- ²⁸ См. **Prewitt K., Stone A.** *Op. cit.*, p. 186.
- ²⁹ См. **Весоловский В.** Указ. соч., с. 91.
- ³⁰ **Bottomore T.** *Op. cit.*, p. 129—130.
- ³¹ **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 33, с. 46.
- ³² **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 37, с. 251.
- ³³ **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 39, с. 82.
- ³⁴ **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 37, с. 256.
- ³⁵ Там же, с. 501.
- ³⁶ **Sartory G.** *Op. cit.*, p. 3.
- ³⁷ **Julien C.** *Le suicide des democracies*. P., 1972.
- ³⁸ **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 33, с. 100.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 34, с. 38—39.
- ⁴¹ **Field L., Higley J.** *Op. cit.*, p. 113.
- ⁴² **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 40, с. 2'85.
- ⁴³ **Domhoff W.** *The Powers That Be. Processes of Ruling Class Domination in America*. N. Y, 1979, p. 62.
- ⁴⁴ См. **Manning B.** *The Conduct of United States Foreign Policy*. N. Y, 1976, p. 17.
- ⁴⁵ *The Soviet Challenge. The Commission on U.S.-Soviet relations. Sponsored by the Council of Foreign Relations*. N. Y, 1981, p. 3.
- ⁴⁶ **Wittkopf E., Maggito M.** *Elites and Masses: A Comparative Analysis of Attitudes Toward America's World Role*. — *The Journal of Politics*, 1983, May, vol. 45, No. 2, p. 303—332.
- ⁴⁷ См. **Field L., Higley J.** *Op. cit.*, p. 95—116.

Глава V

- ¹ Развернутый анализ и критика теории политического плюрализма даны в ряде работ советских правоведов и социологов (см, например, **Гулиев В.** *Демократия и современный империализм*. М, 1970; **Ашин Г. К.** *Доктрина «массового общества»*; **Ильин В. И.** *Буржуазный плюрализм: истоки и классовый смысл*. М, 1983).
- ² См. **Dye T., Zeigler H.** *Op. cit.*, p. VII.
- ³ См. *The New York Times*, 1979, Sept. 1.
- ⁴ **Dahl R.** *Pluralist Democracy in the United States*. Chi, 1967, p. 24.
- ⁵ **Reich Ch.** *The Greening of America*. N. Y, 1970, p. 8.
- ⁶ См. **Зяблюк Н. Г.** *США: лоббизм и политика*. М, 1976.
- ⁷ См. *U.S. News and World Report*, 1980, Jan. 14, p. 26.
- ⁸ См. **Domhoff W.** *The Powers That Be. Processes of Ruling Class Domination in America*; **Watson R.** *Promise and Performance of American Democracy*. N. Y, 1972.
- ⁹ **Миллс Р.** Указ. соч., с. 333, 336.
- ¹⁰ См. **Hunter F.** *Top Leadership, USA*. Chapel Hill, 1959.
- ¹¹ См. *American Political Science Review*, 1958, June, p. 463—467.
- ¹² *Encounter*, 1960, No. 6, p. 55.
- ¹³ См. **Ricci D.** *Community Power and Democratic Theory*. N. Y, 1971.
- ¹⁴ См. *Elites in a Democracy*. Ed. by P. Bachrach, p. 56—57.

- ¹⁵ См. **Dahl R.** Who Governs? New Haven, 1961; **Dahl R.** Dei the United States: Promises and Performance. Chi., 1971.
- ¹⁶ См. **Prewitt K., Stone A.** Op. cit, p. 116—127.
- ¹⁷ **Dolbeare K., Edelman M.** American Politics, '1974, p. 189.
- ¹⁸ International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 5. N. Y.—L., 1968, p. 26.
- ¹⁹ См. **Dahl R.** Modern Political Analysis. New Haven, 1963, p. 8, 34.
- ²⁰ **Hamilton R.** Class and Politics in the United States. N. Y., 1972, p. 39.
- ²¹ См. **Domhoff W.** The Higher Circles. The Governing Class in America. N. Y., 1970.
- ²² **Hamilton R.** Op. cit., p. 45.
- ²³ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 37, с. 252.
- ²⁴ См. **Prewitt K., Stone A.** Op. cit., p. 215.
- ²⁵ **Hamilton R.** Op. cit., p. 74.
- ²⁶ **Barton A.** Fault Lines in American Elite Consensus. — Daedalus, vol. 109, 1980, Summer, No. 3, p. 1.
- ²⁷ **Femia J.** Elites, Participation and the Democratic Creed.— Political Studies, 1979, No. 1, p. 1.
- ²⁸ **Dye T., Zeigler H.** Op. cit., p. VII.
- ²⁹ **Dye T.** Op cit., p. 3—10, 143, 148.
- ³⁰ **Ландберг Ф.** Указ. соч., с. 395, 397.
- ³¹ См. **Domhoff W.** The Powers That Be. Processes of Ruling Class Domination in America, p. XI, XII, 3, 7—8.
- ³² **Berger B., Berger P.** Op. cit., p. 295.
- ³³ См. Culture and Social Character. Ed. by S. Lipset and L. Lowenthal. Glencoe. 1961, p. 252—262.
- ³⁴ **Riesman D.** The Lonely Crowd. N. Y., 1953, p. 253.
- ³⁵ См. **Dye T., Zeigler H.** Op. cit., p. 11 — 12.

Глава VI

- ¹ **Шопенгауэр А.** Поли. собр. соч., т. I. М., 1923, с. 242.
- ² **Ницше Ф.** Поли. собр. соч., т. III. М., 1911, с. 254.
- ³ **Шпенглер О.** Закат Европы, т. I. М.—Пг., 1923, с. 325—326.
- ⁴ См. **Freud S.** Die Zukunft einer Illusion. Leipzig, 1928.
- ⁵ **Ortega y Gasset J.** Op. cit., p. 19.
- ⁶ **Loevinger L.** The Ambiguous Mirror. N. Y., 1982, p. 101.
- ⁷ См. The New Republic, 1978, Apr. 8, p. 19.
- ⁸ См. Давыдов Ю. Н. Искусство и элита. М., 1966; **Гершкович З. А.** Что скрывается за буржуазным пониманием «массовой культуры». — Коммунист, 1965, № 6; **Ашин Г. К., Мидлер А. П.** Буржуазная «массовая культура» и ее новейшие разновидности. — Культура и идеологическая борьба. М., 1979; **Глазычев В. Л.** Проблема «массовой культуры». — Вопросы философии, 1970, № 12; **Кукаркин А. В.** По ту сторону расцвета. М., 1974; **Карцева Е. Н.** «Массовая культура» в США и проблема личности. М., 1974; «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М., 1975; **Райнов Б.** Массовая культура. М., 1979; **Кужелева Г. И.** «Массовая культура» как явление государственно-монополистического капитализма. Ростов, 1981; **Шестаков В. П.** «Искусство тривиализации»: некоторые проблемы «массовой культуры». — Вопросы философии, 1982, № 10.
- ⁹ **Brzezinski Z.** Op. cit., p. 27.
- ¹⁰ Б. Розенберг противопоставляет «серьезный модерн» «трясине массовой культуры», считая, что «лучше пропустить цветок в джунглях массовой культуры (даже если таким цветком окажутся «Биттлз»),

- чем затеряться в этих самых джунглях» (См. *Mass Culture Revisited* Ed. by B. Rosenberg, D. White. N. Y., 1971, p. 1.1).
- ¹¹ См. *Encounter*, 1970, Febr., p. 75.
 - ¹² См. *Encounter*, 1970, Apr., p. 85.
 - ¹³ См. **Bell D.** *The Coming of Post-Industrial Society*, p. 479.
 - ¹⁴ **Bell D.** *The Cultural Contradictions of Capitalism*, p. 134, 144—145.
 - ¹⁵ См. **Gans H.** *Popular Culture and High Culture*. N. Y., 1974, p. VII, 23, 127.
 - ¹⁶ *Ibid.*, p. 114.
 - ¹⁷ *Mass Culture Revisited*, p. 3.
 - ¹⁸ Слово «кич», по-видимому, происходит от немецкого *verkitschen* — удешевлять, превращать в дешевку. Американский социолог И. Шпракк определяет его как «лжекультуру: ...дешевку, массовую продукцию, но поданную в такой упаковке, что выглядит как элитарная» (**Schrack J.** *Snap, Crackle and Popular Taste*. N. Y., 1977 p. 117—118).
 - ¹⁹ См. **Moles A.** *Le kitsch. L'art du bonheur*. P., 1971, p. 188.
 - ²⁰ См. **Eco U.** *Lowbrow Highbrow, Highbrow Lowbrow*. — *The Times Literary Supplement*, 1971, Oct. 8, p. 632. Пример такого воздействия — «поп-арт», который можно рассматривать как часть «массовой культуры», имитирующую и адаптирующую модернизм, как преобразование «массовой культуры» в элитарную и вместе с тем как омассовление элитарности.
 - ²¹ Напомним в этой связи предостережение Ф. М. Достоевского против «полунатуки.., страшного бича человечества». В моделях сайентифицированной «массовой культуры», считает западногерманский публицист Г. Андерс, кино- и телезритель приучается к фамильярно-потребительскому отношению к науке.
 - ²² См. **Bell D.** *The Cultural Contradictions of Capitalism*, p. 144—145.
 - ²³ См. **Rubin J.** *Do It!* N. Y., 1970.
 - ²⁴ **Rozak T.** *The Making of Counterculture*. N. Y., 1971.
 - ²⁵ **Ленин В. И.** *Поли. собр. соч.*, т. 24, с. 120—121.
 - ²⁶ См. **Swingewood A.** *The Myth of Mass Culture*. L., 1977.
 - ²⁷ Классической работой о статусном присвоении считается книга В. Паккарда «Искатели статуса» (**Packard V.** *The Status Seekers*. N. Y., 1963).
 - ²⁸ Если десять-двадцать лет назад в буржуазных теориях массовых коммуникаций преобладали описания возрастающей «массовизации общества» (см. **Tan A.** *Mass Communication Theories and Research*. Colombus, 1981, p. 72) и запугивания ее пагубными последствиями для культуры, то в 80-е годы появляются утверждения о «демассификации» культуры. А. Тоффлер, например, считает важнейшим техническим средством «демассификации» кассетное телевидение, позволяющее, по его мнению, подобрать культурную продукцию в соответствии с индивидуальным вкусом реципиента (см. **Toffler A.** *Op. cit.*, p. 164).

Глава VII

- ¹ См. **Podhoretz N.** *The Present Danger*. N. Y., 1980.
- ² См. **Beck C. a. o.** *Comparative Communist Political Leadership*. N. Y., 1973, p. I; *Communist Studies and the Social Sciences*, 1976, p. 320.
- ³ См. **Parry G.** *Political Elite*. L., 1969, p. 26; **Crummey R.** *Aristocrats and Servitors*. Princeton, 1983.
- ⁴ См. **Angell R.** *Social Values of Soviet and American Elites*. — *The Journal of Conflict Resolution*, 1964, vol. VIII, No 4, p. 330—331.

- ⁵ См. Newsletter on Comparative Studies of Communism, 1974, p. 58.
- ⁶ **Dye T.**, Zeigler H. Op. cit, p. 59.
- ⁷ См. **Service R.** The Bolshevik Party in Revolution. L., 1979, p. 10.
- ⁸ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 16, с. 100—101.
- ⁹ **Meyer A.** Authority in Communist Political Systems,—Political Leadership in Industrial Societies. Ed. by L. Edinger. N. Y., 1976, p. 86.
- ¹⁰ См. **Stojanovic S.** Between Ideas and Reality. N. Y., 1973.
- ¹¹ См. **Nagel I.** A New Look at the Soviet Elite,—The Journal of Political and Military Sociology, 1975, No. 11, vol. 3, p. 1.
- ¹² См. **Giddens A.** The Class Struggle of Advanced Societies. L., 1973, p. 238.
- ¹³ См. **Lane D.** Politics and Society in the USSR. N. Y., 1971.
- ¹⁴ См. **Нарта М.** Указ. соч., с. 57—64.
- ¹⁶ См. **Parry A.** The New Class Divided. N. Y., 1976, p. 4.
- ¹⁶ См. **Brzezinski Z.** The Development of the USSR. Seattle, 1964, p. 20.
- ¹⁷ Soviet Studies, 1977, July, No. 3, p. 427.
- ¹⁸ См. The Soviet Political System. N. Y., 1970, p. 119.
- ¹⁹ См. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.
- ²⁰ **McAuley A.** The Distribution of Earnings and Incomes in the Soviet Union.—Soviet Studies, 1977, Apr., No. 2, p. 234.
- ²¹ **Connor W.** Socialism, Politics and Equality. N. Y., 1979, p. 223, 307.
- ²² См. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 70.
- ²³ См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 71—72.
- ²⁴ См. **Nove A.** Political Economy and Socialism. L., 1979.
- ²⁵ См. **Brzezinski Z.** The Development of the USSR. Seattle, 1964, p. 20.
- ²⁶ **Leongard W.** Die Dreispaltung des Marxismus. Dusseldorf — Wien, 1970, S. 400.
- ²⁷ См. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society, p. 358—364.
- ²⁸ **Bochenski I.** Marxismus-Leninismus. Munchen — Wien, 1974, S. 73.
- ²⁹ См. Материалы. XXVI съезда КПСС, с. 68.
- ³⁰ См. **Петровичев Н. А.** Важный фактор возрастания руководящей роли КПСС. М., 1979, с. 108.
- ³¹ См. **Connor W.** Op. cit., p. 382.
- ³² См. **Sweesy P.** Is There a Ruling Class in the USSR? — Monthly Review, 1978, Oct., vol. 30, No. 5, p. 16—17; Armstrong G. The Soviet Bureaucratic Elite. A Case Study of Ukrainian Apparatus. Wash., 1966.
- ³³ См. **Черненко К. У.** Вопросы работы партийного и государственного аппарата. М., 1980, с. 284.
- ³⁴ См. Критика современных буржуазных и ревизионистских концепций по проблемам строительства социализма и коммунизма. М., 1980, с. 171.
- ³⁵ **Ленин В. И.** Поли. собр. соч., т. 33, с. 116.
- ³⁸ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 3, с. 393.
- ³⁷ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 20, с. 187.
- ³⁸ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 35, с. 198.
- ³⁹ Там же, с. 57.
- ⁴⁰ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.
- ⁴¹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 36, с. 446.
- ⁴² **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 31, с. 136.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава I.</i> КОРНИ И ТРАДИЦИИ	16
<i>Глава II.</i> ЭЛИТА И ГОСПОДСТВУЮЩИЙ ЭКСПЛУАТАТОРСКИЙ КЛАСС	62
<i>Глава III.</i> ЭЛИТАРИЗМ: ПОСТУЛАТЫ, АРГУМЕНТЫ И ПСЕВДОАРГУМЕНТЫ	84
<i>Глава IV.</i> «ИРОНИЯ ДЕМОКРАТИИ»	134
<i>Глава V.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ ИЛИ ЕДИНОВЛАСТИЕ ЭЛИТЫ?	173
<i>Глава VI.</i> ЭЛИТАРНАЯ И «МАССОВАЯ» КУЛЬТУРЫ	196
<i>Глава VII.</i> ЭЛИТАРИЗМ И АНТИКОММУНИЗМ	218
ПРИМЕЧАНИЯ	245

Геннадий Константинович Ашин

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ЭЛИТЫ: КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Редактор *Е. Ю. Прокудина* Художественный
редактор *В. В. Сурков* Технический редактор
О. В. Кудрявцева Корректор *Ю. Н. Черушев*

ИБ № 1072

Сдано в набор 23.07.84. *Подписано в печать* 12.12.84. А-04764. Формат 84X108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. *Усл.*
кр.-отт. 13,76. *Уч.-изд. л.* 15,38. *Тираж* 11 000 экз. *Заказ* 740.
Цена 1 р.

Изд. № 35—и/83.

Издательство «Международные отношения» 107053, Москва, Садовая-Спасская,
20

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.